

История антропологии

А. Хингстон Куиггин
Альфред К. Хэддон

HISTORY OF ANTHROPOLOGY

BY

ALFRED C. HADDON,

M A., Sc.D., F.R.S., Fellow of Christ's College,
University Reader in Ethnology, Cambridge,

WITH THE HELP OF

A. HINGSTON QUIGGIN,

M.A., formerly of Newnham College, Cambridge

LONDON :

WATTS & CO.,

JOHNSON'S COURT, FLEET STREET, E.C.4

The Project Gutenberg eBook of История антропологии.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История антропологии

Автор: Альфред К. Хэддон

А. Хингстон Куиггин

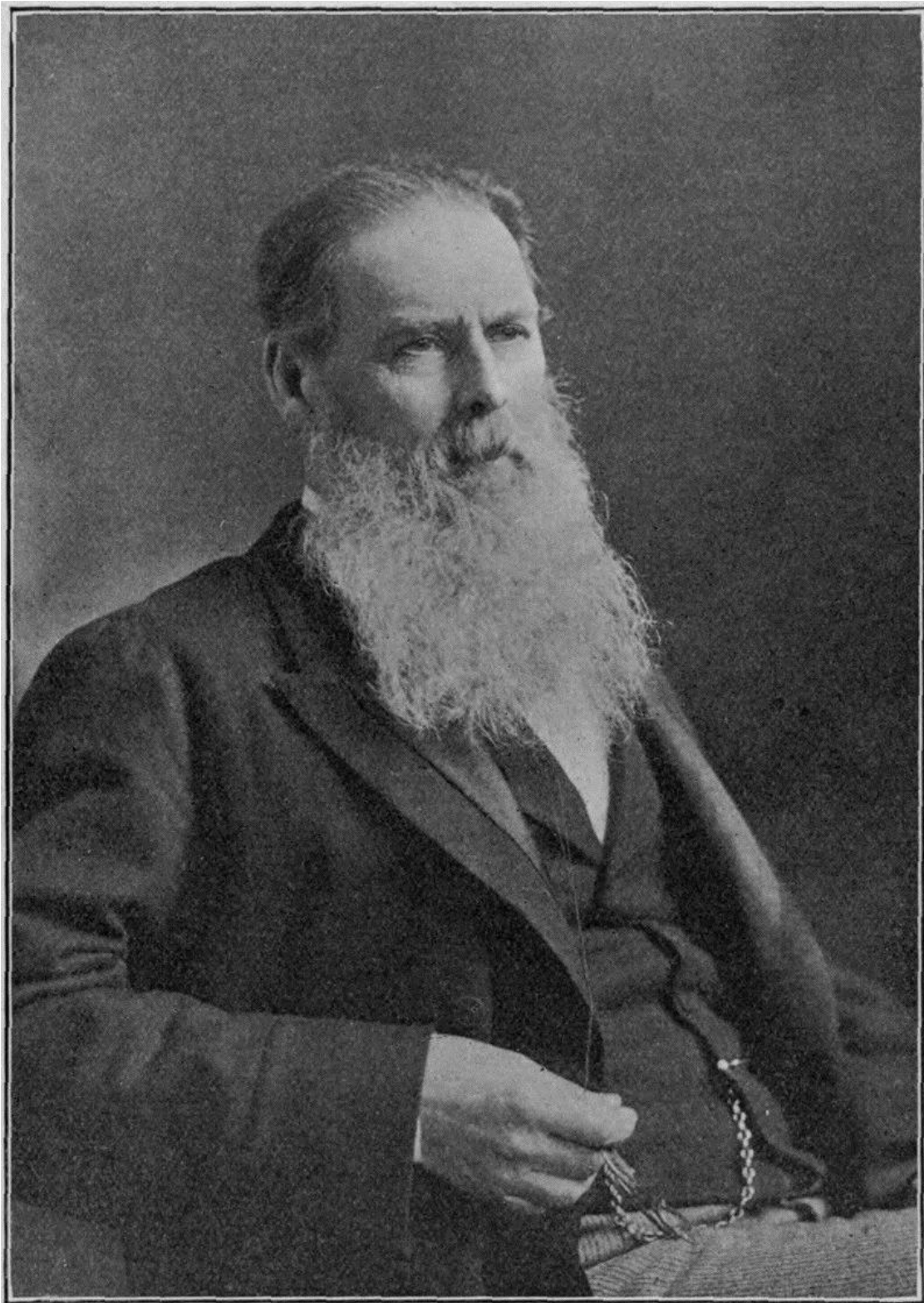
Дата выхода: 17 ноября 2023 [eBook #72158]

Язык: Английский

Оригинальное издание: London: Watts & Co, 1910

Кредиты: Питер Беккер и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом) Последнее редактирование информации о проекте

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTORY OF ANTHROPOLOGY ***

E. B. Tylor.

ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИИ

BY ALFRED C. HADDON,

M.A., Sc.D., F.R.S., член колледжа Христа,

Читатель по этнологии в университете, Кембридж,

ПРИ СОДЕЙСТВИИ

А. ХИНГСТОНА КВИГГИНА,

М.А., бывшего сотрудника Ньюнхемского колледжа, Кембридж.

Лондон:

WATTS & CO,

ДЖОНСОНС-КОРТ, ФЛОТ-СТРИТ, Е.С.4

Отпечатано в Великобритании

Уоттс и Ко, Джонсонс Корт,

Флит-стрит, Лондон, Е.С.4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы с большим сомнением предлагаем публике эту небольшую книгу, поскольку она, насколько нам известно, является первой попыткой написать историю антропологии. Небольшая по объему книга, посвященная столь обширному предмету, включающая в себя столько различных исследований, не может удовлетворить специалистов в различных областях. Во многих отраслях исследования появились так недавно, что вряд ли можно говорить об их истории, а в некоторых случаях их создатели еще живы. Несомненно, многие будут критиковать объем, отведенный некоторым авторам, и задаваться вопросом, почему другие были пропущены или получили лишь скудное признание. Все, что мы можем сказать в оправдание нашего выбора, - это то, что задача была отнюдь не легкой, и мы отчасти руководствовались тем фактом, что наши читатели будут в основном британской национальности. Невозможно упомянуть всех наиболее важных из ныне живущих работников, будь то исследователи, коллекционеры или систематизаторы; но это не связано с недостаточной оценкой их труда. В большинстве случаев ссылки даются в тексте; несколько дополнительных работ можно найти в библиографии в конце книги. Две даты, которые следуют за именем, относятся к годам рождения и смерти человека; одна дата относится к дате публикации книги или мемуаров.

Мы надеемся, что во всех случаях мы ссылались на авторов, которым мы обязаны информацией; за личную помощь мы хотим поблагодарить доктора К. С. Майерса из Гонвилл и Кайус колледжа, мистера Э. Э. Сайкса, тьютора колледжа Святого Иоанна, Кембридж, и мистера Эдварда Клодда.

А. С. Н.

Октябрь, 1910.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	v
Введение	1-5
<i>ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.</i>	
ГЛАВА I	
Пионеры физической антропологии	6-27
Определение слова "антропология". Основополагающие концепции. Расовая дискриминация: в картинах бушменов, в искусстве Древнего Египта, Ассирии и т. д., в ведической литературе. Гиппократ. Аристотель. Везалий. Шпигель. Тайсон. Пигмеи. Линней. Бюффон. Блюменбах. Чудовища и дикие люди.	
ГЛАВА II.	
Систематизаторы физической антропологии	28-49
Краниология: Блюменбах, основатель краниологии. Кэмпер и лицевой ангел. Различные ранние краниологи. Ретциус и цефалический индекс. Граттан. Брока. Топинард. Де Кватфаж. Вирхов. Серджи. Критика краниометрии Хагеном и Макалистером. Антропометрия: Уайт и другие. Измерения и наблюдения за живыми популяциями: Беддоу. Вирхов. Методы работы с антропометрическими данными: Индексы. Средние величины. Сериации. Кривые. Математическая обработка: Кетеле. Гальтон. Карл Пирсон. Научное и практическое значение антропометрии: В происхождении и дифференциации человека. Расовая история. Наследственность. Гальтон. Смещение. Влияние окружающей среды. Тест на физическую пригодность. Идентификация преступников. Бертильон. Гальтон.	
ГЛАВА III.	
Антропологические противоречия	50-69
Происхождение человека. Полигенизм и моногенизм. Лоуренс. Лорд Монбоддо. Ламарк. Кювье. Этьен Сент-Илер. Роберт Чемберс: <i>Вести о творении</i> . Герберт Спенсер. Дарвин: <i>Происхождение видов</i> . Место негра в природе. Джеймс Хант.	
ГЛАВА IV.	

Раскрытие древности человека 70-78

Ископаемый человек. Каннштадт, неандерталец, Шпион и другие находки. *Homo Heidelbergensis*, *Homo primigenius*, *Pithecanthropus erectus*.

ГЛАВА V.

Сравнительная психология 79-87

Френология. Психические исследования. Методы и цели психологии. Этническая психология. Бастиан. Народная психология. Экспериментальная психология. Евгеника.

ГЛАВА VI.

Классификация и распределение человека 88-98

Описание и классификация рас. Бернье. Линней. Блюменбах. Другие классификации. Прунер Бей. Бори де С. Винсент. Исидор Жоффруа Сент-Илер. Геккель. Брока и Топинар. Цветок. Деникер. Кин. Место человека в природе. Хаксли. Фогт.

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.

ГЛАВА VII.

Этнология: Сфера применения и источники 99-110

Определение. Источники. Геродот. Лукреций. Страбон. Путешественники. Миссионеры. Систематические труды по этнологии. Причард. Другие обобщения. Этнология и классика. Этнология и политические науки.

ГЛАВА VIII.

История археологических открытий 111-125

Доисторический человек. Кремневые орудия. Дания. Пещеры: Орестон. Киркдейл. Льеж. Пещера Кента. Озерные жилища. Ирландские кранноги. Швейцарские свайные жилища. Бриксхемская пещера. Буше де Пертес. Последующий прогресс археологии. Франция. Великобритания. Германия и т.д. Третичный человек. Эолиты.

ГЛАВА IX.

Технология 126-127

Питт-Риверс. Отис Т. Мейсон. Г. Бальфур. Х. Колли Марч. Столп.

ГЛАВА X.

Социология и религия 128-143

Сравнительная этнология. Тайлор. Эйвбери. Социология. Комт. Бакл. Герберт Спенсер. Бахофен, Морган, Макленнан и другие. Магия и религия. Антропология и религия. Фольклор. Сравнительная религия.

ГЛАВА XI.

Лингвистика 144-148

Арийские споры. Язык и раса.

ГЛАВА XII.

Культурная классификация и влияние среды	149-152
Галлатин. Вильгельм фон Гумбольдт. Гиппократ. Бюффон. Александр фон Гумбольдт, Риттер и Вайц. Бакл. Ратцель. Реклю. Ле Плей.	
Ретроспектива	153
Библиография	155
Указатель авторов	157

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	СТРАНИЦ
Е. Б. Тайлор	А
	<i>Фронтис</i>
	<i>пис</i>
Бушмены совершают набег на скот кафиров	9
Расовые портреты древних египтян	10
Л. Ф. Блюменбах	24
Верхние и боковые виды черепов	29
Поль Брока	36
Череп ископаемого человека из Ла-Шапель-о-Сен	74
Р. В. А. Бастиан	83
Л. К. Причард	105

ВВЕДЕНИЕ

В своем обращении к Антропологической секции Британской ассоциации в 1892 году профессор Александр Макалистер использовал небольшую аллегорию, чтобы проиллюстрировать рост и прогресс антропологии.

"На неровном и неогороженном участке пустыря, - сказал он, - расположенном на окраине небольшого городка, в котором я провел часть своего детства, стояла доска объявлений с надписью "Свободный переворот", которая в переводе на язык южан означала: "Здесь можно выбрасывать мусор". Это место с его горами неучтенных мелочей, отбросов окрестных домов, было любимым местом игр окрестных детей, которые находили сокровищницу игрушек в битой черепице и устричных раковинах, посуде и капустных кочерыжках, которые были щедро разбросаны вокруг..... Проезжая мимо этого места десять лет спустя, я обнаружил, что его облик изменился; террасы небольших домов выросли, как грибы, на неаппетитном фундаменте из разнородного мусора. Совсем недавно я заметил, что они, в свою очередь, были сметены, и теперь на месте первоначальных отходов стоит большая фабрика, на которой построены одни из самых гениальных произведений человеческого мастерства".

Здесь мы можем различить три стадии развития науки антропологии.

Сначала - гора разнородных фактов и выдумок, остатки историка, авантюриста, миссионера - любимая площадка *дилетантов* разной степени серьезности. Далее мы видим порядок, возникающий из хаоса, и возведение ряда надстроек, несущих признаки преходящести и несовершенства, которые в конце концов сменяются прочной тканью связного целого.

В этой небольшой книге будут упомянуты некоторые из первых строителей на свалке - греческий философ Аристотель, бельгийский анатом Везалий, англичане Тайсон и Причард, швед Линней, француз Бюффон и немец Блюменбах. Они заложили основы науки, и каждый из них претендует на звание истинного основателя антропологии. После них число тружеников увеличивается, они становятся все более специализированными, и мы будем рассматривать их не в непрерывном хронологическом порядке, а под отдельными заголовками различных отраслей предмета, в которых они трудились.

"Вмешиваться в вопросы заслуг или приоритета - дело тернистое в лучшие времена", как сказал Хаксли; и здесь не ставится задача полноты. Упомянуты лишь те, чьи работы внесли заметный вклад в исторический рост науки или проиллюстрировали его.

Можно возразить, что слишком много внимания уделено труженикам кресла и слишком мало - труженикам поля. Это действительно так, особенно в разделе "Этнология"; но этого требует объем тома. Мы пытаемся сделать краткий набросок леса и не можем остановиться на описании отдельных деревьев, составляющих его. Детальные исследования, какими бы ценными они ни были, должны сливаться с обобщениями, а обобщения в основном исходят из кресел.

Профессор Майкл Фостер как-то заметил, что "гипотеза - это соль науки". Главная трудность, с которой приходится сталкиваться наблюдателям в полевых условиях, заключается в том, что, как правило, они видят только то, что ищут. Когда исследователь покидает свое поле и обрабатывает результаты дома, он очень часто обнаруживает, что не обратил внимания на

некоторые обычаи или верования, о существовании которых в других местах он либо упустил из виду, либо забыл. В этом и заключается оправданность анкет. Одна из важнейших функций студентов-синтетиков - кропотливо собирать данные из обширной литературы по антропологии, путешествиям, древней и современной истории и объединять их в стройные гипотезы. Таким образом, домашний студент предлагает полевому этнологу новые вопросы, и в результате получается более богатый урожай. Однако самые ценные обобщения делаются тогда, когда наблюдатель одновременно является и обобщающим; но "несомненно, - как сказал Махарбал Ганнибалу после битвы при Каннах, - боги не даровали все одному человеку. Ты, Ганнибал, знаешь, как побеждать, но не знаешь, как использовать свою победу".

Обширность антропологических наук и туманный характер их отграничения от других наук делают их определение или классификацию особенно трудным делом. Даже сегодня студенты не согласны с точной терминологией и ограничениями различных отраслей своего предмета; но, в конце концов, эти - не более чем академические дискуссии, поскольку исследования продолжаются независимо от пограничных линий. Кто действительно обеспокоен этой "терминологической неточностью", так это каталогизаторы и библиотекари, которые часто находятся в растерянности, куда поместить товары в своих каталогах или книги на полках. В основном именно с этой точки зрения Дизеруд был вынужден написать свою *"Науку антропологии: Its Scope and Content."*^[1] Эта полезная небольшая книга очень полно и в историческом порядке рассматривает вопросы, упомянутые выше, и может быть рекомендована тем, кто интересуется этими несколько бесполезными дискуссиями.

1. Это название на обороте книги. Его обозначение на титульном листе правильно указано в библиографии.

Для удобства тех, кому нужны ориентиры, мы приводим схему, которой примерно придерживаются в этой книге и которая основана на классификации, недавно предложенной Советом по изучению антропологии Лондонского университета в качестве руководства по изучению и преподаванию антропологии:.

А.- Физическая антропология (антропография, антропология некоторых писателей)

(a) Зоологическая (соматология, включая краниологию и т.д.).- Место человека в природе, о чем свидетельствует изучение сравнительной анатомии и физиологии, особенно антропоидов.

(b) Палеонтология. Древность человека, о которой свидетельствуют ископаемые и полуископаемые останки, включая геологические данные.

(c) Физиологический и психологический. Сравнительное изучение телесных функций и психических процессов.

(d) Этнологическая.- Сравнительное изучение физических характеристик, отличающих различные расы и подрасы человека. Классификация человеческой расы в соответствии с физическими и психическими характеристиками. Географическое распределение разновидностей человечества. Влияние окружающей среды на телосложение.

Б.-Культурная антропология (этнология некоторых авторов).

(a) Археологическая. Древность человека, выявленная самыми ранними останками его творений. Доисторические периоды; их характеристики, последовательность и

продолжительность. Сохранение ранних условий культуры в более поздние времена (фольклор).

(b) *Технологический* - сравнительное изучение искусств и отраслей промышленности; их происхождение, развитие и географическое распространение.

(c) *Социология* - сравнительное изучение социальных явлений и организации. Обычаи и системы рождения, воспитания, брака и смерти. Социальные и религиозные ассоциации. Правительство и законы. Моральные идеи и кодексы. Магические и религиозные идеи и практики.

(d) *Лингвистический* - сравнительное изучение языка.

(e) *Этнологический*. Сравнительное изучение и классификация народов на основе культурных условий и характеристик. Влияние окружающей среды на культуру.

Глава I.

ПИОНЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Определение слова "антропология".

Аристотель, "отец тех, кто знает", как называл его Данте, считается автором слова "антрополог"; но он использовал его не в очень комплиментарном смысле. Описывая в своей *"Этике"* человека с возвышенным мышлением, он называет его οὐκ ἀνθρωπολόγος - не сплетник, не болтун о себе. Но это слово, по-видимому, не обеспечивало постоянной потребности в греческом мире, и мы встречаем его в латинской форме в шестнадцатом веке. *Антропология* тогда использовалась в ограниченном смысле, относясь к телесному строению человека, и первой работой, в которой оно встречается, как правило, считается *"Антропология человеческого достоинства"* Магнуса Хундта, появившаяся в 1501 году и посвященная анатомии и физиологии человека в целом.

Первое появление этого слова в английском языке произошло, вероятно, в XVII веке, когда была опубликована анонимная книга под названием *"Антропология в кратком изложении; или Идея человеческой природы, отраженная в кратких философских и анатомических сборниках"* (1655). Автор определяет свой предмет таким образом:...

Антропология, или история человеческой природы, по вульгарному (но справедливому) впечатлению, разделена на два тома: первый озаглавлен *"Психология"*, в нем рассматривается природа разумной души; другой - *"Анатомия"*, в нем описывается фабрикация или строение человеческого тела, выявленное при расчленении... Из первого мы в отвлеченном репертуаре доставим наши коллекции.^[2]

2. См. Bendyshe, p. 356.

Значение этого слова едва ли было ясно в начале девятнадцатого века, когда в *Британской энциклопедии* 1822 года мы находим следующие определения: "Рассуждение о

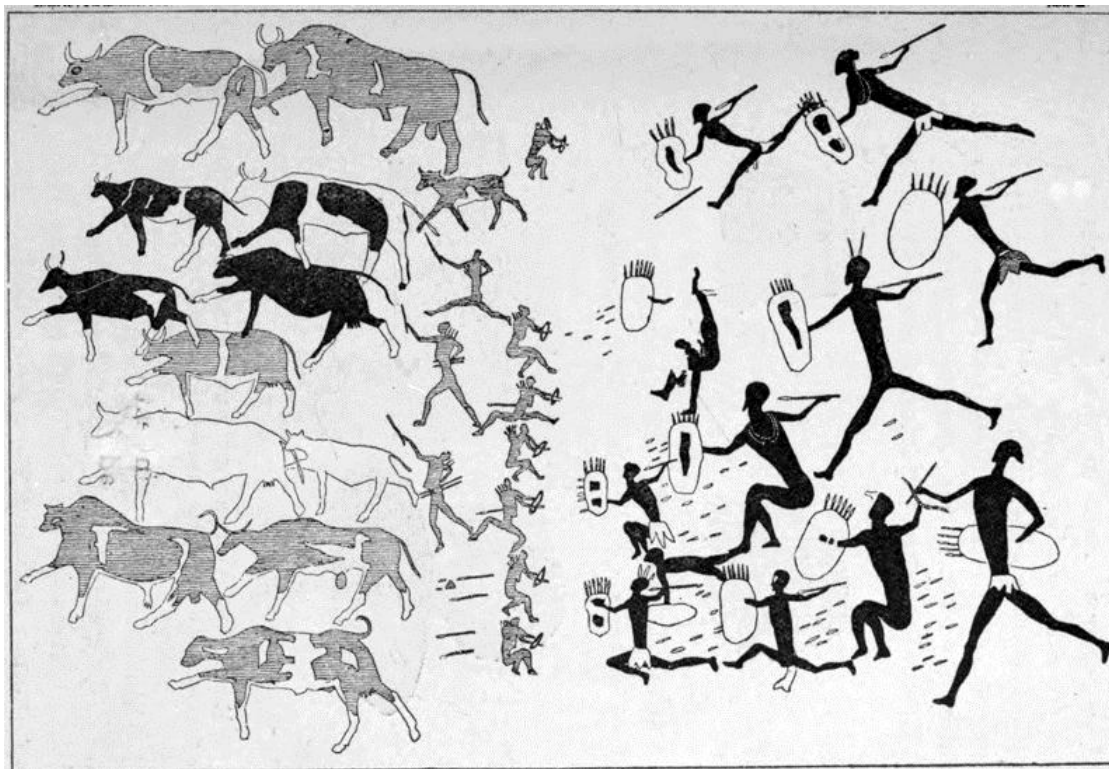
человеческой природе" и "Среди богов - манера выражаться, с помощью которой вдохновенные писатели приписывают Богу человеческие части и страсти".

Что касается нынешнего использования термина "антропология", то немногие примут за исключение определение, данное Топинаром в его "*Антропологии*" (1876): "Антропология - это отрасль естественной истории, изучающая человека и его расы". Еще более кратко ее можно охарактеризовать как "науку о человеке", которая включает в себя два основных раздела: один занимается естественным человеком (*ανθρωπος*, или *homo*); другой - человеком по отношению к своим братьям, или, другими словами, социальным человеком (*εθνος*, или *socius*). В конце "Введения" мы приводим классификацию, которую предлагаем принять. Следует, однако, отметить, что если в нашей стране мы используем термин "антропология" для обозначения всего предмета, то на континенте принято ограничивать этот термин тем, что мы обозначаем как "физическая антропология", "антропография" или "соматология".

Фундаментальные концепции.

Начало антропологии, вероятно, можно отнести к тому, что профессор Гиддингс (1896) назвал "сознанием вида", а доктор Макдугалл (1898) более определенно признал проявлением стадного импульса. Он говорит (стр. 299-300):-

Стадный импульс любого животного получает удовлетворение только в присутствии животных, похожих на него самого, и чем ближе сходство, тем больше удовлетворение..... Так и в любом человеческом существе инстинкт действует наиболее мощно в связи с присутствием людей, наиболее близко похожих на него, тех, кто ведет себя подобным образом и реагирует на те же ситуации сходными эмоциями, и получает от этого наивысшую степень удовлетворения.

Andree, *Parallelen*. N. r. Tafel. III.

Бушмены нападают на скот кафиров.

(После Р. Андри.)

EGYPTIAN

SEMITE

NEGRO

LIBYAN

Расовые портреты древних египтян на гробницах царей в Бибан-эль-Молуке (XVIII-XXI династии).

Расовая дискриминация.

Признание степеней сходства подразумевает признание непохожести. Это можно назвать стадией расовой дискриминации. Древняя литература и изобразительное искусство некоторых нецивилизованных народов изобилуют примерами расовой дискриминации. Грубые изображения людей, обнаруженные в пещерах Франции и других стран, вероятно, были призваны изобразить самих людей, живших в эпоху палеолита. Эти рисунки или резьба, как и рисунки большинства современных дикарей, демонстрируют гораздо большее мастерство в изображении животных, чем людей; следовательно, опасно полагаться на них как на отражение физических характеристик существовавшего тогда населения. Совсем иначе выглядит знаменитая бушменская пиктограмма, изображающая драку между бушменами и кафирами. Здесь поразительно показаны относительные размеры, разница в цвете кожи и использование различных орудий войны этими двумя расами; но, как правило, сами бушмены преувеличивают одни черты и преуменьшают другие - например, голова неизменно слишком мала и безликая.

В Египте сохранилось огромное количество изобразительного и скульптурного материала для этнологического изучения, охватывающего многовековой период. Более трех тысяч лет назад художники - "необученные, но не лишенные наблюдательности этнологи"^[3] - украшали стены царских гробниц изображениями четырех рас человечества, на которые египтяне девятнадцатой династии предполагали разделить мир: (1) египтяне, которых они рисовали красным; (2) азиаты или семиты - желтыми; (3) южане или негры - черными; и (4) западники или северяне - белыми, с голубыми глазами и светлыми бородами. Каждый тип четко различается по одежде и характерным признакам. Помимо этих четырех типов, древние египтяне выделяли и другие разновидности людей, большинство из которых можно идентифицировать. "На египетских памятниках мы находим не только очень типичные портреты, но и попытку классификации; ведь египтяне были научным народом, знающим медицину, а также искусными математиками; поэтому их примитивная антропология не является неожиданной"^[4] Эта способность к расовой дискриминации еще раньше проявилась в доисторических или раннеисторических грифельных палитрах Египта.

3. Д. Рэндалл-Масивер и А. Уилкин, *Ливийские заметки*, 1901, с. 1.

4. *Man*, viii., 1908, p. 129.

К пятому веку до нашей эры относятся реалистичные портретные фигурки в керамике, обнаруженные профессором Флиндерсом Петри в Мемфисе,^[5] "которые явно скопированы с различных рас, которые были сварены вместе персами, и которые все встретились в иностранном поселении в Мемфисе". Профессор Петри идентифицирует шумеров или аккадцев, древний туранский народ, положивший начало цивилизации в Вавилонии. "Их головы идентифицируются по похожим портретам, высеченным на камне около 3000 г. до н. э. и найденным в Месопотамии". Персы, скифы, монголы и даже индийцы также признаны им; но некоторые из последних датируются им примерно 200 годом до нашей эры.

5. Пул, *l.c.*

Ассирийские памятники менее однозначны в этом отношении.

Сами ассирийцы, как видно, были очень чистым типом семитов; но в вавилонянах есть признаки кушитской крови..... Есть один портрет эламского (кушитского) царя на вазе, найденной в Сузах; он окрашен в черный цвет и, таким образом, принадлежит к кушитской расе. Эфиопский тип можно ясно увидеть на рельефах, изображающих войны ассирийцев с царями Эфиопии; но трудно отличить арабов и евреев от ассирийцев; на самом деле различия прослеживаются только во времена хорошего искусства.^[6]

6. Н. Н. Risley, *The Tribes and Castes of Bengal: Ethnographic Glossary*, i., 1892, p. xxxviii.

Наскальные рисунки в Персии, скифские монеты и множество других памятников и останков из других стран и относящихся к разным эпохам, показывают, что форма головы, черты лица, характер волос и способ их ношения, украшения, одежда и оружие - все это с древнейших времен считалось средством различения разных народов.

Древняя литература, в которой достаточно одного примера, рассказывает о том же:...

Чувство цветовых различий, которое, несмотря на все наши разговоры о всеобщей гуманности, все еще играет большую и, с политической точки зрения, часто неудобную роль в истории мира, находит яркое выражение в ведических описаниях людей, которых арийцы нашли на равнинах Индии. В одном из известных отрывков бог Индра восхваляется за то, что защитил цвет кожи ариев, а слово, означающее цвет кожи (*варна*), используется и по сей

день как эквивалент касты, особенно применительно к кастам, которые, как считается, имеют арийское происхождение.^[7]

7. *Report Brit. Assoc.*, 1881, p. 683.

Слово "каста" португальского происхождения. В 179-м гимне первой мандалы Риг-Веды, как указывает д-р Герсон да Кунья,^[8] слово *varna* используется в двойственном числе, *ubhau varnau*, "два цвета", белый у ариев и черный у дасью, то есть у "дравидийских" аборигенов, которых в других местах называют "чернокожими", "нечестивыми", "отлученными". В других текстах говорится об их низком росте, грубых чертах лица и прожорливом аппетите. В Риг-Веде для характеристики дасью и дайтьев используется слово *anâsa* - "безносый", что означает "воры" или "демоны". Вряд ли будет преувеличением сказать, что на основе этих источников можно составить довольно точное антропологическое определение современных племен джунглей.

8. "Президентская речь: Носовой указатель в биологической антропологии", *Журн. Anth. Soc. of Bombay*, 1892, p. 542.

Так неосознанно были заложены основы описательной антропологии.

В наши дни расовые черты воспринимаются точно так же, а расовая антипатия подливает масла в огонь, считая черты, отличающиеся от черт говорящего или пишущего, уродливыми, нежелательными или низкого типа. "Изучение расы, - говорил покойный сэр Уильям Флауэр (1831-1899), - действительно находится на низком уровне, когда мы слышим, как один и тот же презрительный эпитет "ниггер" без разбора применяется англичанами за границей к неграм западного побережья Африки, кафирам Наталя, ласкарам Бомбея, индусам Калькутты, аборигенам Австралии и даже маори Новой Зеландии".^[9] Англичанин, считающий "негром" любого темнокожего туземца, не продвинулся в расовой дискриминации дальше своего дальнего родственника, переправившегося в долину Инда около четырех тысяч лет назад.

9. *Отчет Британ. Assoc.*, 1881, p. 683.

Гиппократ.

Гиппократ (460-357 гг. до н. э.), "отец физики", безусловно, был пионером в области физической антропологии. Он говорит: "Я обойду стороной мелкие различия между народами, но теперь расскажу о тех, которые велики либо от природы, либо по обычаю; и, во-первых, о макроцефалах. Нет другой расы людей, у которых голова была бы хоть немного похожа на их голову". Он считает, что эта вытянутая форма головы изначально была получена искусственно, но впоследствии она унаследована, или, как он выражается: "Таким образом, сначала действовало обыкновение, так что эта конституция была результатом силы; но со временем она сформировалась естественным образом, так что обыкновение не имело к ней никакого отношения" - мнение, принятое много веков спустя Бюффоном и другими.

Аристотель.

Аристотель (384-322 гг. до н. э.) не только был первым авторитетом, употребившим слово "антропология".^[10], но и может быть назван антропологом. Материалы собирали путешественники, такие как карфагенянин Ганно, который встретил горилл в Африке; историки, такие как Геродот (который тоже был путешественником); и врачи, такие как Гиппократ. Аристотель в той или иной степени был обязан всем этим людям, но его обширные труды по естественной истории были основаны главным образом на том, что он

считал первостепенным - фактах, полученных из личных наблюдений. Только по этой причине его труды заслужили то место, которое они занимали на протяжении многих веков.

10. Ср. с. 6.

Таким образом, не нарушая догм религии или философии, он поместил человека естественным образом среди животных (опередив, как замечает Топинард, человечество примерно на двадцать веков), но отличил от них по некоторым признакам - по относительному размеру мозга, по двуногости, по умственным качествам и т. д. Некоторые авторы считают маловероятным, что Гиппократ или Аристотель когда-либо препарировали человеческое тело, но можно придерживаться и противоположной точки зрения. Даже Гален (ок. 130 г. н.э.), чья анатомия занимала ведущие позиции более тысячи лет, вынужден был основывать свои выводы на телах животных, в частности обезьян; и, хотя он не скрывал этого факта, несоответствие между анатомией симулянта и человека было обнаружено только во времена Везалия.

Везалий.

Везалий (1513-1564) - следующее великое имя в истории физической антропологии. Он был профессором анатомии в Падуе, Болонье и Пизе, а также врачом Карла V и Филиппа II. Его работа знаменует собой революцию в анатомической науке; ведь он не только ниспроверг доктрины, которые принимались на протяжении четырнадцати веков, показав, что в значительной степени Гален изучал анатомию обезьяны, а не человека, но и своими собственными выводами из прямых наблюдений и оригинальных исследований заложил свежий и неоспоримый фундамент для будущих исследований. Его заслуги в области анатомии сравнивают с заслугами Галилея и Коперника в области астрономии. Его судьба была не похожа на судьбу многих других смелых первооткрывателей Средневековья. Его обвинили в том, что он препарировал человека еще при жизни, враги притащили его в инквизицию и приговорили к смерти. Благодаря заступничеству короля приговор был заменен паломничеством к Гробу Господню, но на обратном пути он потерпел кораблекрушение и утонул у острова Занте.

Каннингем в своей президентской речи в Королевском антропологическом институте в 1908 году ссылается на работу Везалия, которого он называет одной из самых выдающихся фигур шестнадцатого века. Он добавляет:-

Интересно отметить, что некоторые расовые различия не ускользнули от внимания Везалия. "Оказывается, - замечает он, - что у большинства народов есть что-то особенное в форме головы. Череп генуэзцев и, что еще более примечательно, греков и турок имеет шаровидную форму. Эта форма, которую они считают элегантною и хорошо приспособленною к их практике окутывания головы складками своих тюрбанов, часто создается повитухами по просьбе матери". Далее он отмечает, "что у немцев, как правило, сплюснутый затылок и широкая голова, потому что детей всегда кладут на спину в колыбели; а у бельгийцев - более продолговатая форма, потому что детям разрешают спать на боку".

Мы знаем, что на податливые головы младенцев оказывается более или менее постоянное давление, чтобы создать восхитительные формы, но эта теория зашла слишком далеко, когда несколько столетий спустя она была использована для объяснения черт лица негров. Лоуренс в своих *"Лекциях по сравнительной анатомии"* приписал плоские носы и толстые губы негров методу вынашивания младенцев в Африке. Негритянские матери, находясь на работе, носят своих младенцев на спине, и "при сильных движениях, необходимых для их тяжелого труда, например, при отбивании или колочении проса, лицо ребенка, как говорят,

постоянно ударяется о спину матери". Предполагалось, что в результате такого грубого обращения лицо негритянского ребенка приобретает нужную форму; но, как отмечает Каннингем, не было сделано ни одной попытки объяснить, как процесс ударов приводит к совершенно противоположным результатам в случае носа и губ - уменьшению выступа первой и увеличению выступа второй.

Шпигель.

"Изобретение "цефалометрической линии" Шпигелем, умершим в начале XVII века, можно считать самой ранней научной попыткой измерения черепа". Он провел четыре линии в определенных направлениях, и череп, в котором эти линии были равны друг другу, он рассматривал как регулярно пропорциональный. "Хотя этих линий явно недостаточно для сравнительной этнографии сегодняшнего дня, тем не менее интересно заметить, что, поднимаясь по зоологической шкале, эти линии приближаются к равенству ровно настолько, насколько измеренная голова приближается к человеческой форме".^[11]

11. J. Aitken Meigs, *North American Med.-Chir. Rev.*, 1861, p. 840.

Тайсон.

Иоганн Шперлинг, автор *"Физической антропологии"* (1668), и Сэмюэл Хаворт, написавший *"Антропологию, или Философское рассуждение о человеке"* (1680), также относятся к семнадцатому веку. Но более важными являются работы Эдварда Тайсона, выходца из Кембриджа, получившего степень доктора медицины в 1678 году. Он был членом, а затем цензором Колледжа врачей, членом Королевского общества и автором многочисленных работ по анатомии. Его слава в основном связана с работой, заложившей основы сравнительной морфологии, - *"Orang-Outang, sive Homo Sylvestris: or The Anatomy of a Pygmie compared with that of a Monkey, an Ape, and a Man"* (1699). Это была первая попытка разобраться с анатомией любой из антропоидных обезьян, и она демонстрирует весьма заметные способности автора. Он сравнил строение человека и обезьян и пришел к выводу, что пигмей представляет собой некое промежуточное животное между ними. На самом деле пигмеем был шимпанзе, и его скелет, который был признан "недостающим звеном", до сих пор можно увидеть в Музее естественной истории (Британский музей) в Южном Кенсингтоне. Тайсон добавил к своей работе *"Анатомия пигмеев"* *"Филологический очерк о пигмеех, циноцефалах, сатирах и сфингах древних"*. В нем будет показано, что все они либо обезьяны, либо мартышки, а не люди, как считалось ранее. Цель "Эссе" можно выразить его собственными словами:...

Если, таким образом, я смогу выяснить... что существовали такие животные, как пигмеи, и что они были не расой людей, а обезьянами; и смогу обнаружить авторов, которые подделали все или большинство досужих историй о них; и покажу, как обман в последующие века продолжался, когда бальзамировали тела обезьян, а затем выставляли их для людей той страны, откуда они их привезли: Если мне удастся это сделать, я буду считать, что мое время не полностью потеряно, а хлопоты не совсем бесполезны, которые я потратил на это расследование".

Пигмеи.

Это была первая попытка рационально объяснить бесчисленные рассказы о существовании пигмейской расы, обезьянолюдей или людей-обезьян, встречающиеся во всех частях света. Гипотеза Тайсона заключалась в том, что все эти легенды были основаны на несовершенных наблюдениях за обезьянами, и его примеру последовали Бюффон и другие. Здесь будет

уместно вкратце остановиться на исследованиях, которые в последние годы привели к противоположному выводу - а именно, что эти сказания относятся к карликовой расе людей, ранее очень широко распространенной по земному шару.

Эта теория в основном связана с именем де Кватрефажа (1810-1892). В предисловии к своей книге о пигмеях он пишет: "В течение долгого времени маленькие черные расы привлекали мое внимание и вызывали особый интерес". Его самые ранние исследования этой темы были опубликованы в 1862 году и продолжались до 1887 года. Анализируя доказательства, он показывает, что две местности, где древние, по-видимому, размещали своих пигмеев (внутренние районы Африки и самые южные районы Азии), вместе с приписываемыми им характеристиками, указывают на фактическое знание двух групп маленьких людей (негриллов и негритосов), которые все еще можно найти в этих регионах. Профессор Й. Коллманн из Базеля в своей книге "*Пигмеи в Европе*" (1894) доказывает существование европейской расы пигмеев в неолитические времена на основании некоторых останков, найденных в Шаффхаузене, а также широкую распространенность короткого роста среди многих народов Европы, особенно на юге. Мистер Дэвид Макричи приписывает этой доисторической карликовой расе не только легенды о пигмеях, но и сказки в целом. Президент Уиндл подводит итог этому вопросу следующим образом:...

Можно с большей или меньшей точностью и уверенностью определить большинство тех рас, которые, описанные древними писателями, были отвергнуты их преемниками. Время отомстило Аристотелю и Плинию, показав, что они были правы там, где ошибались Тайсон и даже Бюффон. (Р. liii.)

Во времена Аристотеля человек занимал свое естественное место во главе других животных, отличаясь от них определенными признаками. Но влияние религии и философии не позволило долго сохранять эту связь. Человек стал рассматриваться как *шеф-повар* творения, нечто отдельное, положение, которое метко описано словами святого Павла (маргинальная версия) "на малое время ниже ангелов".

В восемнадцатом веке произошли поразительные перемены. Человек был вырван из этой обособленной и изолированной позиции и вновь соединился с полевыми зверями. Это была работа Линнея.

Линней.

1707 год памятен в истории антропологии как дата рождения двух величайших ее представителей - Линнея^[12] (1707-1778) и Бюффона (1707-1788). Оба посвятили долгую жизнь науке, оба создали монументальные труды, имеющие непреходящую ценность; но трудно найти двух современных деятелей, занимавшихся одним и тем же делом, чьи жизни представляли бы больший контраст.

12. По дворянскому патенту, выданному в 1757 году, Линней стал Карлом фон Линнеем.

Линней был сыном бедного пастора, а его мать - дочерью бывшего пастора того же небольшого шведского прихода. Говорят, что уже в четырехлетнем возрасте Карл заинтересовался ботаникой и начал задавать вопросы, на которые его отец не мог ответить. То ли чтобы избежать допроса, то ли из более мудрых побуждений, отец взял за правило никогда не отвечать на один и тот же вопрос дважды, и именно этой ранней дисциплине Линней обязан своей цепкой памятью. Мальчик был предназначен для служения, и его рано отдали в школу; но, поскольку он посвящал все свое время ботанике, его успехи в богословии были *нулевыми*, и когда через два года отец посетил школу и узнал о

неутешительном результате всей экономии, которая ушла на образование сына, он решил отдать его в ученики к портному или сапожнику в надежде получить лучшую отдачу за свои расходы. К счастью, вмешался друг, который предоставил мальчику пансион и жилье, а также частное обучение, пока он заканчивал курс гимназии. Его студенческая работа, похоже, не удовлетворила преподавателей, так как когда он поступил в Лундский университет, то получил загадочное свидетельство о том, что "некоторые кустарники в саду могут разочаровать заботы садовника, но если их пересадить в другую почву, то они будут процветать".

Когда ему едва исполнилось двадцать два года, он уехал из Лунда в Упсалу, прихватив с собой все свое состояние в 8 фунтов стерлингов, и, будучи неопытным и неизвестным, вскоре оказался в отчаянном положении. Его спасла щедрость доктора Цельсия, профессора теологии, но изучавшего ботанику, который, впечатленный коллекциями и энтузиазмом Карла, предложил ему пансион и жилье, а также нашел для него несколько частных учеников. Тяготы его жизни еще не закончились, но постепенно его работы получили признание, причем за границей раньше, чем дома, и он мог бы жить в свое удовольствие в Англии или Голландии; только (по его словам) "его Сара была в Швеции", и он вернулся на родину, чтобы собрать достаточно средств для женитьбы на ней.

Бюффон.

Жорж Луи Леклерк, граф де Бюффон, с самого начала был предназначен для другой жизни. Его отец был бургундским советником, а мать, помимо того что была наследницей, оказалась женщиной необычайно способной. Изначально он был предназначен для юриспруденции, но его вкусы всегда склонялись к науке, и вскоре он нашел возможность следовать им.

Он познакомился со знатным молодым англичанином и его наставником, который был человеком науки, и вместе с ними путешествовал по континенту. Примерно в то же время Линней тоже путешествовал, но по-другому. Он отправился исследовать малоизвестную в то время Лапландию, неся свой багаж на спине, и преодолел почти 5 000 миль, потратив на это около 25 фунтов стерлингов. Во время своих путешествий он вел дневник^[13] своих наблюдений, который содержит не только ботаническую, но и этнологическую информацию, представляющую большую ценность.

13. См. *Globus*, "Linné als Ethnologue", xci., 1907.

Пока Линней жил, перебиваясь с ноги на ногу, завися от случайной щедрости и чиня свои сапоги сложенной бумагой, Бюффон вел разгульную жизнь молодых людей своего возраста и положения, и мы слышим о том, что он был вынужден бежать в Париж, чтобы избежать последствий ранения англичанина в игровой ссоре. (Линней также был виновен в том, что в гневе выхватил меч, но провокация была иной. Во время его отсутствия в Упсале его соперник, используя частное влияние, добился запрета на чтение частных лекций в университете, и он вернулся, чтобы обнаружить, что все его средства к существованию внезапно отрезаны).

Тем не менее жизнь в свое удовольствие не занимала все силы Бюффона. Он обладал, по словам Вольтера, *"душой мудреца в теле атлета"*, и, находясь в Париже, писал и переводил различные научные труды, был избран членом Академии наук, а в 1739 году назначен хранителем *Королевского сада* и *Королевского музея*.

Неизменная ценность для антропологии работ этих двух людей заключается в том, что они оба "видели жизнь неуклонно, и видели ее целиком". Но результаты их работы не только

различны, но и, в некоторых отношениях, антагонистичны. Бюффон, как говорит Топинар, не классифицировал, а описывал; и ценность его работы была оценена очень по-разному. Кювье был невысокого мнения о нем. Кампер и Сент-Илер считали автора величайшим натуралистом современности, французским Аристотелем. Топинар (1885, с. 33) так описывает мнение публики: "Le public, lui, n'hésita pas; dans *l'Histoire naturelle des animaux* il sentit un souffle nouveau, vit un pressentiment de l'avenir. Свободная мысль была в воздухе, 89 приближалась; творчество Бюффона, как и "Энциклопедии", Вольтера, Руссо и Бугенвиля, способствовало Французской революции".

Гений Линнея заключался в классификации. Порядок и метод были его страстью. В своей "*Системе природы*" он определил место человека в природе, поместив *Homo sapiens* как отдельный вид в порядок *Primates*,^[14] вместе с обезьянами, лемурами и летучими мышами. Он пошел дальше и классифицировал разновидности человека, разделив их по цвету кожи и другим признакам на четыре группы - классификация, которая занимает почетное место и в наши дни.

14. Десятое издание 1758 года - первое, в котором встречается порядок *Primates*. В более ранних изданиях фигурирует порядок *Anthropomorpha*. См. Bendyshe, p. 424.

Все это было отвратительно в глазах Бюффона. "Une vérité humiliante pour l'homme, c'est qu'il doit se ranger lui-même dans la classe des animaux"; а в другом месте он восклицает: "Жанры, порядки, классы существуют не только в нашем воображении. Ce ne sont que des idées de convention.... Il n'y a que des individus!" И снова: "Природа не знает наших определений; она ни разу не проранжировала свои произведения по тасам, а людей - по жанрам".

Тем не менее оба они оказали неисчислимы услуги науке. Линней "нашел биологию в хаосе и оставил ее в космосе". "Антропология, - говорит Флуренс, - возникла благодаря великой мысли Бюффона; до сих пор человек не изучался как индивид, Бюффон же был первым, кто рассматривал его как вид".

Но Бюффон не верил в постоянную стабильность видов. "Природа далека от того, чтобы подчиняться конечным причинам в формировании своих созданий". Он дошел до того, что сделал тщательно завуалированный намек (на него положил глаз Сорбонна) на возможного общего предка для лошади и осла, обезьяны и человека. По крайней мере, говорит он, такой вывод следует сделать из их общего сходства; но поскольку Библия утверждает обратное, "конечно, этого не может быть".^[15] В 1751 году старый натуралист был вынужден в Сорбонне отречься от своих геологических ересей в таких словах: "Я заявляю, что у меня не было намерения противоречить тексту Писания; что я твердо верю во все, что в нем говорится о Сотворении, как в отношении порядка времени, так и в отношении фактов".

15. Цитируется по изданию Clodd's *Pioneers of Evolution*, 1897, p. 101.

И. Ф. Блюменбах

Блюменбах.

К счастью для зарождающейся науки, следующим великим именем в ее списке стало имя человека очень широкого кругозора, наделенного замечательными способностями к рассуждению и исключительной проницательностью в отсеивании истинного от ложного.

Иоганн Фридрих Блюменбах (1752-1840) был профессором медицинского факультета в Геттингене и рано обратил свое внимание на специальное изучение человека. Он первым поставил антропологию на рациональную основу и в своей работе "*De generis humani varietate nativa*" (1775-1795) заложил основы расовой классификации, основанной на измерениях. Он отметил вариации формы черепа и лица и поэтому может считаться основателем краниологии (см. ниже, с. [28](#)). Помимо заслуг Блюменбаха перед антропологической наукой в классификации и закладке основ краниологии, есть и третья область, в которой его работа была, возможно, еще более ценной для современников.

Монстры.

Каждая последующая эпоха удивляется легковерию своих предшественников; но если вспомнить о серьезных трудностях, с которыми сталкивались исследователи в XVIII веке, и о диких "рассказах путешественников", которые невозможно было ни проверить, ни опровергнуть, то легко понять, насколько вера в "антропофагов и людей, у которых голова растет ниже плеч" заслуживает доверия. Тайсон в своем "*Филологическом очерке*" приводит список "чудовищных производств", почерпнутый в основном из классических писателей, вера в которые не совсем угасла в XVII веке. В самом деле, незадолго до времени Тайсона один выдающийся натуралист дал серьезное описание русалок, которые жили в море и имели задние части тела, покрытые чешуей.^[16] Рассказ Тайсона о "чудовищных видах людей" взят в основном из Страбона:- .

16. v. Cunningham, p. 24.

Это *амуктеры* или *аррины*, у которых нет носа, а есть только два отверстия над ртом; они едят все, но обязательно сырое; они недолговечны; верхняя часть их рта очень выдается вперед. *Энотокитаи*, чьи уши доходят до пяток, на которых они лежат и спят. *Астомои*, у которых нет рта, - гражданская разновидность людей, обитающих в верховьях *Ганга*; они живут, вдыхая запахи вареного мяса и фруктов и цветов; они не выносят дурного запаха, и поэтому не могут жить в лагере. *Мономматои* или *монофthalmои*, у которых только один глаз, и тот посередине лба; у них собачьи уши; их волосы стоят на концах, но гладкие на груди. *Стернофthalmои*, у которых глаза находятся в груди. *Панаи сфенокефалои* с головами, похожими на клинья. *Макрокефалы* с огромными головами. *Гупербореи*, живущие тысячу лет. *Окуподы*, настолько быстрые, что могут обогнать лошадь. *Опистодактулои*, которые ходят пятками вперед, а пальцами назад. *Макроскелеи*, *стеганоподы*, *моноскелеи*, у которых одна нога, но они очень далеко прыгают, и их называют *скиаподами*, потому что, когда они лежат на спине, этой ногой они могут удерживать солнце от своего тела.

Дикие люди.

Линней не включил их в свой *Homo Monstrosus*; но различные сомнительные существа были включены его учеником Хоппиусом в трактат *Anthropomorpha of Linnæus*, прочитанный в 1760 году.^[17] Таковы *самур* Вульпиуса, который, "ложась спать, клал голову на подушку, а плечи прикрывал покрывалом и лежал совершенно спокойно, как порядочная женщина"; *Люцифер* (*Homo caudatus*), "ужасные поганые животные, бегающие по , как кошки", которые гребли в лодках, нападали и убивали целые лодки авантюристов, варили и ели их тела; И *троглодиты* (*Homo nocturnus*), которых в Ост-Индии "ловят и используют в домах в качестве слуг для выполнения легкой домашней работы - носить воду, накрывать на стол и убирать тарелки". Но все они были отнесены к роду *Simiæ*. К виду *Homo sapiens* Линней относил дикого или природного человека, *Homo sapiens ferus*, в существование которого в то время верили многие. Самым достоверным случаем был "Дикий Питер", голый коричневый мальчик, обнаруженный в 1724 году в Ганновере. Он не умел говорить, демонстрировал дикие и грубые повадки и лишь слабую степень интеллекта. Его отправили в Лондон, и под руководством доктора Арбутнота он стал известной личностью и предметом острых дискуссий среди философов и натуралистов. Один из его поклонников, более восторженный, чем другие, заявил, что его открытие важнее, чем открытие Урана или тридцать тысяч новых звезд.

17. Bendyshe, p. 447.

Один только Блюменбах, по-видимому, взял на себя труд исследовать происхождение Дикого Петра и в статье, которую он написал на эту тему, навсегда избавился от веры в существование "естественного человека". Он указал, что при первой встрече с Петром на его шее были застегнуты рваные обрывки рубашки, а белизна его бедер по сравнению с коричневыми ногами свидетельствовала о том, что на нем были бриджи, а не чулки. В конце концов он доказал, что Петр был немым ребенком вдовца, которого выгнала из дома новая мачеха.^[18]

18. Cunningham, pp. 24-5.

Глава II.

СИСТЕМАТИЗАТОРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

До сих пор мы имели дело с великими пионерами антропологии, теми, кто заложил фундамент, навел порядок в хаосе и наметил контуры будущей работы. Отныне антропология может претендовать на название науки, а ее работа развивается по определенным направлениям. Удобнее будет рассмотреть их по отдельности, отказавшись от строгого хронологического метода.

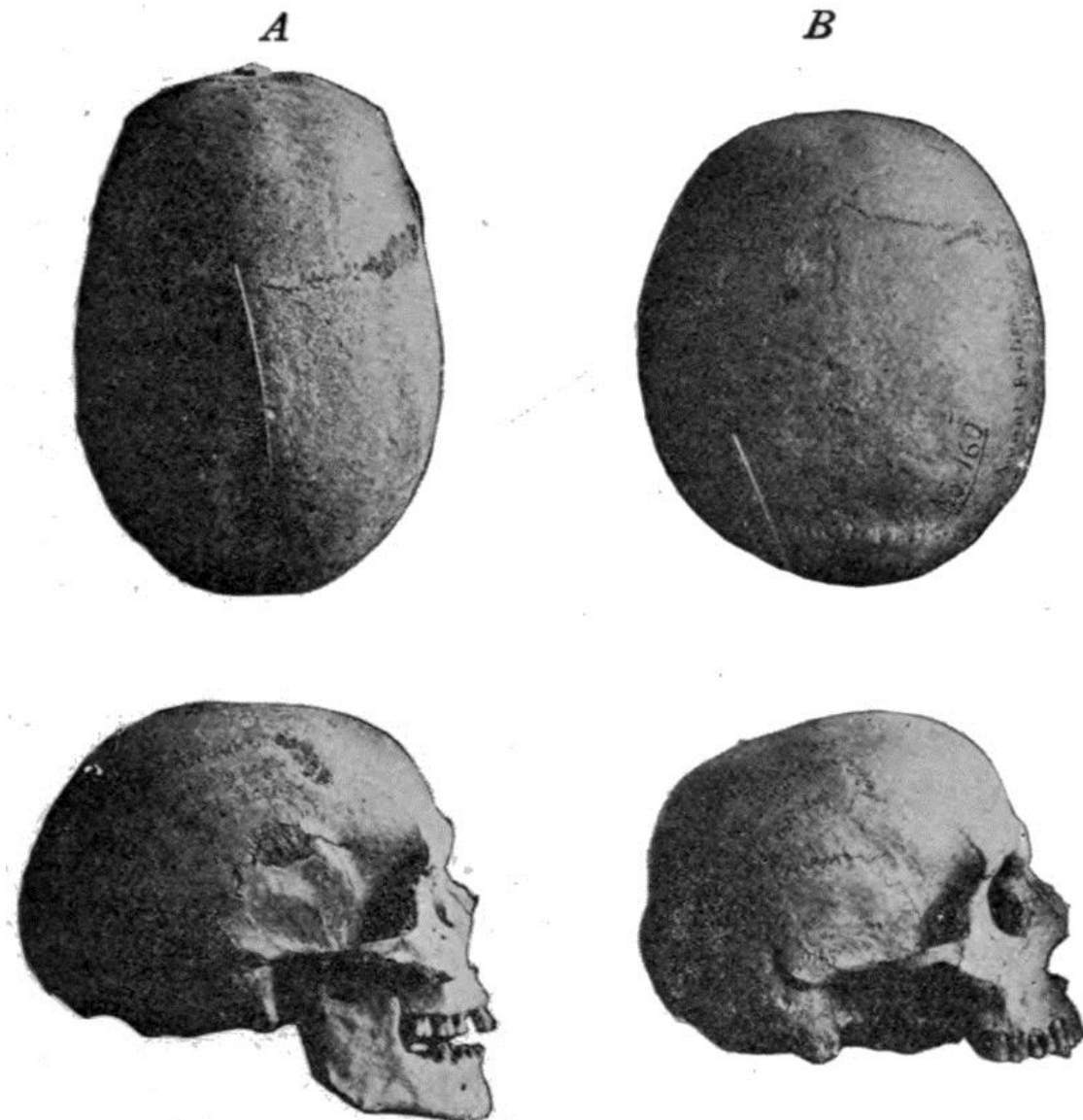
Первой отраслью, привлечшей внимание работников, была соматология, физический аспект человека, о зарождении которой мы уже говорили: только в XIX веке археология, или доисторическая антропология, превратилась в науку; а научному изучению этнологии, или культурной антропологии, едва исполнилось полвека.

Краниология.

Norma Verticalis Блюменбаха.

Соматология уже была предвосхищена Везалием, Шпигелем и Линнеем, но Блюменбах первым заложил в нее основу, зафиксировав форму черепа и лица. Он был счастливым обладателем большого количества черепов - большого, то есть для своего времени, - и опубликовал их описание (1790-1820), *Decas collectionis suae craniorum diversarum gentium illustrata*, с 70 табличками. Он особенно отметил *norma verticalis* - т.е. форму черепа при виде сверху, выделив с ее помощью три типа - квадратный у монголов, узкий или "вдавленный с боков" у негров и промежуточный, который он признал у "кавказцев". Он первым популяризировал краниологию, и "стало модой посещать Блюменбахский музей, чтобы там указывали на различия, которые отличают разные типы черепов, и предаваться сентиментальным рапсодиям о красоте и симметрии черепа молодой женщины-грузинки, который считался представителем самого высокого типа из всех"^[19] Но Блюменбах, похоже, не воспользовался своими собственными открытиями. Выбрав *norma verticalis* в качестве расового критерия, он сделал ценный вклад в науку, но он не воспроизвел свои *normæ* в своих табличках и не положил их в основу своей классификации. Действительно, его типичный европеоидный череп действительно более квадратный, чем типичный монгольский.

19. Cunningham, p. 26.

Верхний и боковой виды черепов мужчин

принадлежащих к неолиту и бронзовому веку; сфотографированы автором с образцов, хранящихся в Кембриджском анатомическом музее.

А, Длинный курган, Диннингтон, Ротерхэм. Длина 204 мм; ширина 143 мм; черепной индекс 70. 1.

Б, Винтерборн Сток. Длина, 177 мм; ширина, 156 мм; черепной указатель, 88. 1.

Лицевой угол Кампера.

Питер Кампер (1722-1789) уже занимался изучением формы головы, хотя и с совершенно другой точки зрения, но его выводы были опубликованы только после его смерти.

Его вклад в антропологию - эссе о *физическом воспитании ребенка*, лекция о *происхождении и цвете кожи негров*, трактат об *орангутангах и некоторых других видах обезьян*; но только его работа о *лицевом угле* приобрела постоянную славу. С ранних лет он

был склонен к искусству, и его тщательно обучали рисунку, живописи и архитектуре; и именно в интересах искусства, а не антропологии, были предприняты исследования, которые привели к определению угла лица. Об этом он рассказывает в предисловии к своим лекциям

В возрасте восемнадцати лет мой учитель, Чарльз Моор-младший, вниманию и заботе которого я обязан всеми последующими успехами в этом искусстве, поручил мне написать одну из прекрасных работ Ван Темпеля, в которой была фигура негра, что ни в коей мере меня не порадовало. По цвету кожи он был негром, но черты его лица принадлежали европейцу. Так как я не мог ни порадовать себя, ни получить какие-либо правильные указания, я отказался от этой затеи. Критически изучив отпечатки, снятые с Гвидо Рени, К. Марата, Себа. Риччи, и П. П. Рубенса, я заметил, что, рисуя лица восточных волхвов, они, как и Ван Темпель, писали черных людей, но это не были негры.

Чтобы получить необходимые эффекты лица, отличающие негра от европейца, Кампер разработал свою систему измерений. Он проводил линию от отверстия уха до основания носа, а другую - от линии соединения губ (или, в случае черепа, от передней части резцовых зубов) до самой выдающейся части лба. "Если, - говорит он, - выступающая часть лба превышает 100 градусов, голова становится неправильной формы и приобретает вид гидроцефалии или водянистой головы". Очень удивительно, что художники Древней Греции выбрали именно этот максимум, в то время как лучшие римские художники ограничились 95-м градусом, что не так приятно. Угол, который образует лицевая или характерная линия лица, - продолжал он, - у людей колеблется от 70 до 80 градусов. Все, что выше, решается по правилам искусства; все, что ниже, напоминает обезьян. Если я наклоню линию лица вперед, получится античная голова; если назад - голова негра. Если я еще больше наклоню ее, то получится голова обезьяны, а если еще больше, то собаки, а затем идиота".

Угол лица Кэмпера может быть полезен для искусства, но поскольку точки, от которых проводятся линии, изменчивы из-за мешающего влияния других факторов, таких как увеличенная длина лица или необычно выдающиеся надбровные дуги, он не может служить точным измерением для антропологии. Она была подвергнута резкой критике Блюменбахом, Лоуренсом и Причардом, но принята во Франции и Мортоном в Америке.

Доктор Дж. Эйткен Мейгс^[20] отметил, что уже в 1553 году измерение головы, по-видимому, было предметом изобретательности Альберта Дюрера, который в своей работе "*De Symmetriâ Partium in Rectis Formis Humanorum Corporum*" дал такие измерения почти в каждом виде. Однако по своей направленности и масштабам они скорее художественные, чем научные. Взгляд на некоторые наброски Дюрера неопровержимо показывает, что линия и угол лица не были ему неизвестны, и что Кампер скорее разработал, чем изобрел этот метод измерения черепа. Кажется, что художник даже придерживался более философских взглядов на цефалометрию, или измерение головы, чем профессор.

20. *North American Med.-Chir. Rev.*, 1861, p. 840.

Различные ранние краниологи.

Эволюция краниометрических измерений представляет интерес для физического антрополога, но даже краткое изложение этого прогресса утомит неспециалиста. Однако история антропологии была бы неполной, если бы в ней игнорировалась общая тенденция таких исследований.

Некоторые из ранних ученых, такие как Дюбентон (1716-99) и Малдер, Вальтер, Барклай и Серрес в первой половине XIX века, пытались выразить связь между мозговым корпусом и лицом с помощью простых измерений или метода сравнения в своем стремлении сформулировать не только различия между расами человечества, но и те, которые существуют между людьми и низшими животными.

Другие исследователи в тот же период изучали отношения и пропорции частей черепа к целому с помощью линий. Спикс (1815) использовал пять линий. Гердер использовал серию линий, исходящих из атланта (самая верхняя кость позвоночного столба); но чаще всего отправной точкой служил *meatus auditorius* (ушное отверстие) (Doornik, 1815).

На внутреннюю емкость черепа впервые обратил внимание Тидеманн (1836), который определил ее, заполнив череп зерном проса и определив вес зерна. Мортон впервые использовал семена белого перца, от которых впоследствии отказался ради дроби № 8, а Волков использовал воду. Модификации в использовании этих трех сред - семян, дроби и воды - до сих пор применяются краниологами.

Среди ранних специалистов по краниологии наиболее примечательны имена Ретциуса и Граттана. Андерс Ретциус (1796-1860) соотнес схемы Блюменбаха и Кампера и таким образом пришел к методам краниологических измерений, которые почти повсеместно используются в настоящее время.

Цефалический индекс Ретциуса.

В 1840 году он представил свою теорию черепных форм Академии наук в Стокгольме, а два года спустя прочитал курс лекций на ту же тему. Он подверг критике результаты, достигнутые Блюменбахом, показав, что его группа содержит различные типы форм черепов; он изобрел цефалический индекс, или индекс длины и ширины - т.е. отношение ширины черепа к его длине, выраженное в процентах. Более узкие черепа он назвал долихоцефальными, более широкие - брахицефальными. С помощью этого метода Ретциус стремился скорее упорядочить формы черепов, чем классифицировать таким образом расы человечества, хотя он и пытался сгруппировать европейские народы в большей или меньшей степени по форме головы. Развивая таким образом предположение Блюменбаха, он также зафиксировал степень выступания челюстей, продемонстрированную Кампером, и добавил измерения лица, высоты и ширины яремной ямки. Таким образом, краниология была создана в ее нынешнем виде.

Граттан.

Джон Граттан (1800-1871), аптекарь из Белфаста, так и не получил должного признания. Взявшись за описание многочисленных древнеирландских черепов, собранных его другом Эдмундом Гетти, он вскоре был поражен отсутствием

единообразия метода и той числовой точности, без которых невозможно успешно провести ни одно научное исследование, требующее сотрудничества многочисленных наблюдателей. Принятая до сих пор методика не дает уму ничего, кроме расплывчатых обобщений... Пока мы не сможем зафиксировать с приближающейся к точности точностью пропорциональное развитие больших отделов мозга, на что указывает его костная оболочка, и с помощью наших рисунков донести до ума определенные представления об их отношении друг к другу, мы не сможем отдать должное нашим материалам..... Ни один череп не может сам по себе представлять истинные средние характеристики разновидности, из которой он может быть

получен. Только на основе большой дедукции этнолог может с уверенностью говорить о нормальном типе любой расы.^[21]

21. Дж. Граттан, *Ольстерский археологический журнал*, 1858.

Граттан разработал серию радиальных измерений от *meatus auditorius* и сконструировал гениальный краниометр. Как отмечает профессор Дж. Саймингтон, "работа Граттана была почти одновременной с работой Андерса Ретциуса, и почти вся она была сделана до того, как немецкая и французская школы разработали свои схемы измерения черепа".^[22] Он принял наиболее полезные из существовавших тогда измерений и добавил новые, придуманные им самим.

22. *Proc. Belfast Nat. Hist. and Phil. Soc.*, 1903-4; и *Journ. Anat. and Phys.*

Выдающийся американский врач и физиолог д-р Дж. Эйткен Мейгс сформулировал принципы, согласно которым "измерения черепа для практического использования должны быть как абсолютными, так и относительными. Абсолютные измерения необходимы для демонстрации тех анатомических различий между черепами разных рас, которые приобретают большое зоологическое значение пропорционально их постоянству. С помощью относительных измерений головы мы получаем приблизительное представление о своеобразном физиологическом характере заключенного в ней мозга... Краниограф, по сути, становится краниоскопистом" (1861, р. 857). В этой работе Мейгс дает краниометрические направления, некоторые из которых были разработаны для получения измерений частей мозга.

Брока.

Во Франции наиболее известны имена Брока, Топинара и де Кватрефажа. Пьер Поль Брока (1824-1880) сначала предназначался для армии, но после смерти сестры он остался единственным ребенком и, не желая оставлять родителей, решил изучать медицину и разделить работу своего отца, выдающегося врача. Вскоре он отличился, особенно в хирургии, причем не только в практической работе, но и в своих сочинениях. Что касается последних, то доктор Поцци в своих мемуарах говорит о нем следующее: "Вряд ли найдется хоть один предмет, в котором он с первого же удара не сделал бы открытия, большого или малого; нет ни одного, на котором он не оставил бы следов своей оригинальности".^[23]

23. *J.A.I.*, x., 1881, р. 243.

Поль Брока.

В 1847 году он был назначен членом комиссии по составлению отчета о раскопках на кладбище Celestins, что привело его к изучению краниологии, а затем и этнологии, интерес к которой, разгоревшись, никогда не ослабевал. История создания *Парижского антропологического общества* (1859) и *Школы антропологии* (1876), в обеих из которых Брока был движущей силой, представляет собой любопытный комментарий к тому, с каким подозрением относились к антропологии. Для успеха школы он посвятил все свои силы, и в течение многих лет беспокойства он встречал и преодолевал все препятствия, преодолевал все трудности, подавлял все оппозиции и, наконец, поставил ее в надежное положение. Он изобрел несколько инструментов для более точного изучения краниологии, таких как затылочный крючок, гониометр и стереограф, а также стандартизированные методы; но,

неудовлетворенный неубедительностью простых сравнений черепов, он обратился к концу своей жизни к изучению мозга. Он был неутомимым тружеником, и его внезапная смерть на пятьдесят шестом году жизни объясняется мозговым истощением.

"Брока был человеком, - говорит доктор Беддоу, - который положительно излучал науку и любовь к ней; никто не мог общаться с ним, не уловив частичку священного пламени". Топинард был Елисеем этого Илии".^[24]

24. Юбилейная речь, Anth. Inst., 1891.

Топинард.

Поль Топинар, ученик, коллега и друг Брока, провел ценные исследования живого населения Франции, а также посвятил много времени антропометрическим исследованиям; но самой большой его заслугой стала подготовка и публикация "*Антропологии*" (1876), руководства для студентов и справочника для путешественников и других людей, озвучивающего идеи Брока и его школы и "проясняющего в одном томе серию огромных размеров, находящихся в процессе быстрого развития". В 1885 году он опубликовал свои классические "*Eléments d'anthropologie générale*",^[25] целью которых было создать новую атмосферу для науки, освободившись от традиций моногенистов и полигенистов и включив в себя новые идеи, распространяемые Дарвином и Геккелем.

25. Общая антропология, согласно классификации Топинара, занимается только человеком как животным, анатомией и физиологией, патологией и психологией.

Де Кватрефаж.

Арман де Кватрефаж де Брео (1810-92) был не только выдающимся зоологом, занимавшимся в основном определенными группами морских животных, но и профессором антропологии в Парижском музее естественной истории, совершил несколько путешествий вдоль берегов Средиземного моря и Атлантики в поисках информации. В 1867 году он опубликовал "*Доклад о прогрессе антропологии*", "который сводит к полной и понятной системе заумную и трудную, а для многих и непонятную науку антропологию, охватывая в ходе своих исследований широкий круг тем и располагая разрозненные факты в должном порядке, чтобы сразу показать их отношение к предмету".^[26] Он опубликовал множество других работ, среди которых *Les Pygmées* (1887), *L'espèce humaine* (1877), *Histoire générale des races humaines* (1889), и, совместно с Э. Т. Хэми, знаменитая *Crania ethnica* (1875-79). Профессор Ф. Старр в предисловии к своему переводу "*Пигмеев*" (1895) говорит: - ...

26. Anth. Rev., 1869, p. 231.

Человек твердых убеждений и очень консервативный, де Кватрефаж всегда был готов выслушать другую сторону и всегда был откровенен и доброжелателен в спорах. Он был одним из первых, кто поддержал Общество антропологии. Те, кто знает историю первых дней существования этой великой ассоциации, понимают, что это значит. Когда утверждение о древности человека подвергалось всеобщему осмеянию, де Кватрефаж выступил в его защиту. Моногенист [р. 53], верующий в исключительную древность нашей расы, он никогда не был покорен ни одной из предложенных теорий эволюции..... До самого конца долгой жизни наш автор жил счастливо и активно работал над своими книгами и образцами.

Вирхов.

В Германии величайшее имя - Вирхов. Рудольф Людвиг Карл Вирхов (1821-1902) уже завоевал известность в медицинском мире, особенно в области гистологии, патологии и изучения эпидемий, и был главным лидером движения "*Медицинская реформа*", прежде чем начал вносить свой ценный вклад в антропологию.

Его первыми антропологическими работами стали несколько статей о кретинизме (1851 и 1852 гг.), и с этого момента его заслуги перед наукой трудно переоценить. Значительная часть его энергии была также отдана соматической антропологии, а в 1866 году он начал свои исследования в области доисторической археологии, сочетая научный метод с работой лопатой.

В статье Оскара Израэля^[27] (стр. 656), посвященной его работе, мы читаем:- ...

27. Смитсоновский отчет, 1902 год. Переведено из *Deutsche Rundschau* за декабрь 1902 года.

Вирхов посвятил себя этнографическим исследованиям не меньше, чем другим отраслям антропологии, и здесь он стал центром, к которому со всех сторон стекался материал и от которого исходили предложения, критика и энергичная помощь. Этот вечно бездействующий человек не гнушался обучать антропометрическим методам путешественников, прошедших школу других направлений исследований; более того, он находил время для всего и никогда не оставлял другим работу, которую мог бы сделать сам. Так, например, в течение десяти лет после того, как он начал эту работу в 1876 году, он в одиночку обрабатывал данные, записанные в немецких школах, относительно цвета глаз, волос и кожи, которые оказались столь ценными для познания различных ветвей германской расы.

Серги.

Профессор Серги одно время предлагал изгнать измерения из краниологии и полагаться исключительно на методы наблюдения. Позже он изменил свою крайнюю позицию, но в результате своего крестового похода он побудил большинство антропологов уделять больше внимания конфигурации черепа, а некоторые из его описательных терминов вошли в обиход.

Критика Хагеном краниометрии.

Доктор Хаген рассказывает о крайней специализации, к которой привели краниологов:...

Ярость к измерениям черепов, огромная, энергичная и беспечная, охватила все стороны, особенно после того, как Люкэ открыл и усовершенствовал метод точного представления неправильной формы изучаемого объекта. Отныне боевым кличем стало "Больше черепов"; туловище, конечности, мягкие ткани, кожа и волосы могли остаться за бортом, поскольку не представляли никакой научной ценности. Антропологи или те, кто претендовал на это звание, измеряли и обрисовывали черепа; музеи превратились в настоящие города черепов, а репутация научного путешественника практически зависела от количества черепов, которые он привозил с собой.

После двух десятилетий измерений и сбора все большего количества материала из чужих стран, а также от так называемых примитивных или аборигенных рас, неадекватность метода Ретциуса стала очевидной. Встречалось слишком много промежуточных форм, которые было совершенно невозможно классифицировать его средствами. В соответствии с предложением французского антрополога Брока и Велькера, профессора анатомии в Галле, между двумя формами, признанными Ретциусом, был введен третий тип, так называемая

мезоцефалическая форма. Однако даже этого оказалось недостаточно. Перед лицом бесконечного разнообразия форм черепов, собранных вместе, разнообразия, сравнимого лишь с разнообразием листьев в лесу, эта примитивно простая схема с ее четырьмя и, наконец, шестью типами потерпела крах из-за недостатка эластичности. Затем началось усложнение, которое распространялось все дальше и дальше. Внимание теперь уделялось не только длине и ширине, но и высоте черепа, были выделены высокие и низкие (или плоские) черепа, то *есть* гипсицефалические и хамецефалические разновидности. Лицевая часть черепа изучалась не только сбоку, чтобы зафиксировать прямоту или косость профиля, но и спереди; таким образом, были выделены длинные, средние и короткие лица, а также широкие и узкие типы лица. Носовой скелет, небо, орбита, зубы и нижняя челюсть исследовались по очереди, и, наконец, все отдельные кости черепа и лица, их неровности очертаний и отношения друг к другу были подвергнуты самому тщательному изучению и самым тонким измерениям, с помощью инструментов чрезвычайно тонкой конструкции и изобретательного дизайна, пока, наконец, ничтожная цифра в пять тысяч измерений для каждого черепа не нашла своего защитника в лице венгерского профессора В. Тёрёка (при этом обилие деталей заслоняло основные объекты исследования); с другой стороны, наблюдатели уклонялись в научное жонглирование, как, например, итальянский профессор Серджи, который сумел распознать в пределах одного небольшого архипелага, группы островков Д'Антрекасто близ Новой Гвинеи, целых одиннадцать разновидностей черепов, которые все отличались громкими описательными названиями, такими как *Lophocephalus brachyclitometopus* и т.д.

Критика краниометрии Макалистером.

Неправильное использование краниометрии также описано профессором Александром Макалистером^[28] :- .

28. Президентское обращение к секции Н., Brit. Ass., 1892.

Несмотря на все труды, затраченные на эту тему, краниометрическая литература в настоящее время столь же неудовлетворительна, сколь и скучна. До сих пор наблюдения были сосредоточены на измерениях черепа как методах различения черепов различных рас. Для этой цели были разработаны десятки линий, дуг, хорд и индексов, а диагностика черепов пытались проводить с помощью такого же механического процесса, как тот, с помощью которого мы определяем определенные выпуски почтовых марок путем подсчета зазубрин на полях. Но за всем этим не стоит никакой объединяющей гипотезы; Поэтому, когда мы на нашем сесквипедальном жаргоне описываем австралийский череп как микроцефалический, фенозиговый, тапейно-долихоцефалический, прогнатический, платириновый, гипселопалатиновый, лептостафилиновый, долихоранический, хамепрозопический и микросемейный, мы не приблизились к формулированию какой-либо философской концепции общих принципов, которые привели к принятию этих символов рассматриваемым черепом, и мы вынуждены повторить апостроф фон Тёрека: "Тщеславие, имя тебе - краниология".

Знаменательно, что многие из ранних краниологов признавали, что действительно важной проблемой для них было получение знаний о размерах и относительных пропорциях различных областей мозга, что было прямым результатом френологических исследований, которые тогда были в моде. Когда френология была дискредитирована, этим аспектом краниометрии стали пренебрегать; но в последнее время она демонстрирует признаки здорового возрождения, и внутренняя поверхность черепа теперь считается более поучительной, чем внешняя.

Хотя какое-то время краниологию превозносили как магическую формулу, с помощью которой можно распутать все этнологические клубки, измерения других частей тела не игнорировались теми, кто признавал, что ни одного измерения не достаточно для определения расового родства.

Антропометрия.

Таким образом, антропометрия начала намечать определенные направления исследований, и были проведены детальные исследования рук и ног, кистей и стоп, кривых и углов, мозга и внутренностей; в то время как краниология, избавленная от своих экстравагантных претензий, заняла свое законное место в ряду телесных измерений. Одним из самых ранних специалистов по измерениям, отличным от измерения черепа, был Чарльз Уайт (1728-1813).

Его вклад в соматологию заключался в серии измерений рук; он обнаружил, что предплечье негра длиннее, по сравнению с верхней частью руки, чем у европейца, и что предплечье обезьяны относительно длиннее, чем у негра. Благодаря этим измерениям на живых людях (было измерено не менее пятидесяти негров), Уайт был признан основателем антропометрии. Однако Зуммерринг (1755-1830) использовал измерения при сравнении анатомии негра и европейца.

Измерения и наблюдения за живыми популяциями.

Примерно в середине XIX века в дополнение к антропометрии стали проводиться наблюдения за живыми людьми; изучались не черепа и кости мертвых, и даже не формы головы и размеры тела живых, а формы таких черт, как нос и уши, пигментация кожи и глаз и т. п. Еще в 1834 году Л. Р. Виллерме начал исследования различных слоев населения Великобритании, сравнивая жителей сельской местности с жителями промышленных районов и крупных городов, главным образом в интересах гигиены; позднее он изучал размеры и здоровье детей, работающих в угольных шахтах.

В 1861 году уважаемый доктор Джон Беддоу опубликовал исследование цвета волос и глаз в Ирландии, и он продолжал свои исследования в этой плодотворной области время от времени в различных частях Британских островов и в меньшей степени на континенте Европы.

Но именно на континенте этот метод исследования преследовался наиболее рьяно, и здесь можно вкратце рассказать о его политическом происхождении, поскольку его результаты оказали большую услугу науке антропометрии.

Во время бомбардировки Парижа во время франко-прусской войны Музей естественной истории получил повреждения от снарядов, и вскоре после этого его директор, де Кватрефаж, опубликовал брошюру *"Прусская раса"* (1871). В ней доказывалось, что пруссаки вовсе не тевтонцы, а происходят от финнов, которых вместе с саамами причисляли к пришельцам-монголам, вторгшимся в Европу. Таким образом, они были простыми варварами, ненавидящими культуру, которую они не могли оценить; и их целью обстрела музея было "отнять у этого Парижа, который они презирают, у этого Вавилона, который они проклинаят, один из элементов его превосходства и привлекательности". Поэтому наши коллекции были обречены на гибель". На это ответил профессор Вирхов из Берлина, и битва разгорелась с новой силой. Значение этого спора для антропометрии заключается в том, что его непосредственным результатом стал приказ немецкого правительства об официальной переписи цвета волос и глаз 6 000 000 школьников империи - переписи, которая одновременно послужила стимулом и образцом для дальнейших исследований.

Эта перепись привела к забавным и неожиданным результатам, которые доктор Тайлор цитирует^[29] как иллюстрацию роста легенд: - ...

29. Pres. Add. Brit. Ass., 1879.

Несомненно, многие легенды древнего мира, хотя и не являются историей, представляют собой мифы, возникшие в результате рассуждений о реальных событиях, столь же определенных, как то, что около четырех лет назад наводило ужас на крестьянские умы в Северной Германии, и особенно в Позене. Широко распространился слух, что всех католических детей с черными волосами и голубыми глазами должны выслать из страны, одни говорили, что в Россию; другие утверждали, что это король Пруссии играл в карты с турецким султаном, поставил и проиграл 40 000 светловолосых и голубоглазых детей, а мавры развозили в крытых телегах, чтобы собрать их, и школьные учителя помогали, потому что им полагалось пять долларов за каждого ребенка, которого они передавали. Некоторое время народное волнение было весьма серьезным; родители не пускали детей в школу и прятали их, а когда они появлялись на улицах рыночного города, малыши цеплялись за них с испуганными взглядами..... Один школьный учитель, который, очевидно, знал свой народ, заверил перепуганных родителей, что разыскиваются только дети с голубыми волосами и зелеными глазами - объяснение, которое отправило их домой вполне успокоенными.

Наблюдения за внешними признаками в сочетании с точными измерениями теперь проводятся в широких масштабах в большинстве европейских стран, и эти методы используются в антропологических экспедициях. Таким образом было накоплено много ценного материала для изучения, но многое еще предстоит сделать в этом направлении.

Методы работы с антропометрическими данными.

Измерения головы, тела и конечностей не только записываются, но и используется "индекс", который дает соотношение между двумя измерениями, как, например, в ранее упомянутом цефалическом индексе (стр. 34). Средние или средние значения серий индексов, полученных у одного народа, сравнивались с индексами, полученными у других народов; но этот метод вводит в заблуждение, поскольку в любой серии часто наблюдается очень большой разброс, а среднее значение дает лишь бесцветное представление о расовых типах, единственная ценность которого - готовый стандарт для сравнения, который, однако, полон подводных камней.

Дальнейший шаг в развитии антропометрических исследований был сделан, когда стали регистрировать степень и частоту таких отклонений от среднего значения. Сначала это делалось в табличной форме с помощью серий; затем стали использовать кривые: одиночный пик указывал на чистоту расы, двойной пик - на наличие двух расовых элементов в измеряемом ряду, широкий пик или плато интерпретировались как следствие слияния рас. Доктор К. С. Майерс,^[30] обсуждавший эти и другие методы, указывает на ошибочность такой интерпретации, заявляя: "Можно не сомневаться, что большинство кривых с многочисленными пиками обязаны своей неравномерностью недостаточному количеству проведенных индивидуальных измерений".

30. К. С. Майерс, "Будущее антропометрии", *журн. Anth. Inst.*, xxxiii., 1903, p. 36.

Д-р Майерс решительно заявляет: "Если физическая антропология должна быть в будущем антропометрией.

Если физическая антропология должна стать наукой, ее результаты *должны* быть способны выражаться в математических формулах. К этому стремятся некоторые из самых интересных

биологических работ века... В целом, изучение живых форм переходит от описательного к количественному аспекту, и именно эксперименты и наблюдения по биометрическим линиям ясно обещают будущий прогресс..... Благодаря недавней работе профессора Карла Пирсона, наконец, было положено правильное начало.

Его школа теперь атакует статистическими методами проблему зависимости вариации одного признака от вариации другого. Следует помнить, что Кетеле был первым, кто применил закон Гаусса об ошибках к измерениям человека в его элементарной биномиальной форме; за ним последовал сэр Фрэнсис Гальтон, который первым в этой стране осознал важность применения математических методов к антропологическим измерениям и наблюдениям. Интересный рассказ о генезисе его работы в этом направлении приводится в его *"Воспоминаниях о моей жизни"* (1908). Аналогичная работа была проведена и немецкими исследователями.

Научная и практическая ценность антропометрии.

Мы можем завершить эту главу кратким обзором основных направлений, по которым в настоящее время ведутся исследования; но невозможно упомянуть даже наиболее важных из недавних работников в этой обширной области.

С самого начала исследования антропометрия использовалась как точное средство выражения различий между человеком и низшими животными; и благодаря усовершенствованным методам исследования и открытию нового материала происхождение и дифференциация человека по-прежнему изучаются с усердием.

Хотя ни одно измерение не может быть использовано для целей расовой дискриминации, тем не менее серия измерений на достаточно большой группе испытуемых, вместе с наблюдениями за цветом кожи, волос и глаз, формой различных органов, таких как нос и уши, и другими сравнениями подобного рода, неоценима в изучении рас человечества. Только таким образом можно разобраться в смешениях населения, проследить их происхождение и получить некоторое представление о расовых миграциях, происходивших с момента появления человека.

По инициативе сэра Фрэнсиса Гальтона, как отмечает доктор Майерс, антропометрия начала исследовать другие проблемы, которые в конечном итоге должны представлять интерес для этнологии; он открыл всю тему наследственности, которая в конечном итоге должна войти в каждую отрасль физической антропологии. Последователи Менделя в настоящее время закладывают фундамент на основе своих экспериментов с растениями и животными. В настоящее время они уделяют очень мало внимания человеку и, вероятно, не смогут сделать этого до тех пор, пока не появятся более точные данные.

К сожалению, очень мало известно о физических и психических последствиях смешения различных человеческих типов, и еще предстоит выяснить, насколько признанный неудовлетворительный характер многих полукастовых популяций обусловлен физиологическими или социологическими причинами.

Существует большой дефицит достаточно многочисленных и надежных наблюдений и статистических данных, касающихся влияния окружающей среды на малые или большие группы людей - проблема, которой профессор Риджуэй посвятил свое последнее президентское обращение к Королевскому антропологическому институту (1910).

Часто бывает важно проверить физическую форму людей, чтобы понять, как они соотносятся с другими людьми, и выявить любые физические недостатки. Особенно это желательно в

случае с детьми; и государственная проверка школьников, хотя и неполноценная, является шагом в правильном направлении. С помощью таких методов можно обнаружить и предотвратить ранние склонности к различным дефектам, а также получить ценную статистику, которую можно не только использовать в сравнительных целях, но и положить в основу будущего законодательства. Также важно определить, вызваны ли определенные недостатки болезнями, аномалиями или другими нежелательными факторами в их родословной, или же они являются результатом неблагоприятных последующих условий. Но для того чтобы можно было провести сравнение, необходимо провести аналогичные исследования среди нормального, способного и здорового населения.

Другое направление исследований было предпринято в основном для идентификации преступников и заключалось в определенных измерениях, отобранных М. Альфонсом Бертильоном, дополненных фотографиями и записью индивидуальных особенностей. Практическая ценность этого метода идентификации во Франции была продемонстрирована его немедленными результатами. Преступники стали отказываться от псевдонимов, и многие из них устремились в Англию. Отпечатки пальцев как средство идентификации впервые были открыты физиологом из Бреслау Пуркенье (1823), который использовал их для классификации. Сэр Уильям Гершель, сотрудник индийской гражданской службы, внедрил этот метод в Бенгалии, а теперь методы, введенные сэром Фрэнсисом Гальтоном, используются в Индии, Англии и других странах, в большинстве случаев вытесняя систему Бертильона.

Глава III.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Рядом с географическими открытиями, возможно, самым стимулирующим влиянием на антропологию была череда споров, в которые она постоянно оказывалась вовлечена. Она всегда считалась несколько анархичным предметом, отстаивающим взгляды, которые могут оказаться опасными для церкви и государства; и многие битвы, которые бушевали внутри и вне ее. Хаксли объяснял большие аудитории, которые собирала антропологическая секция Британской ассоциации, врожденными воинственными инстинктами человека и великолепными возможностями, которые предоставляла антропология для потворства этим склонностям.^[31]

31. Add. Brit. Ass., Dublin, 1878.

Дискуссии предыдущих веков были сосредоточены вокруг вопроса о происхождении человека, и из этой весьма спорной проблемы возникли две антагонистические группы: моногенисты, или ортодоксальная школа, выводившая все человечество от одной пары, и полигенисты, которые верили в множественное происхождение. Не успели открытия доисторической археологии продвинуться настолько, чтобы показать бесполезность подобных дискуссий, как антропологи были разделены на противоборствующие лагеря вопросом о неизменности видов и оказались втянуты в один из самых ожесточенных споров

современности - спор об эволюции. Второстепенным предметом споров, замешанным на полигенистических доктринах, было место негра в природе, связанное с вопросом о рабстве.

Происхождение человека.

Среди древних философов на вопрос о происхождении человека отвечали по-разному; некоторые, как Пифагор, Платон и Аристотель, считали, что человечество существовало всегда, потому что никогда не могло быть начала вещей, опираясь на схоластический аргумент, что ни одна птица не может родиться без яйца, и ни одно яйцо не может родиться без птицы. Эпикур и Лукреций верили в "случайную причину", приготовление жирной и склизкой земли, долгое высиживание в воде и соединение небесных и планетарных тел. Другие считали, что люди и животные "выползли из земли случайно", "как грибы или блайт".

С распространением христианства космогония Моисея стала общепринятой, а моногенизм превратился в статью веры. Церковь яростно осуждала тех атеистов, которые допускали сомнения в существовании Адама и Евы, верили в существование антиподального человека или в то, что человек просуществовал больше 6 000 лет, отведенных ему Писанием. Если порицание церкви не приводило к отречению, еретика сжигали. Прорицатель XVII века доктор Лайтфут, вице-канцлер Кембриджского университета, был еще более точен, чем архиепископ Ушсер: он пришел к выводу, что "человек был сотворен Троицей 23 октября 4004 года до н. э., в девять часов утра".^[32]

32. Clodd, *Pioneers of Evolution*, цитата из White, *Warfare of Science with Theology*.

Открытие Нового Света нанесло серьезный удар по авторитету Отцов в вопросах науки. Антиподальный человек, которого святой Августин^[33] уничтожил как "чрезмерно абсурдного", был признан существующим, а испанцы немедленно оправдали свое варварство по отношению к американским туземцам на том основании, что они не являются потомками Адама и Евы.

33. *De Civitate Dei*.

Полигенизм и моногенизм.

С этого момента полигенисты стали набирать силу. Теофраст Парацельс (1520) впервые заявил о множественности рас человечества и объяснил космогонию Моисея тем, что она была написана "теологически для более слабых братьев". Ванини (1616) упоминает о распространенном среди атеистов убеждении, что человек произошел от обезьян или находится с ними в родстве. В 1655 году Исаак де ла Пейрер, кальвинистский ученый из Бордо, опубликовал в Амстердаме свой труд "*Præ-Adamitæ*", доказывающий, что Адам и Ева не были первыми людьми на земле; и его работа, не будучи запрещенной властями, приобрела огромную популярность.

Его теория, хотя и неортодоксальная, была основана на Писании и рассматривала Адама и Еву лишь как особое и гораздо более позднее творение; язычники, населявшие остальную часть земли, были созданы из праха земного вместе с полевыми зверями на шестой день. Жители Нового Света, который, будучи отделенным от Старого, не мог быть заселен одной расой, были язычниками. Эта теория вызвала резкие возражения. Парижский парламент потребовал публичного сожжения книги. Инквизиция наложила руки на автора, и он был вынужден отречься как от доадамитской ереси, так и от кальвинизма. Он умер в монастыре в 1676 году.

Труды энциклопедистов, свобода мысли, провозглашенная Вольтером и Руссо, а также классификация видов Линнея приободрили полигенистов. Лорд Кэймс^[34] был одним из самых ранних их выразителей в Англии, и вскоре у него появилось много последователей. В споре можно выделить две отдельные линии антагонизма. В одной - англо-французской - Причард, Кювье и де Кватрефаж представляют моногенистов, а Вирей и Бори де Сен-Венсан - полигенистов; другая, в которой замешаны Америка и вопрос о рабстве, а полигенисты и антиаболиционисты идут рука об руку, была представлена Ноттом и Глиддоном в Америке, Ноксом и Хантом в Англии и Брока во Франции.

34. Очерки по истории человека, 1774.

Когда материалы начали накапливаться, они оказались губительными для полигенистической теории. Особенно это касалось доказательств того, что Брока назвал "евгенозом", то есть того, что все *Hominidæ* являются и всегда были плодовиты друг с другом. Это доказательство, которое в ботанике и зоологии служит критерием между видами и разновидностями, было востребовано и в антропологии, и полигенистам пришлось искать поддержку в других местах. Они нашли ее в лингвистике; "язык как тест расы" занимал большое место в этнологических спорах и еще не полностью исчез.

Поначалу моногенисты утверждали, что язык подтверждает их взгляды. Все языки должны были восходить к трем источникам - индоевропейскому, семитскому и малайскому, а те, в свою очередь, являлись потомками родительского языка, ныне полностью утраченного. Но вскоре выяснилось, что невозможно примирить даже арийский и семитский языки, а общий родитель для всех трех языков был немыслим. Тогда лингвистический спор перешел к полигенистам.

Говелак заявил, что "установленная невозможность свести множество языковых семей к общему центру является для нас достаточным доказательством изначальной множественности рас, которые развивались вместе с ними". М. Шаве^[35] пошел дальше. "Мы могли бы, - говорит он, - разделить семитских детей и индоевропейских детей, которых обучали глухонемые, и мы бы обнаружили, что первые, естественно, говорили бы на семитском языке, а вторые - на арийском". Ф. Мюллер и другие подхватили эту линию аргументации, утверждая, что разные языки доказывают существование разных рас. Но, как отмечает профессор Кин в своем кратком изложении спора (1896, гл. vii.), *quod nimis probat, nihil probat* - что доказывает слишком много, не доказывает ничего, а сто или более языков только в Америке сводят этот аргумент к абсурду.

35. См. Topinard, 1878, p. 424.

Моногенисты.

К моногенистам можно отнести большинство старых антропологов - Линнея, Бюффона, Блюменбаха, Кампера, Причарда и Лоуренса. Поскольку они считали, что все человечество произошло от одной пары (вопрос о том, была ли эта пара белой, черной или красной, вызвал дальнейшее обсуждение), они должны были объяснить последующую дивергенцию, приведшую к появлению современных четко признанных разновидностей; и тем самым предвосхитили теорию эволюции, которая не была четко сформулирована до времен Ламарка.

Линней верил в неизменность видов, но сомневался в библейском повествовании. Как натуралисту, ему было трудно поверить в исключительность природы страны, которая обеспечила потребности зоологических видов, столь противоположных друг другу, как

белый медведь и тропический бегемот. Бюффон приписывал вариации человека влиянию климата и диеты. Хотя и Причард, и Лоуренс отрицали возможность передачи приобретенных признаков, Причард считал, что передача случайных вариаций может в какой-то степени объяснить разнообразие рас.^[36] Лоуренс писал более четко: "Расовые различия могут быть объяснены только двумя принципами, а именно: случайным появлением потомства, отличающегося по характеру от родителей, как врожденная или самородная разновидность; и распространением таких разновидностей в поколениях". Он считал, что одомашнивание способствует появлению этих врожденных и передающихся по наследству вариаций, и, предвосхищая евгеническую школу, сожалел о том, что, в то время как разведению домашних животных уделяется столько внимания и заботы, разведение человека оставлено на произвол его индивидуальной фантазии.

36. В эссе под названием "Замечательное предвосхищение современных взглядов на эволюцию" профессор Э. Б. Поултон обращает внимание на идеи, изложенные в первом и втором изданиях *"Исследований"* Причарда, "одного из самых замечательных и дальновидных предшественников Дарвина и Уоллеса..... Это аномалия, что такие работы, как *"Вести"*, должны привлекать внимание, в то время как острая проницательность, здравые суждения и взвешенные рассуждения Причарда по многим аспектам органической эволюции, и особенно по вопросам наследственности, должны оставаться неизвестными". *Essays on Evolution*, 1908, pp. 192, 175.

Лоуренс.

Сэр Уильям Лоуренс (1783-1867) был назначен профессором анатомии и хирургии в Королевском колледже хирургов в возрасте тридцати двух лет. Его лекции по "Сравнительной анатомии, физиологии, зоологии и естественной истории человека", прочитанные в 1816-1818 годах, вызвали немедленный взрыв негодования; автор (по его собственным словам) был обвинен "в недостойном намерении распространять мнения, вредные для общества, и пытаться приводить их в исполнение с целью ослабления тех ограничений, в которых существует благосостояние человечества". Лоуренс был вынужден склониться перед бурей оскорблений и публично объявить, что тома были подавлены, поскольку ему было отказано в авторских правах. Интересно отметить, что эти лекции входят в число тех, которые в настоящее время рекомендуются для использования студентами-антропологами.

Лоуренс намного опередил свое время, и можно сказать, что многое из его учения предвосхитило доктрину эволюции. К сожалению, теологический протест, вызванный его лекциями, опубликованными, когда ему было всего тридцать пять лет, привел к тому, что он полностью отказался от антропологии и в дальнейшем посвятил себя анатомии и хирургии.

Лорд Монбоддо.

Еще одним пророком, опередившим свое время, был лорд Монбоддо. Джеймс Бернетт Монбоддо (1714-1799) считался одним из самых эксцентричных персонажей XVIII века, главным образом из-за его своеобразных взглядов на происхождение общества и языка, а также его теорий о родстве человека с обезьянами. Его глубоко интересовали все существующие рассказы о "хвостатых людях", оправдывая тем самым замечание доктора Джонсона о том, что он "ревновал свой хвост, как белка". Более поздних читателей его трудов меньше поражают эти эксцентричности, которые служили поводом для бесконечных насмешек со стороны острословов эпохи, чем его научные методы исследования и острые выводы. Он не только изучал человека как одно из животных, но и исследовал дикарей с целью выяснения происхождения цивилизации.

Можно было бы упомянуть многих других эволюционистов додарвиновского периода, но следует обратить внимание на предостережение профессора Лавджоя

Преждевременное принятие гипотезы - это грех против научного духа; и случайное принятие каким-то энтузиастом истины, в которую в то время у него не было веских оснований верить, ни в коем случае не дает ему права на почетное место в истории науки.^[37]

37. *Pop. Sci. Monthly*, 1909, p. 499.

Первым, кто сформулировал последовательную теорию эволюции - теорию трансформизма или трансмутации, - был Ламарк.^[38]

38. Де Мейле и Робинэ уже изложили часть ламаркианской доктрины.

Ламарк.

Ламарк (1744-1829) считал, что виды не являются неизменными, а более сложные развиваются из ранее существовавших более простых форм. Изменение видов он связывал главным образом с физическими условиями жизни, скрещиванием и особенно с использованием или неиспользованием органов, которые не только приводили к изменению, росту или атрофии одних, но и, под влиянием стресса необходимости, к образованию новых. "*La fonction fait l'organe*". Он также считал, что изменения, происходящие в индивидууме под воздействием окружающей среды, передаются потомству. Органическая жизнь была прослежена до небольшого числа первобытных зародышей или монад, потомков спонтанного поколения. Человек не стал исключением. Он стал результатом медленной трансформации некоторых видов обезьян.

Взгляды Ламарка были впервые опубликованы в 1801 году и расширены в его "*Философской зоологии*", 1809.

Кювье.

Главным оппонентом Ламарка был Кювье (1769-1832), профессор естественной истории и сравнительной анатомии в Париже, который не только был признанным авторитетом в области зоологии (его великая книга "*Животный мир*" долгое время была стандартным трудом по этому предмету), но и был еще более известен как анатом. Он отстаивал теорию Катастрофы, чередования разрушений и возрождений, в противовес новым теориям трансформизма и эволюции.

Согласно этому широко распространенному мнению, во Вселенной происходят бурные земные революции, влекущие за собой разрушение всего существующего и полное уничтожение всех живых существ, относящихся к прошлой эпохе.

Эта теория отнюдь не нова, она была распространена на Востоке еще в XIII веке. В книге Мохаммеда Касвини, посвященной чудесам природы, он рассказывает следующую историю

Однажды, проходя мимо очень древнего и многолюдного города, я спросил одного из жителей, кто основал их город. Он ответил мне: "Не знаю, и наши предки знали об этом не больше, чем мы". Спустя пятьсот лет, проезжая мимо того же места, я не обнаружил и следа города. Поинтересовавшись у одного из крестьян, когда именно город был разрушен, он ответил мне: "Какой странный вопрос вы мне задали; эта страна никогда не была такой, какой вы ее видите сейчас". Я вернулся туда еще через пятьсот лет и обнаружил на месте той страны, которую я видел, море. Я спросил у рыбаков, как давно их страна стала морем, и он ответил, что такой человек, как я, должен знать, что она всегда была морем. Я вернулся

снова через пятьсот лет; море исчезло, и теперь это была суша. Никто не знал, что стало с морем и существовало ли оно вообще. Наконец, я вернулся еще раз через пятьсот лет и снова нашел процветающий город. Жители сказали мне, что истоки их города затерялись в ночи времени.^[39]

39. Цитируется по R. Knox, *Anth. Rev.*, i., 1863, p. 263.

Позиция Кювье была подкреплена доказательствами, привезенными во Францию научной экспедицией Наполеона в Египет (1801). Здесь были обнаружены мумифицированные животные, вероятно, возрастом от трех до четырех тысяч лет, но не имеющие заметных отличий от существующих видов. Считалось, что это разрушает теорию эволюции, доказывая неизменность видов.

Этьен Сент-Илер.

Этьен Жоффрей Сент-Илер (1772-1844), зоолог из египетской экспедиции, интерпретировал результаты иначе и стал одним из самых ярких сторонников Ламарка. В 1828 году он опубликовал свои убеждения в том, что одни и те же формы не сохранялись с момента возникновения всего сущего, хотя и не считал, что существующие виды подвергаются модификации. Кювье вернулся к обвинению и в 1856 году выдвинул свою доктрину о периодических оборотах Земли, об обновлении каждый раз флоры и фауны и о непрерывающемся и чудесном вмешательстве творческой Воли. И некоторое время, благодаря своему положению и авторитету, он удерживал позиции.

Роберт Чемберс.

В 1844 году появилась книга, оказавшая огромное влияние на додарвиновскую историю эволюции. Это была анонимная работа под названием *Vestiges of the Natural History of Creation*, авторство которой было раскрыто только после публикации двенадцатого издания в 1884 году. Это была работа Роберта Чемберса (1802-1871), который вместе со своим братом Уильямом издавал журнал *Chambers's Journal* и был автором многих книг о Шотландии и нескольких книг о науке. Он проследил действие общих законов во всей Вселенной как системе роста и развития и утверждал, что различные виды животных и растений возникли в упорядоченной последовательности друг от друга под действием неизвестных законов и влияния внешних условий. *Vestiges* сразу же стал центром научной дискуссии, был осужден ортодоксами и признан "недоказанным" большинством ученых того времени. Ее сторонников стали называть "вестигарианцами" - термин, который подразумевал также "ненаучный", "сентиментальный" и "абсурдный".

Любопытно, что в "*Вестях*" мы находим многое из того, что впоследствии было названо дарвиновской теорией, уже изложенной. По словам Уоллеса, в ней четко сформулирована концепция эволюции по естественным законам, и все же она была осуждена теми, кто вскоре стал поборником дарвинизма. Частично это было связано с тем, как доктрина трактовалась и излагалась, частично - с "ненужной дикостью" профессора Хаксли.

Хаксли писал в 1887 году: "Я, должно быть, читал "*Весту*"... до 1846 года; но если я и читал, то книга произвела на меня очень мало впечатления..... Признаюсь, книга просто раздражала меня непомерным невежеством и совершенно ненаучным образом мышления, проявленным писателем". Профессор Лавджой^[40] объясняет причины такого отношения Хаксли:- ...

40. *Loc. cit.*

Истина заключается в том, что сильно эмоциональная и в высшей степени драчливая натура Хаксли под влиянием некоторых совершенно нелогичных факторов сдерживала его от принятия гипотезы, доказательства которой были практически столь же весомы в течение более десяти лет, прежде чем он принял ее, как и в момент своего обращения. Книга написана в несколько экспансивном и риторическом стиле. При всей своей религиозной гетеродоксальности она отличалась неким благочестивым и назидательным тоном и резкими переходами от научных рассуждений к мистическим чувствам. Она содержала многочисленные ошибки в биологических и геологических деталях, а ее автор склонен был верить, на основании довольно абсурдных экспериментальных данных, в возможность спонтанного возникновения. Все это оскорбляло профессиональные стандарты молодого энтузиаста-натуралиста, скрупулезно следящего за строгостью игры, нетерпимого к неясности и любому смещению романтического воображения с научными изысканиями..... Поэтому в 1854 году он почти превзошел *"Эдинбургское обозрение"* в свирепости своего натиска на неспециалиста, который осмелился выдвинуть широкие обобщения по биологическим вопросам, но при этом способен ошибаться в отдельных пунктах, очевидных для любого компетентного специалиста.

Хаксли называет эту рецензию "единственной, которая когда-либо вызывала у меня угрызания совести, по причине ненужной дикости". Дарвин более мягко охарактеризовал ее как "довольно жесткую по отношению к бедному автору". Действительно, он признался в определенной симпатии к *"Вестям"*, а Уоллес в 1845 году высказал весьма благоприятное мнение о книге, описав ее как "гениальную гипотезу, подкрепленную некоторыми поразительными фактами и аналогиями".

Самым сильным свидетельством ценности работы Чемберса является мнение мистера А. В. Бенна, который в журнале *"Современная Англия"* за 1908 год пишет о *"Вестях"* следующее.

С тех пор почти ничего не было сделано в отношении общих аргументов Чемберса, которые в то время, когда они появились, были бы приняты как убедительные, если бы не теологическая бестактность и научная робость. А сам Чемберс лишь придал единство мыслям, уже находившимся в широком обращении..... Чемберс не был ни научным экспертом, ни оригинальным мыслителем; но он изучил научную литературу с большей пользой, чем любой профессор..... Соображения, которые сейчас рекомендуют эволюцию популярной публике, не отличаются от тех, что были высказаны в *"Вестях"*.

Герберт Спенсер.

Следующее великое имя среди додарвиновских эволюционистов - Герберт Спенсер. Примерно в 1850 году он писал:...

Вера в органическую эволюцию пустила глубокие корни (в моем сознании) и привлекла к себе большое количество доказательств - доказательств, полученных не из многочисленных частных случаев, а из общих аспектов органической природы и из необходимости принять гипотезу эволюции, когда гипотеза специального творения была отвергнута. Убеждение в существовании специального творения выветрилось из моего сознания много лет назад, и я не мог оставаться в подвешенном состоянии: принятие единственно возможной альтернативы было настоятельно необходимо.^[41]

41. Duncan, *Life and Letters of Herbert Spencer*, 1898, II., 317.

Это подвешенное состояние, гётевский *скепсис*, как раз и было тем, чем наслаждался Хаксли; по его собственным словам, "отступая от апостольского предписания быть всем для

всех, я обычно отстаивал жизнеспособность принятых доктрин, когда мне приходилось иметь дело с трансмутационистами; и отстаивал возможность трансмутации среди ортодоксов".

Таким образом, до момента публикации "*Происхождения видов*" научное мнение было условно разделено на два противоборствующих лагеря: на одной стороне находились классики, ортодоксы, катастрофисты или креационисты, которые верили в неизменность видов и в то, что каждый вид является результатом особого чудесного творения; на другой - эволюционисты или трансмутационисты, которые отвергали особое творение и считали, что все виды произошли от других видов по какому-то неизвестному закону.

Именно формулировка этого неизвестного закона сделала 1859 год эпохой в истории антропологии.

Чарльз Дарвин.

О работе Дарвина лучше всего можно сказать словами его верного и самоотверженного соратника Альфреда Рассела Уоллеса.

До появления работ Дарвина подавляющее большинство натуралистов и почти без исключения весь литературный и научный мир твердо придерживались мнения, что виды - это реальность, и произошли они не от других видов в результате какого-либо доступного нам процесса... [но] каким-то совершенно неизвестным процессом, настолько далеким от обычного размножения, что о нем обычно говорили как об "особом творении"... Но теперь все изменилось. Весь научный и литературный мир, даже вся образованная публика, принимает как общеизвестный факт происхождение видов от других родственных видов путем обычного процесса естественного зарождения. Идея особого творения или какого-либо совершенно исключительного способа производства абсолютно исчезла..... И это огромное, совершенно беспрецедентное изменение в общественном мнении стало результатом работы одного человека и было осуществлено за короткие двадцать лет".

Хаксли описывает отношение к теории в год, следующий за публикацией "*Происхождения видов*": "В 1860 году не было ничего более вулканического, более шокирующего, более ниспровергающего все правильное и должное, чем выдвижение предположения, что в том, что касается физической организации, между человеком и высшими обезьянами существует меньше различий, чем между высшими обезьянами и низшими..... Этот вопрос был не из приятных". Но "ужасные парадоксы одного поколения стали общим местом для школьников"; а "поразительное предложение" 1860 года через двадцать лет стало "фактом, который не может оспаривать ни один разумный человек".^[42]

42. Add. Brit. Ass., 1878, Дублин.

Этот вопрос о различии между человеком и обезьянами ожесточился после личной встречи Хаксли и Оуэна. Профессор Оуэн в 1857 году заявил, что *малый гиппокамп*, который характеризует заднюю долю в каждом полушарии человеческого мозга, свойственен роду *Ното*. Хаксли это отрицал;^[43] и, поскольку ни один из участников спора не хотел признать, что он ошибался, вопрос стал "вопросом личной достоверности".

43. "Не я пытаюсь обосновать достоинство человека его большим пальцем ноги или намекнуть, что мы погибли, если у обезьяны есть *малый гиппокамп*" -Anth. Rev., I., 113.

В качестве возможного объяснения этого знаменитого спора интересно отметить объявленное профессором Д. Дж. Каннингемом открытие отсутствия этой полости на одной

стороне мозга орангутанга, с предположением, что Оуэн "возможно, в первом случае был введен в заблуждение аномальным мозгом такого рода".^[44]

44. *Cunn. Mem.*, II., R.I.A., p. 128.

Дальнейшая история развития, расширения и свертывания дарвиновской теории как таковой выходит за рамки этой небольшой книги. Критика Уоллесом полового отбора и происхождения высших психических качеств человека, отрицание наследования приобретенных качеств Августом Вейсманом и другими, теория ортогенеза Теодора Эймера, теория "мутаций" Гуго де Вриса и исследования Менделя - все это вызвало оживленные споры, и поле науки до сих пор окутано дымом их сражений.

Брожение, вызванное публикацией книги Дарвина "*Происхождение видов*", глубоко затронуло, что было вполне естественно, зарождающуюся науку антропологию. На заседании Британской ассоциации в Ноттингеме в 1866 году доктор Джеймс Хант зачитал обращение к антропологическому департаменту, чтобы показать, что "недавнее применение гипотезы "естественного отбора" мистера Дарвина к антропологии некоторыми из учеников мистера Дарвина совершенно необоснованно ни с точки зрения логики, ни с точки зрения фактов".^[45] В этом обращении он заявил, что по-прежнему верит в вывод, сделанный им три года назад, - "что существуют такие же веские основания для классификации негра как вида, отличного от европейца, как и для классификации осла как вида, отличного от зебры; и если при классификации мы принимаем во внимание интеллект, то между негром и европейцем существует гораздо больше различий, чем между гориллой и шимпанзе". Он настаивал на том, что "антропологи обязаны принимать во внимание всю совокупность характеристик различных типов человека". "Однако приходится сожалеть, - продолжает доктор Хант, - что в Германии есть много авторов, которые в последнее время пишут так, будто вопрос о месте человека в природе решен"; но он с радостью обнаружил, что "профессор Карл Фогт делает все возможное, чтобы показать ошибочность гипотезы единства". Он цитирует профессора Фогта, который сказал: "Несомненно то, что каждая из этих антропоидных обезьян имеет свои особенности, по которым она приближается к человеку..... Если в разных регионах земного шара антропоидные обезьяны происходят от разных видов, мы не видим причин, по которым этим разным видам должно быть отказано в дальнейшем развитии до человеческого типа и что только один вид должен обладать этой привилегией. Чем дальше мы уходим в историю, тем больше контраст между отдельными типами, тем более противоположны характеры".

45. *Anth. Rev.*, iv., 320.

Споры и дискуссии этого периода не ограничивались теми, кто обладал техническими знаниями или научно подкованными умами. Самые разные люди присоединялись к , главным образом потому, что считали новые идеи подрывающими "богооткровенную религию"; но не стоит напоминать о ложных утверждениях и горьких выражениях, которыми пестрели эти споры. Некоторые просто сентиментально возражали против доктрины эволюции; но в наши дни большинство людей согласилось бы с заявлением Брока, который писал: "Quant à moi, je trouve plus de gloire à monter qu'à descendre et si j'admettais l'intervention des impressions sentimentales dans les sciences, je dirais que j'aimerais more être un singe perfectionné qu'un Adam dégénéré".^[46]

46. *Mémoires d'Anthropologie*, iii., p. 146.

Место негра в природе.

Другой спор, который, хотя и имел в основном политическое происхождение, расколол ряды антропологов, возник из-за вопроса о рабстве. Кларксон начал свою агитацию за отмену работорговли около 1782 года, и в первые годы XIX века было предпринято множество безуспешных попыток положить конец этой системе в Америке. В 1826 году существовало более сотни обществ против рабства, в основном в средней полосе штатов, в то время как хлопковые штаты были столь же единодушны и яростны в своем противостоянии. Чувства, естественно, разгорались; беспорядки, убийства, линчевания, набеги и общее беззаконие характеризовали агитацию с обеих сторон и подливали масла в огонь, который в итоге привел к расторжению Союза в 1860 году. На родине вопрос горячо обсуждался, а народные чувства были возбуждены речами Кларксона и Уилберфорса и, в первую очередь, публикацией романа *"Хижина дяди Тома"* (1852). Антропология, будучи в основном вопросом расы, вскоре оказалась вовлечена в этот процесс, моногенисты и полигенисты, естественно, встали на противоположные стороны, а Этнологическое общество стало сильным сторонником филантропов и аболиционистов.

В разгар волнений Джеймс Хант, почетный член Этнологического общества и президент недавно созданного Антропологического общества, прочитал (1863) свой доклад на тему "Место негра в природе".^[47] В ней он тщательно изучил все данные по этому вопросу, физические и психические, и пришел к выводу, что "негр интеллектуально уступает европейцу, и что аналогии между обезьяной и негром гораздо более многочисленны, чем между обезьяной и европейцем"; Кроме того, "негр становится более человеческим, находясь в естественном подчинении у европейца, чем при любых других обстоятельствах", "негритянская раса может быть очеловечена и цивилизована только европейцами" и "европейская цивилизация не соответствует требованиям и характеру негра". Выдержка из этой статьи была прочитана доктором Хантом на собрании Британской ассоциации в Ньюкасле в 1863 году, где присутствие красноречивого цветного оратора оживило последующую дискуссию.^[48] Огромное возмущение вызвала публикация этой статьи и усилила напряжение в и без того натянутых отношениях между двумя обществами. Яростные осуждения со стороны Эксетер-Холла и "широкоплечей школы филантропов" сопровождались не менее яростными аплодисментами со стороны противоположного лагеря. Когда доктор Хант умер, несколько лет спустя, следующий некролог, взятый из нью-йоркской газеты, появился в *Anthropological Review*,^[49] под заголовком "Death of the Best Man in England":- ...

47. *Mem. Anth.*, I., p. i.

48. *Anth. Rev.*, i., p. 386.

49. January, 1870, p. 97.

Мы с болью узнали о смерти доктора Джеймса Ханта, без сомнения, лучшего или, во всяком случае, самого полезного человека в Англии, если не во всей Европе. Человек, который ведет за собой всех других людей в знаниях, необходимых для человеческого благополучия, который таким образом расширяет границы человеческого счастья и лучше всего иллюстрирует мудрость и благодеяние Всемогущего Творца к Своим созданиям, сам по себе и по необходимости является лучшим человеком своего поколения; и таким человеком был покойный доктор Джеймс Хант из Англии..... Доктор Хант в своем ясном знании и смелом энтузиазме делал для человечества, для благополучия людей и для славы Божьей больше, чем все философы, гуманитарии, филантропы, государственные деятели и, можно сказать, епископы и духовенство Англии вместе взятые..... Его смерть в раннем возрасте тридцати шести лет - большая потеря для Англии, для христианства, для всего человечества; ибо, хотя

есть много других, работающих в том же великом деле, особенно во Франции и Германии, не было европейца этого поколения, столь ясного и глубокого в науке о человечестве, как доктор Хант.

Серьезное обсуждение анатомического и психологического соотношения негра и европейца все еще находится на переднем плане, особенно в Соединенных Штатах Северной Америки. Но даже в 1900 году в Америке была опубликована книга со следующим названием, и нам сообщили, что она имела очень большой сбыт в южных штатах:...

Негр - зверь; или "По образу и подобию Божьему". *Разумник века, Откровение века! Библия как она есть! Негр и его отношение к человеческой семье!* Негр - животное, но он создан с членораздельной речью и руками, чтобы служить своему хозяину - белому человеку. *Негр не сын Хама*, и это не может быть доказано Библией, а аргументы богослова, утверждающего подобное, тают в тумане перед громогласными и убедительными доводами этой замечательной книги. Чарльз Кэрролл, который потратил пятнадцать лет своей жизни и 20 000 долларов на ее составление. Издана Американским книжным и библейским домом, Сент-Луис, штат Монако, 1900 год.

Издатели "убеждены, что, когда эта книга будет прочитана... она подействует на умы американского народа подобно гласу Божьему с облаков, обращенному к Павлу на пути в Дамаск".

Эта абсурдная книга может понравиться только невежественным и фанатичным людям, и мы упоминаем о ней лишь как о крайнем примере трудностей, с которыми иногда приходится сталкиваться науке при решении острых социальных вопросов.

Последнее слово по этому вопросу принадлежит профессору Ф. Боасу, который считает, что негр по своему физическому и психическому строению не похож на европейца. "Однако нет никаких доказательств того, что эти различия означают какую-либо ощутимую степень неполноценности негра... поскольку эти расовые различия намного меньше диапазона вариаций, обнаруженных в любой расе, рассматриваемой самой..... Анатомия американского негра не очень хорошо известна; и, несмотря на часто повторяемые утверждения о наследственной неполноценности мулатов, мы почти ничего не знаем по этому вопросу."^[50] Настоящая проблема в Америке - это мулаты, поскольку "условия таковы, что сохранение чистого негритянского типа практически невозможно."

50. Франц Боас, "Расовые проблемы в Америке", *Science*, N.S. xxix., p. 848, 1909.

Глава IV.

РАСКРЫТИЕ ДРЕВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Ископаемый человек.

Невежество и предрассудки вместе утверждали, что человек был создан несколько тысяч лет назад в состоянии физического совершенства. Поэтому возможность обнаружения

ископаемого человека была немыслима для большинства людей, а те ранние авторы, которые допускали такую мысль, в целом были склонны ее отрицать. Кювье, ограничив возраст Земли ортодоксальными 6 000 лет, заявил, что ископаемых костей человека не существует. Более того, вплоть до его смерти (1832 год) не было найдено ничего, что могло бы нарушить это общепринятое мнение.

Более чем за сто лет до этого (1726) профессор Шойхцер из Цюриха обнаружил свой знаменитый "*Homo diluvii testis*" - "Человек, свидетель Потопа" - и описал его как "редкую реликвию проклятой расы первобытного мира", благочестиво воскликнув: "Меланхолический скелет старого грешника, обрати сердца современных отступников!" Позже было доказано, что его окаменелость принадлежала гигантской саламандре, и ископаемому человеку позволили спать более века.

Когда в середине XIX века этот вопрос был поднят вновь, свидетельства о человеческих останках, которыми до этого пренебрегали, приобрели новое значение, и более ранние находки стали изучаться заново.

Каннштадт. Неандерталец.

Сначала был найден каннштадтский череп, найденный в 1700 году герцогом Эберхардом Вюртембергским, который оставался неописанным в течение 135 лет в Штутгартском музее. Позже его стали считать принадлежащим к доисторической "расе", доказательства существования которой так быстро накапливались. В 1856 году новым толчком послужило обнаружение черепа и других останков в пещере Фельдхофен, у входа в небольшой овраг под названием Неандерталь, на правом берегу реки Дюссель, в рейнской Пруссии.

Это была первая находка останков человека эпохи палеолита, которой было уделено серьезное внимание. Скелет был зарыт в твердый, консолидированный суглинок, но, к сожалению, был сильно поврежден рабочими, прежде чем его удалось извлечь. Благодаря вмешательству Фюльротта были спасены бедренные кости, верхняя кость каждой руки, лопатка, ключица, некоторые фрагменты ребер и череп, которые сейчас находятся в Рейнском музее античности в Бонне. Когда останки были впервые выставлены их первооткрывателем в Бонне, были высказаны сомнения в их человеческом характере. Вирхов высказал мнение, что череп был больным; в долгих спорах, которые велись вокруг этого черепа, его богатый патологический опыт, недоверие к чисто морфологическим соображениям, его агностическая позиция в отношении происхождения видов вообще и человека в частности, возможно, заставили его выдвинуть эту крайнюю точку зрения. Брока объявил его нормальным. Хаксли признал череп человеческим, но объявил его самым обезьяноподобным из когда-либо обнаруженных; он поставил его ниже австралопитека по типу.

Однако нельзя абсолютно полагаться на свидетельства одного черепа, к тому же несовершенного, но последующие открытия в основном подтвердили мнение Хаксли.

Шпион.

Другой важной находкой стали два черепа и другие скелетные останки, обнаруженные в 1886 году в Спи, в округе Намюр, Бельгия, де Пюйдом и Лохестом,^[51] с сопутствующей фауной, включавшей шерстистого носорога, мамонта, пещерного медведя, гиену и т.д., причем пять из девяти видов вымерли.

51. Fraipont et Lohest, *Arch. de Biol.*, vii., 1887, p. 623.

Другие находки.

С 1886 года в различных частях Европы через короткие промежутки времени были сделаны новые находки человеческих останков, датируемые от исторических до доисторических времен, причем наибольший интерес, естественно, представляют самые древние черепа.

Очень тщательные исследования этих останков, проведенные многочисленными анатомами, представляют огромный интерес для студентов, и их общие выводы можно найти в некоторых учебниках; но детали носят несколько технический характер. Достаточно сказать, что еще в эпоху палеолита, когда люди пользовались только каменными орудиями, в Европе существовало несколько разновидностей человека; и хотя по своим анатомическим характеристикам они были в некоторых отношениях более животноподобны, чем нынешние европейцы, они едва ли были более похожи на некоторые неевропейские расы современности - например, на австралийцев. Во всех случаях черепа безошибочно принадлежали настоящим людям, но в целом можно сказать, что те моменты, в которых они отличались от более поздних европейцев, выдавали "низшие" характеры.

Чтобы читатель мог оценить, какой быстрый прогресс наблюдается сейчас в этом направлении, мы приводим на краткий отчет о самых последних открытиях ископаемого человека.

Homo Heidelbergensis.

В октябре 1907 года в залежи песка в Мауэре, недалеко от Гейдельберга, была найдена нижняя челюсть. Зубы типично человеческие, но челюсть без подбородка, с ее толстым телом, очень широкой и короткой восходящей частью и другими особенностями, превосходит по сочетанию примитивных признаков все известные челюсти недавних и древних людей, поэтому она представляет собой обобщенный тип, от которого можно легко оттолкнуться. Было высказано предположение, что, поскольку челюсть не является ни явно человеческой, ни антропоидной, она сохранилась от того далекого предка, от которого произошли, с одной стороны, род *Номо*, а с другой - роды антропоидных обезьян. Доктор О. Шотенсак относит *Homo Heidelbergensis* к раннему плейстоцену или позднему плиоцену, а доктор Э. Верт^[52] относит его к середине ледникового периода.

52. *Globus*, xcvi., 1909, p. 229.

Homo Primigenius.

В марте 1908 года герр Отто Хаузер нашел скелет молодого человека в верхней долине Везера, Дордонь; череп имел покатый лоб, выдающиеся челюсти и большие орбиты, над которыми возвышались массивные надбровные дуги; конечности были короткими. Это было отдельное погребение с сопутствующими предметами, которые подтверждают его мустьерский возраст (p. 75, n. 2).

К мустьерскому возрасту также относятся скелет, обнаруженный в августе 1908 года^[53] и череп в феврале 1909 года в Ла-Шапель-о-Сен, Коррез, и скелет, эксгумированный в сентябре того же года в Феррасси, Дордонь, М. Пейрони, который ранее обнаружил другой скелет того же возраста в Пеше-де л'Азе, близ Сарлата, также в Дордони. Эти две находки еще не были описаны.

53. Bouysonnie et Bardon, *l'Anthropologie*, xix., 1908, p. 513.

Череп ископаемого человека из Ла-Шапель-о-Сен, после восстановления носовых костей и челюстей. Из *l'Anthropologie*, хх., 1909, р. 267; с разрешения профессора М. Буля.

По сравнению с невысоким ростом (5 футов 3 дюйма) человека из Ла-Шапель, череп отличается удивительно крупными размерами. Он узкий, с уплощенным черепным сводом и огромными надбровными дугами; орбиты большие, а лицо очень выступающее. Профессор Буль согласен с другими исследователями, считая этот череп принадлежащим к типу неандертальцев-шпионов, и полагает, что эта группа отличается от всех других человеческих групп, живых или ископаемых.^[54]

54. М. Boule, *l'Anthropologie*, xix., 1908, р. 519; хх., 1909, р. 257. См. также М. Alsberg, *Globus*, хсv., 1909, и Н. Klaatsch, *Arch. für Anth.*, N.F., vii., р. 287.

Как отмечает профессор Соллас, "первобытные жители Франции отличались от высших цивилизованных рас не меньшим, а большим объемом черепа; другими словами, по мере продвижения назад во времени человеческий мозг увеличивается в объеме."^[55] Мы знаем, что они хоронили своих мертвых, а в некоторых случаях оставляли оружие и пищу для использования в будущем государстве. Их изобретательность доказывается разнообразием и постепенным совершенствованием техники изготовления их инструментов и оружия. Их резьба в круглом или низком рельефе, их энергичные гравюры на кости и слоновой кости и их замечательные настенные росписи, будь то контурные, монохромные или многоцветные, свидетельствуют о поразительном эстетическом чувстве и техническом мастерстве.

55. *Кварт. Journ. Geol. Sci.*, vol. 66, 1910, р. lxii.

Как раскопки в Месопотамии, Египте, Греции, на Крите и в других местах доказали, что цивилизация была гораздо древнее, чем можно было представить еще пятьдесят лет назад,

так и исследователи пещер показали нам, что во второй половине эпохи палеолита жили могучие охотники, искусные художники, люди с большим умом, заложившие фундамент, на котором строились последующие поколения. Таков урок, который преподнесли нам последние результаты исследований древности человека - мозг, а не мускулы, был важнейшим фактором в эволюции человека. Человеческий мозг развивался быстрее, чем тело, которое и тогда сохраняло безошибочные свидетельства низменного происхождения человека. Как долго продолжалась эта эволюция до мустьерских времен?^[56] Более грубые каменные орудия ашельской и хелийской эпох позволяют отнести нас на значительное время назад; и если даже некоторые из эолитов являются артефактами, мы можем отнести человека с орудиями труда к еще более ранним временам. В таком случае летопись становится нечеткой, поскольку невозможно решить, были ли простые ушибы камней вызваны человеком или природными явлениями.

56. W. L. H. Duckworth, *Morphology and Anthropology*, 1904, p. 520.

Pithecanthropus erectus.

Но все эти исследования меркнут в сравнении с сенсацией, вызванной открытием, сделанным доктором Дюбуа на Яве в 1891 году. Доктор Эжен Дюбуа был выпускником Лейденского университета, который, помимо некоторых знаний в области геологии и палеонтологии, достиг выдающихся успехов в анатомии. В период с 1890 по 1896 год он служил на Яве в качестве хирурга голландской индийской армии и по приказу правительства провел ряд исследований с целью определения ископаемой фауны, которая была обнаружена в этих местах много лет назад. Исследуя слои, относящиеся к плейстоценовому периоду, ниже уровня реки Бенгаван, в районе Тринила, он обнаружил зубы, кальварию и бедренную кость ныне всемирно известного *Pithecanthropus erectus*. Об этом даже в научных журналах писали: "Наконец-то найдено "недостающее звено"". Дюбуа опубликовал свой рассказ на Яве в 1894 году, и с тех пор вокруг этой темы накопилось огромное количество литературы, представляющей три антагонистические точки зрения. Одни, такие как Вирхов, Краузе, Вальдейер, Ранке, Бумюллер, Хаманн и Тен Кейт, утверждают, что останки имеют симитское происхождение; Тернер, Каннингем, Кит, Лайдеккер, Рудольф Мартин и Топинард считают их человеческими; Дюбуа, Мануврие, Марш, Геккель, Неринг, Верно, Швальбе, Клаатш и Дакворт относят их к промежуточным формам. Последний из них подытоживает доказательства следующими словами: "Я считаю, что в *Pithecanthropus erectus* мы обладаем ближайшим подобием предка человека, найденным на стадии, непосредственно предшествующей определенно человеческой фазе, и в то же время опережающей стадию симиан".^[57]

57. "Самый низкий из обнаруженных до сих пор представителей человеческой серии представлен питекантропом и датируется какой-то частью плейстоценовой эпохи" (W. J. Sollas, *Science Progress*, 1908, p. 353). См. также W. Volz, *Neues Jahrb. f. Mineral.*, 1907.

Англичане, как несколько лукаво заметил доктор Дюбуа, считали останки человеческими, а немцы - симейскими; сам он, будучи голландцем, относил их к смеси тех и других.

Вопрос о геологическом горизонте, в котором были обнаружены останки *Pithecanthropus erectus*, до сих пор остается открытым. В последнее время мнения склоняются к тому, чтобы отнести его к раннему плейстоцену, а не к плиоцену, как это было вначале.^[58] После обзора всех доказательств, касающихся третичного человека, профессор Соллас заключает: "Теперь мы подошли к концу этого резюме и находимся том же месте, где и были, не получив

никаких доказательств ни в пользу, ни против существования человека во времена, предшествовавшие великому ледниковому периоду" (*loc. cit.*, p. 350).

58. Термины "магдаленский", "солютрейский", "ауриньякский", "мустьерский", "ахеульский", "хельский" обозначают различные эпохи культуры в палеолите, давая их последовательность от самых новых до самых древних. Некоторые исследователи подразделяют эти эпохи еще более подробно, а некоторые, если не все, связывают между собой промежуточными этапами. Другими словами, останки доказывают, что происходила устойчивая эволюция культуры. Нигде все эти слои не встречаются в одном месте, и доказательство их порядка - дело стратиграфии (*то есть*, по сути, геологического метода). Палеонтология решает вопрос об останках животных, найденных в слоях. Анатомист обсуждает человеческие останки, а археолог занимается артефактами или предметами, созданными человеком. Точное определение порядка расположения кроватей, очевидно, имеет фундаментальное значение.

Открытие этих человеческих останков оказало очень заметное влияние на антропологию. Большинство из них несовершенно, некоторые - очень сильно, как, например, частичные кальварии питекантропа и образец неандертальца. Эти останки представляют такой большой интерес, что стимулировали анатомов к более тщательному анализу и сравнению с другими человеческими черепами и черепами антропоидов. Со временем появились новые способы рассмотрения проблем, что привело к использованию более сложных методов измерения или описания. Почти каждый экземпляр ископаемого человека привел к определенным улучшениям в технических исследованиях; и эта тема еще не исчерпана, поскольку характер внутренних стенок черепа еще не выдал всех своих секретов, особенно в отношении мозга, который они когда-то защищали. Было бы утомительно перечислять имена тех, кто изучал даже две только что упомянутые кальварии, и невозможно записать всех тех, кто продвинул наши знания об анатомии ископаемого человека.

Глава V.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В настоящее время данные для сравнения телесных функций представителей одной расы с представителями другой настолько скудны, что едва ли можно говорить о существовании науки этнической физиологии. К счастью, совсем иначе обстоят дела с изучением разума - или психологией, - хотя и в этой области еще предстоит проделать огромную работу.

В восемнадцатом веке термин "антропология", который использовался очень неопределенно, часто применялся для обозначения всеобъемлющей психологии, рассматривающей всю психическую сторону человека, а также отношения между душой и телом. Позже, по мере расширения сферы ее применения, центр тяжести сместился на физического человека; однако антропологи всегда сохраняли за собой право в большей или меньшей степени заниматься и психологией.

Френология.

Психология в ранние времена занималась сущностью души как независимой сущности, ее отношениями с телом, ее разрушаемостью или неразрушаемостью, а также законами ее функционирования. Слово "психология" всегда имело расплывчатое и изменчивое значение. Так, когда Хант в своей президентской речи перед Антропологическим обществом в 1866 году говорит: "Мне приятно знать, что среди членов этого общества есть много тех, кто в настоящее время работает над психологическими аспектами нашей науки", он ссылается на интерес, проявляемый членами общества к френологии того периода. Однако позже он высказывает свое мнение о "современной френологии" как о "полностью ненаучной". Старая френология теперь практически мертва.

Психические исследования.

В последней четверти прошлого века изучение различных неясных психических состояний получило новый импульс в этой стране благодаря основанию Общества психических исследований. Это общество в основном исследует (1) гипноз, расстройства личности, автоматическое письмо и хрустальный взгляд, которые повсеместно признаны психологами как поле для научного изучения; и (2) перенос мыслей и его проявления, которые, однако, в настоящее время не являются общепризнанными фактами.

Антропология, хотя и недавно вынырнувшая, *vix aut ne vix quidem*, из холодной тени научного презрения, перенимает манеры своих старших сестер по науке и так же сурово, как они, относится к Золушке семьи - психическим исследованиям. Она должна роптать на своих фей среди золы очага, в то время как они отправляются на бал и танцуют с мэрами провинций на празднествах Британской ассоциации.^[59]

59. A. Lang, *Making of Religion*, p. 43.

Гипнотические и родственные им практики низших рас до недавнего времени почти не привлекали внимания антропологов. Бастиан в 1890 году написал трактат "*Ueber psychische Beobachtungen bei Naturvölkern*", Тайлор также затронул эту тему в "*Первобытной культуре*"; но главным ее защитником является Эндрю Лэнг, который заявляет: "Антропология должна оставаться неполной, пока она пренебрегает этой областью, как среди диких, так и среди цивилизованных людей", и "Со временем это будет признано".

Методы и цели.

Если мы перейдем от популярных к научным представлениям о психологии, то увидим следующие методы и цели этой науки. Существует два метода - (1) интроспективный, с помощью которого наблюдаются собственные психические состояния; и (2) объективный, с помощью которого наблюдается поведение других людей: оба могут изучаться без эксперимента или в экспериментальных условиях. У отсталых народов очень трудно обеспечить надежную интроспекцию, а также интерпретировать психическое состояние человека, наблюдая за его поведением.

Объекты психологии состоят из пяти частей: 1.

1. Изучение разума в сравнении с непсихическими процессами.
2. Изучение разума индивида в сравнении с другими разумами.
3. Изучение нормального разума индивида в сравнении с аномальным.
4. Изучение разума одной расы в сравнении с разумом других рас.

5. Изучение разума рода Ното в сравнении с разумом животных.

Все эти направления представляют интерес и ценность для антропологии, особенно второе, четвертое и пятое.

В ранние дни развития психологии, когда этот предмет занимал ведущее место в философии, он не имел особой этнологической ценности. Более того, возможность существования такого предмета, как этнологическая психология, не была осознана.

Этническая психология.

Этническая психология, изучение разума других рас и народов, о котором среди более отсталых рас можно получить представление, только живя среди них и пытаясь достичь их точки зрения с помощью наблюдений и экспериментов, - это современная концепция; и для этой отрасли предмета не существует истории.

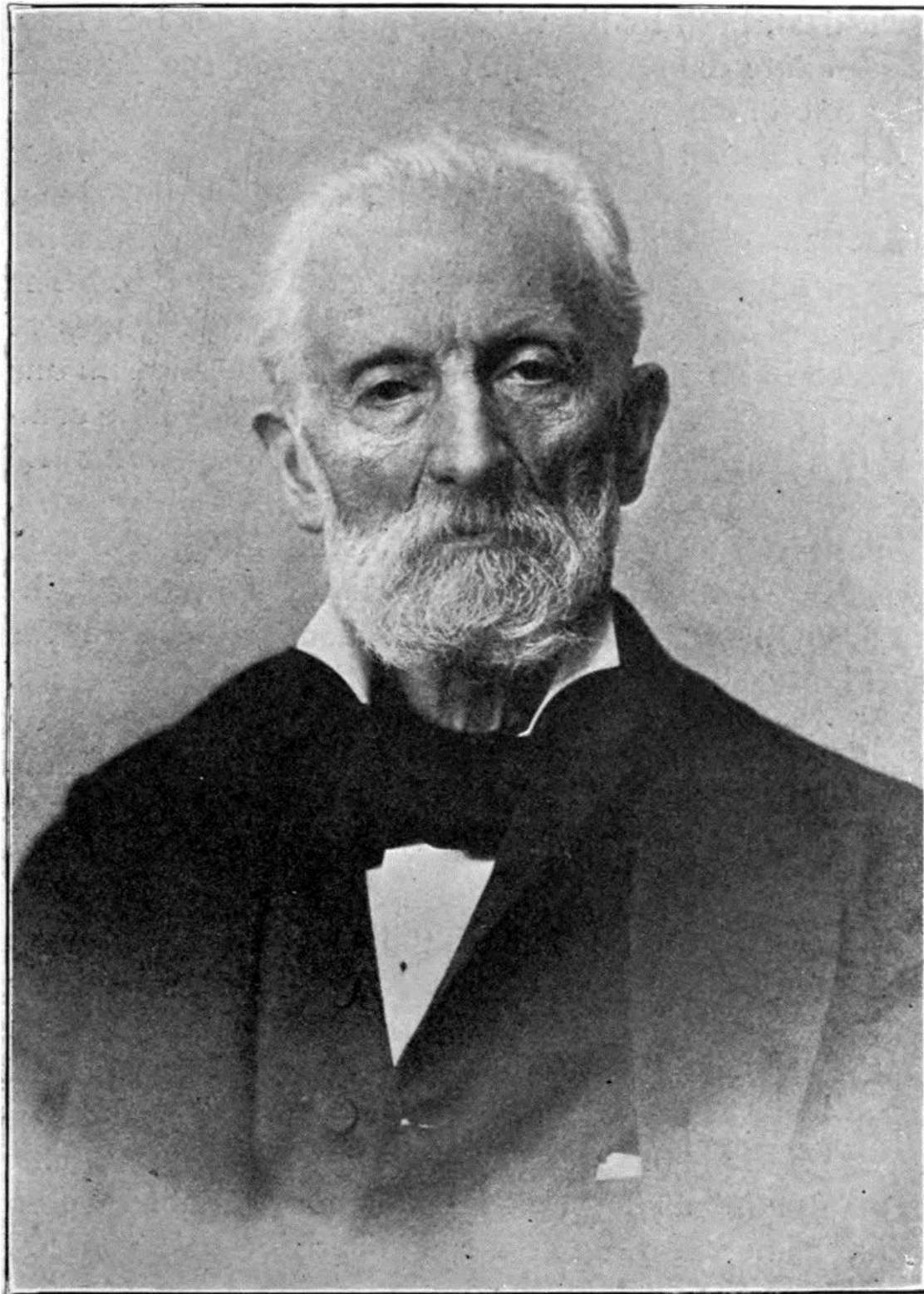
В качестве иллюстрации изменения отношения к этнической психологии за последние пятьдесят лет можно привести слова Бурмейстера^[60] в 1853 году: "Не стоит заглядывать в душу негра. Это Божий приговор, который исполняется, что при приближении цивилизации дикарь должен погибнуть"; и снова^[61] в 1857 году: "Я часто пытался проникнуть в разум негра, но это никогда не стоило труда". Сравните с этим такие работы, как "*На задворках сознания черного человека*" Р. Э. Деннета, 1906. В оправдание своей попытки представить базовые идеи уроженца Западной Африки Деннетт говорит: "Я не могу не чувствовать, что к человеку, который так долго жил среди африканцев и приобрел своеобразный образ мышления чернокожего, следует прислушиваться на случай, если вторичный инстинкт, развившийся в результате длительного общения с людьми, о которых он пишет, мог привести его к правильному или почти правильному выводу" (с. 133-4). А в качестве лейтмотива своего подробного исследования, в результате которого он "приписывает африканцам мысли, касающиеся их религиозной и политической системы, сравнимые с теми, что могли быть переданы" нам нашими собственными предками, он приводит слова Флоры Л. Шоу^[62]: "Может случиться так, что нам придется полностью пересмотреть наше представление о черных расах и рассматривать тех, кто существует сейчас, как упавших представителей почти забытой эпохи, а не как зародышевую возможность эпохи, которая еще только должна наступить".

60. *Der Schwarze Mensch*.

61. *Reise nach Brasilien*.

62. Flora L. Shaw (Lady Lugard), *A Tropical Dependency*, p. 17.

Самое раннее признание антропологического аспекта психологии можно найти в Германии, где Бастиан постоянно настаивал на существенной связи между психологией и этнологией; и, хотя его собственный литературный метод был специфически неясным, он сделал очень много, как своими трудами, так и личным влиянием, чтобы стимулировать изучение психологии с точки зрения этнологии.

Р. В. А. Бастиан.

Бастиан.

Народная психология.

Адольф Бастиан (1826-1905), окончив пять университетов - Гейдельбергский, Берлинский, Йенский, Вюрцбургский и Пражский, - начал свою жизнь в путешествиях в 1851 году в качестве судового врача. Следующие двадцать пять лет он провел в основном в исследовательских поездках по всем частям света и всегда с одной целью - собрать

материалы для сравнительной психологии, основанной на принципах естественной науки. Его первое путешествие, длившееся восемь лет, привело к публикации в 1860 году первого из длинной серии трудов. Когда он не был занят путешествиями, его жизнь была заполнена работой в связи с Берлинскими музеями. Но как бы ни были велики эти заслуги, главный интерес Бастиана всегда был сосредоточен на психологии. Идеи народной психологии витали в воздухе, и в Германии уже начиналось изучение *Welt-Anschauung*, или, по выражению Бастиана, *Völker-Gedanken*. Организовать это исследование, внедрив в него широкие научные, индуктивные и сравнительные методы, а также собрать доказательства среди всех народов Земли - такова была работа всей жизни Бастиана, которой он продолжал заниматься, когда смерть настигла его в 1905 году на Тринидаде. Над концепциями *Natur-Völker* - "криптограммами человечества", как он их называл, - он работал непрерывно, демонстрируя, во-первых, удивительное единообразие мировоззрения более примитивных народов, а во-вторых, взаимосвязь различий в представлениях с различиями в материальном окружении, меняющимися в зависимости от географических условий. Эту вторую доктрину он развил в своей работе *"Zur Lehre von den Geographischen Provinzen"* в 1886 году.

Термин "психология народов" стал привычным в последнее время, и были написаны книги о психологии отдельных народов, такие как *Esquisse psychologique des Peuples Européens* (1903) А. Фуйе; но они основаны на общих соображениях, а не на экспериментальных данных.

Место сравнительной психологии в антропологии было официально определено в этой стране просьбой, с которой Антропологический институт обратился к Герберту Спенсеру в 1875 году, составить схему сравнительной психологии человека, чтобы обеспечить некий метод для решения различных вопросов, которые вставали перед институтом. Результатом этой работы стала предварительная схема характера Спенсера, в которой важное место занимала проблема измерения.

Экспериментальная психология.

В отделе экспериментальной психологии Германия снова заняла лидирующее положение. Г. Т. Фехнер^[63] попытался с помощью лабораторных опытов открыть закон связи между психическими и телесными явлениями. Возникла группа работников, и новая наука распространилась в другие страны. В нашей стране сэр Фрэнсис Гальтон воспользовался Международной выставкой здоровья в Лондоне в 1884 году, чтобы установить на выставке антропометрическую лабораторию, в которой было проведено несколько психологических экспериментов на большом количестве людей, и с тех пор он часто устраивал подобные лаборатории.

63. *Elemente der Psychophysik*, 1860.

Почти во всех крупных университетах экспериментальная психология является признанным предметом изучения, и почти все разновидности психических состояний исследуются. Профессор В. Вундт в своей *"Психологии Фёлкера"* (1904) был мастером-строителем на этих основах.

Эксперименты в психологических лабораториях по необходимости ограничивались легкодоступными испытуемыми, которые, естественно, были в основном европейцами или выходцами из Европы. Несколько наблюдений было проведено на иностранцах, которых, как правило, привозили из родных стран для показательных целей; но в этих случаях наблюдения проводились в неблагоприятных для испытуемого условиях. За исключением

этих немногочисленных и неудовлетворительных исследований, экспериментальная психология в основном занималась предметами под номерами 2, 3 и 5 в таблице на с. 81.

Новый шаг был сделан в 1898 году Кембриджской антропологической экспедицией в Торресов пролив. Впервые подготовленные экспериментальные психологи (доктора У. Х. Р. Риверс, У. Макдугалл и К. С. Майерс) с помощью соответствующего лабораторного оборудования исследовали народ, находящийся на низкой стадии культуры, в его обычных условиях жизни. Таким образом, были заложены основы этнической экспериментальной психологии.

Профессор Р. В. Вудворт подытожил выводы, сделанные на основе собственных наблюдений и наблюдений других ученых, следующим образом: "Мы, вероятно, вправе заключить, что сенсорные и моторные процессы и элементарная мозговая деятельность, хотя и различаются по степени у разных индивидуумов, примерно одинаковы у разных рас".^[64]

64. *Science*, xxxi., 1910, p. 179.

В последнее время под эгидой Королевского антропологического института была предпринята попытка снабдить путешественников инструкциями для проведения психологических исследований в полевых условиях.

Евгеника.

В последние несколько лет тема улучшения расы, или евгеники, была очень актуальна, и в нашей стране она в основном связана с именем сэра Фрэнсиса Гальтона, который еще в 1865 году опубликовал свои взгляды на эту тему. Официальное определение евгеники дано в Протоколе Лондонского университета: "Изучение органов, находящихся под социальным контролем, которые могут улучшить или ухудшить расовые качества будущих поколений, как физические, так и умственные". Недавно в Университетском колледже Лондона была открыта лаборатория евгеники, связанная с биометрической лабораторией профессора Карла Пирсона.

Глава VI.

КЛАССИФИКАЦИЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Описание и классификация рас.

После эпохи расовой дискриминации наступает эпоха описания и классификации рас; и, как и следовало ожидать, эта вторая стадия наступает лишь после окончания Темных веков и на заре Возрождения, когда мысль освобождается от рабства схоластических авторитетов и стимулируется новым импульсом, заразившим все формы интеллектуальной деятельности.

Бернье.

Первая попытка классификации человечества была предпринята французским путешественником Ф. Бернье (1625-1688), чья схема появилась в анонимной статье в *Journal*

des Scavans 1684 года, озаглавленной "Новое деление земли в соответствии с различными видами или расами людей, которые ее населяют" и т. д.^[65].

65. См. Т. Бендише, *Mem. Anth. Soc.*, I., 1865, p. 360.

Он выделил "четыре или пять видов или рас": (1) Жители Европы, Северной Африки (включая египтян) и значительной части Азии (включая индейцев). Он отмечает, что египтяне и индийцы имеют черный или медный цвет кожи, но считает, что цвет лица обусловлен климатом. (2) Африканцы, с толстыми губами, плоскими носами и черной кожей, обусловленной не климатом, а природой, со скудной бородой и шерстью. (3) Азиаты, не включенные в первую группу, белые, с "широкими плечами, плоским лицом, маленьким курносом носом, маленькими свинными глазками, длинными и глубоко посаженными, и тремя волосками бороды". (4) Лапландцы, "маленькие низкорослые существа, с толстыми ногами, большими плечами, короткой шеей и сильно вытянутым лицом; очень уродливые и во многом напоминают медведя; это жалкие животные". Он сомневается, стоит ли относить к пятому классу американцев или жителей Южной Африки, которые не похожи на негров. Последние, вероятно, являются готтентотами или бушменами, несмотря на его заявление, что "некоторые голландцы говорят, что они говорят на *индейском* языке".

Линней.

Следующей классификацией была классификация Линнея. Его заслуги перед антропологией в определении места *Homo sapiens* в царстве животных уже были отмечены (с. 19). В первом издании "*Системы природы*" (1735)^[66] человек отнесен к четвероногим, и вместе с обезьянами и ленивцами составляет порядок *Anthropomorpha*. Зафиксированы четыре разновидности *Homo*: *H. Europæus albesc.*, *Americanus rubesc.*, *Asiaticus fuscus*, *Africanus nigr.* Во втором издании (1740) *Homo* разделен на те же четыре разновидности, которые отличаются цветом кожи, расположенные отдельно, по одному на каждом из известных тогда континентов - *Europæus albus*, *Americanus rubescens*, *Asiaticus fuscus* и *Africanus niger*.

66. Эти сведения взяты из оригинальных изданий, но читатель отсылается к дословной копии, приведенной Бендишем в *Mem. Anth. Soc.*, I., 1865, p. 421.

В десятом издании (1758 г.) признается больше подразделений: род *Homo* состоит из двух видов - *Sapiens*, 1 *H. diurnus. Ferus*, включая волосатых людей без речи, которые бегают на четвереньках, из которых приведено шесть записей; *Americanus* (α) и *Europæus* (β), *Asiaticus* (γ), *Afer* (δ), *Monstrosus* (ε), которые включают (a) *Alpini* (малые), *Patagonici* (большие); (b) *Monorchides-Hottentotti*, *Junceæ-Europæ*; (c) *Macrocephali-Chinenses*, *Plagiocephali-Canadenses*. Второй вид - *Troglodytes* 2. *H. nocturnus* (*Homo sylvestris* Orang-Outang). Эта классификация была сохранена в двенадцатом издании (1772). В двух последних изданиях роды *Simia*, *Lemur* и *Vespertilio* были отнесены к *Homo* в порядке *Primates*.

В книге "*Fauna Suecica*", опубликованной в 1746 году, Линней дал более подробную классификацию населения Швеции, выделив три основных типа, отличающихся ростом, волосами и цветом глаз. Это готы - высокие, волосы белые и прямые, радужная оболочка глаз пепельно-голубая; финны - мускулистые, волосы длинные и желтые, радужная оболочка темная; и саамы - маленькие, худые, волосы прямые черные, радужная оболочка черноватая.

Блюменбах.

Блюменбах (1775) основывал свою классификацию не только на цвете кожи, но и на форме черепа. К четырем группам Линнея он добавил пятую, разделив один вид на пять разновидностей - кавказскую, монгольскую, эфиопскую, американскую и малайскую.

Последняя группа включала в себя малоизвестные в то время австралийский, папуасский и чисто малайский типы.

Блюменбах был инициатором неудачного названия "кавказец"^[67] для обозначения типичного европейца и жителей Восточной Азии и Северной Африки. Он выбрал это название отчасти потому, что Кавказ производит самую красивую расу людей, а также из-за прекрасного грузинского черепа в его коллекции.^[68] Это было неудачно, поскольку, как указывает Рипли (1900, стр. 436), нигде в Европе нет такой разнородности физических типов - единственный, кого явно не хватает, это светловолосый, голубоглазый европеец - и такого разнообразия языков: здесь смешались шестьдесят восемь диалектов, и только один имеет (возможно) арийское происхождение. Таким образом, название "кавказец" не привело к прояснению идей в сложной проблеме европейской этнологии. Кин (1899), однако, поддерживает его использование, говоря следующее: "Те, кто возражает против "кавказского", склонны забывать об обширном поле, которое должно быть охвачено этим единым собирательным термином". "Кавказский язык, если его правильно понимать... не может быть отменен до тех пор, пока не будет найден более подходящий общий термин" (с. 447).

67. *Антроп. Трактаты Блюменбаха*, перевод Т. Бендыше, 1865, с. 265, 269.

68. Waitz, 1863, p. 233, *f.n.*, который добавляет: "без какого-либо намерения с его стороны выразить таким образом мнение о колыбели этих народов". Keane, 1896, p. 226.

Другие классификации.

Следующей важной классификацией была классификация Кювье, который выводил человечество от трех сыновей Ноя, причем Иафет считался родителем кавказской, Шем - монгольской, а Хам - африканской расы. Расхождение в типах между тремя братьями не объясняется, разве что чернота потомков Хама объясняется проклятием, наложенным Ноем на Ханаана, сына Хама (Быт. ix. 25).

Затем последовали другие классификации, варьирующие от двух видов, белого и черного, Вирея (1801), до пятнадцати или шестнадцати видов полигенистов, Десмулена (1825-6) и Бори де Сен-Винсента (1827), и тридцати четырех видов Геккеля (1873).

В Америке Л. Агассис, бескомпромиссный противник эволюции, утверждал в 1845 году^[69] единство человечества как вида; но в 1850 году^[70] мы находим, что он распределяет одиннадцать или двенадцать, в 1853 году (в Нотте и Глиддоне) восемь, человеческих видов в стольких же геологических и ботанических провинциях. Но эту теорию ранее провозглашали Десмулен (1826) и Свейнсон (в 1835).^[71] Как справедливо говорит Вайц: "Совершенно заблуждаются те, кто, принимая взгляды Агассиса, предполагают столько же первоначальных типов человечества, сколько существует типично различных народов на земном шаре" (1864, p. 203).

69. Смит, 1850, *Единство человеческих рас*, с. 349.

70. *Christian Examiner*, Boston, July, 1850.

71. *Трактат о географии и классификации животных*.

Только в девятнадцатом веке был принят действительно научный метод классификации. В большинстве этих схем в качестве основного расового признака был выбран характер шерсти.

Прунер-бей.

Волосы уже были изучены Хойзингером (1822), Блауэром из Филадельфии и гистологом Келликером до публикации классического мемуара Прунер-бея, прочитанного в Парижском антропологическом обществе в 1863 году и опубликованного в том же году. Доктор Прунер Бей утверждал, что качество волос является одним из лучших средств идентификации расы, и даже что "один волос, представляющий среднюю форму, характерную для расы, может служить для ее определения".

Бори де Сент-Винсент.

Задолго до этого, в 1827 году, Бори де Сен-Винсент выбрал волосы в качестве главного теста для расовой классификации и разделил человечество на *лейотрихов*, или прямоволосых, и *улотрихов*, или шерстистоволосых, - номенклатуру, которую впоследствии принял профессор Хаксли (1870).^[72] Но классификация Бори де Сен-Винсана была лишена постоянной научной ценности из-за включения в нее в качестве отдельных рас таких расплывчатых абстракций, как "скифы", "нептунианцы" и "колумбийцы".

72. *Journ. Eth. Soc.* (N.S.), II.

Исидор Жоффруа Сент-Илер.

Исидор Жоффруа Сент-Илер (1858) распределил свои одиннадцать основных рас, прежде всего по характеру волос, подразделяя их по уплощенности или выступанию носа, цвету кожи, форме черепа и характеру лица.^[73]

73. *Cp. Topinard*, 1885, p. 264.

Геккель.

Профессор Эрнст Геккель принял следующую классификацию от Фридриха Мюллера: - I. *Ulotriches* (шерстистоусые). А. Лофокомой (хохлатые): Папуасы, Хоттентоты; Б. Эриокомой (ворсистые): Кафиры, негры. II. Лиссотрихи (длинношерстные). А. Эутикомойская (прямая): Малайская, Монгольская, Американская, Арктическая, Австралийская; В. Эуплокомойская (кудрявая): Дравиды, нубийцы, средиземноморцы.

Брока, Топинард.

Брока и Топинард (1885) выделяют три основных класса: прямые, волнистые или кудрявые и шерстяные, которые подразделяются сначала по форме головы, а затем по цвету кожи.

Многие из ранних классификаций были основаны на недостаточных или ошибочных данных, и общая тенденция заключалась в расширении делений по мере того, как физические характеристики населения Земли постепенно становились все более известными. Так, двенадцать рас Геккеля в 1873 году выросли до тридцати четырех в 1879 году; шестнадцать рас Топинарда в 1878 году выросли до девятнадцати в 1885 году; а тринадцать рас и тридцать подразделов Деникера в 1889 году увеличились в 1900 году до семнадцати групп, содержащих двадцать девять рас.

Цветок.

Сэр Уильям Флауэр (1831-1899), выдающийся зоолог и физический антрополог, в 1885 году^[74] принял старую трехчастную классификацию: - I. Эфиопская, негроидная или меланская. А. Африканские или типичные негры; В. Хоттентоты и бушмены; С. Океанические негры или меланезийцы; D. Негритосы. II. Монголы или ксантусы. А. Эскимосы; Б. Типичные монголы (включая монголо-алтайскую и южно-монгольскую группы); В. Малайцы; Г. Коричневые

полинезийцы или малайско-полинезийцы; Д. Американские индейцы (за исключением эскимосов). III. Кавказцы или "белые". А. Ксантохрои; В. Меланохрои. Как говорит сам Флауэр, эта схема классификации "в своих общих чертах едва ли отличается от той, что была предложена Кювье почти шестьдесят лет назад..... И все же ее можно рассматривать лишь как приближение". Хотя он ставит цвет кожи на первое место, он молчаливо признает его недостаточность в качестве основного диагностического признака, и его три группы совпадают с классификацией, основанной на характере волос.

74. *Journ. Anth. Inst.*, xiv., pp. 378-393.

Деникер.

Среди более поздних классификаций можно отметить новую тенденцию. Ранние схемы были направлены на создание серии водонепроницаемых отсеков, в которые можно было бы изолировать расы земного шара. Однако дальнейшие исследования способствовали росту убежденности в том, что чистых рас практически не существует, и пришлось применить другой метод. Об этом пишет Деникер (стр. 284): "Принимая во внимание все новые данные антропологической науки, я попытался, как это делают ботаники, сформировать естественные группы, комбинируя различные признаки (цвет кожи, характер волос, рост, форму головы, носа и т. д.)". В результате образуется семнадцать этнических групп, содержащих двадцать девять рас, которые изобретательно расположены (с. 289) в двухмерной группировке, чтобы показать их родство, что является модификацией его наводящей на размышления более ранней схемы.^[75]

75. *Bull. Soc. d'Anth.*, 1889.

Однако "голубиная" система классификации была дискредитирована в четвертом издании *"Естественной истории человека"* Причарда, отредактированном и дополненном Эдвином Норрисом (1855), поскольку на с. 644 говорится: "Различные расы *людей* не являются расами.

Различные расы людей не отличаются друг от друга ярко выраженными, единообразными и постоянными отличиями, как несколько видов, принадлежащих к какому-либо племени животных. Все существующие различия изменчивы и переходят друг в друга путем неощутимых градаций; более того, едва ли найдется случай, когда нельзя было бы доказать, что фактический переход имел место.

Это практически тот же результат, к которому пришел Вайтц в 1863 году.

Кин.

Профессор Кин (Keane, 1895, p. 228), хотя и возвращается к четырехчастной группировке, предложенной Линнеем, использует эти деления для представления не реальных разновидностей или рас, а "идеальных типов", различающихся по соматическим признакам, а также по языку, религии и темпераменту. "Хотя у человека было только одно происхождение, один плиоценовый предшественник [Pithecanthropus], у людей было несколько отдельных мест происхождения, несколько плейстоценовых предшественников. В нашей родословной предполагается четыре таких предшественника". От каждого "идеального типа" он прослеживает развитие современных разновидностей, расположенных по схеме родословного дерева.

Место человека в природе.

Со времен Линнея было признано, что в классификации животных необходимо найти место для человека, и он, естественно, был помещен на вершину дерева. Главный вопрос, однако, заключался в его точном отношении к высшим приматам. Линней (стр. 90) включил человека и обезьян в отряд Primates, один из семи порядков Mammalia. Кювье разделил Mammifères на девять групп, человек был включен в Vimanès, а обезьяны и мартышки - в Quadrumanès. Наиболее заметная попытка поставить человека на свое место была предпринята, когда Хаксли опубликовал книгу *"Доказательства места человека в природе"* (1863), основанную на лекциях, прочитанных в 1860 году, в которых он доказывал, что человек более близок к высшим приматам, чем последние к низшим обезьянам. По поводу этой книги он написал мистеру Э. Клодду тридцать лет спустя, "что один мой очень проницательный друг [сэр Уильям Лоуренс^[76]] умолял меня не публиковать ее, так как это, несомненно, разрушит все мои перспективы."^[77] Несомненно, одной из причин, побудивших Хаксли написать книгу, было желание внушить публике, что эволюция человека как животного вполне сопоставима с эволюцией других млекопитающих, поскольку Дарвин в своем *"Происхождении видов"* (1859) лишь намекнул, что "будет пролит свет на происхождение человека и его историю" (с. 488). Его молчание, признается он во Введении к *"Происхождению человека"* (1871), было вызвано желанием "не усугублять предрассудки против его взглядов". Профессор Геккель полностью обсудил свои взгляды на генеалогию человека в 1868 году,^[78] и несколько раз впоследствии.

76. В предисловии к изданию 1894 года Хаксли пишет: "Не так давно мой добрый друг сэр Уильям Лоуренс, один из самых способных людей, которых я знал, был почти подвергнут остракизму за свою книгу *"О человеке"*, которую теперь можно читать в воскресной школе, никого не удивляя".

77. *Folk-Lore*, VI., 1895, p. 67, *f.n.*

78. *Natürliche Schöpfungsgeschichte*.

Фогт.

Карл Фогт (1864 г.), который, как и многие другие зоологи в те времена и с тех пор, изучал антропологию, отметил, что "обезьяний тип достигает кульминации не в одной, а в трех антропоидных обезьянах". Изучая виды человечества и их историю, он пришел к аналогичным результатам (см. также с. 66).

Во втором томе *"Генеалогической морфологии"* (1866) Геккель применил теорию эволюции ко всему органическому царству, включая человека, и составил первые "генеалогические древа". Эта попытка была усовершенствована и изложена в более популярной форме в *"Естественной истории творения"* (1868), а затем в *"Эволюции человека"* (1879), расширенное издание которой было опубликовано в 1905 году.

В настоящее время зоологи и антропологи практически согласны с тем, что человек входит в одно из нескольких семейств, составляющих подотряд Anthropoidea порядка Primates.

Как уже говорилось, открытие *питекантропа* вызвало бурные дискуссии, некоторые из которых касались точного положения человека по отношению к различным высшим приматам. Теперь общепризнано, что *питекантроп* может рассматриваться как представитель отдельного семейства Anthropoidea, Pithecanthropidae, расположенного между Simiidae и Hominidae. Повторное изучение ранее известных черепов палеолитического возраста и обнаружение свежих образцов в последние годы вновь подняли вопрос о том, содержит ли род Homo более одного вида, *H. Sapiens*. Дакворт^[79] (1904) дал тщательное

резюме морфологических характеристик останков неандертальцев, спайцев и крапинцев и высказал свое мнение, что "охарактеризованные таким образом индивиды ассоциируются в группу, специфически отличную от современных Hominidæ, к которой было применено название Homo primigenius или Homo neanderthalensis."^[80]

79. L.c. pp. 520-542; ср. также *Man*, 1902, p. 186.

80. См. также W. J. Sollas, *Phil. Trans. Roy. Soc.*, B. 199, 1907, p. 281.

Те авторы, которые описывают и классифицируют различные расы и народы человечества, в то же время указывают их географическое распределение, а в некоторых случаях сообщают о некоторых перемещениях и миграциях, которые имели место. Было подготовлено множество карт, полностью или частично иллюстрирующих распределение человечества, которые можно найти в различных мемуарах и книгах. В атласе, например, "*Атласе фёлькеркунде*" д-ра Г. Герланда (1892 г.), обобщен огромный объем информации.

Наши знания о перемещениях человечества очень несовершенны. Исторические записи дают некоторую информацию по этому вопросу. Определенный объем информации удалось почерпнуть из традиционных источников, но, несомненно, гораздо больше еще предстоит собрать. Важные данные содержатся в раскопках археологов, но есть огромные территории, которые еще совершенно не исследованы или исследованы очень несовершенно. Все перемещения народов в основном зависят от климатических и географических условий; но они постоянно меняются, и дело географа и геолога - указать, какими они, вероятно, были в различные периоды с момента появления человека на этой земле. Не лишним будет сказать, что, когда будут подготовлены карты, на которых будут отмечены эти различные изменения, на раннюю историю человечества будет брошен большой свет.

Глава VII.

ЭТНОЛОГИЯ: ЕЕ РАМКИ И ИСТОЧНИКИ

Определение.

"Этнология" - это термин, который часто используется как синоним "антропологии", чтобы охватить всю область науки о человеке. Именно в этом смысле он впервые получил широкое распространение, будучи выбран М. У. Ф. Эдвардсом в качестве названия *Парижского этнологического общества* в 1839 году. Общество занималось тем, что мы сейчас называем антропологией, но в первую очередь его интересовало происхождение и взаимоотношения исторических рас Европы, что и послужило этимологическим обоснованием его названия. Английское этнологическое общество, основанное в 1843 году, подражало французскому названию и сделало многое, чтобы исправить расплывчатое и общее толкование этого слова. К сожалению, профессор Тайлор, первый и главный из английских этнологов, похоже, намеренно избегает использования этого слова в своей "*Первобытной культуре*", которую он называет "рациональной этнографией". Но с развитием предмета его рамки постепенно становились все более определенными, пока в

настоящее время он не ограничивается сравнительным и генетическим изучением человеческой культуры и человека как социального животного.

Материалы для изучения этнологии были с нами всегда, но само исследование появилось совсем недавно, и почти единственная из наук может считать своих основателей среди живых. Профессор Дж. Л. Майрес приводит прекрасные причины этого "позднего подросткового возраста" в своей вступительной речи на встрече Британской ассоциации в Виннипеге в 1909 году:-...

Антропология... собирает свои данные со всех долгот и почти со всех широт этой земли. Поэтому было необходимо, чтобы изучение человека отставало от остальных наук до тех пор, пока какие-либо большие массы человечества оставались закрытыми от ее взгляда; и нам достаточно вспомнить, что Австралия и Африка вообще не были пересечены белыми людьми, а тем более исследованы ими, пока мы живем, чтобы понять, что означает это ограничение. Кроме того, современная западная цивилизация, когда она, наконец, вступала в контакт с аборигенами на новых континентах, слишком часто, подобно религии, которую она исповедует, приносила "не мир, но меч". Обычаи и институты чужих народов слишком часто рассматривались, даже разумными и добрыми людьми, просто как "звериные приемы язычников", и пионеры нашей культуры, извращенно помня только о более узком кредо, что "кто не с нами, тот против нас", отправились цивилизовать дикарей, разрушив ту цивилизацию, которую они имели (с. 589-590).

Источники.

Как отмечает профессор Майрес, существует два типа антропологов:...

Есть антрополог, к которому мы идем за фактами: болезненно точный наблюдатель данных, хранитель бесконечных деталей; иногда сам путешественник и исследователь, хитрым словом или мудрым молчанием открывающий тайны сердец аборигенов; иногда посредник, брокер выигрышей путешественников, жаждущий чего-то нового, безошибочно определяющий инстинктом, а не опытом, чтобы обнаружить фальшивую монету, откопать жемчужину большой цены..... К нему мы идем за нашими фактами....

И есть антрополог, к которому мы обращаемся за светом. Его познания могут быть фрагментарными, как некоторые считают познания; его память небезупречна; его неточность не подлежит сомнению; его непоследовательность - единственная последовательная вещь в нем. Но с помощью разбитых и рахитичных инструментов он добивается результатов; не обращая внимания на эпициклы, не уважая экватор, он завещает свои парадоксы, чтобы их продемонстрировало другое поколение людей. Он может не знать, не рассуждать, возможно; но он научился видеть; и то, что он видит, он говорит (1908, с. 124).

Геродот.

В первые времена Геродота можно назвать одним из самых выдающихся имен в первой из этих двух групп, а Лукреция - во второй. Труды Геродота (около 480-425 гг. до н. э.) представляют собой настоящий клад информации, начиная с самых высоких цивилизаций и заканчивая самой дикой дикостью, и его работы не утратили своей свежести и ценности по прошествии времени. На самом деле, современные исследования, проведенные в тех областях, о которых он рассказывал, чаще подтверждают и иллюстрируют, чем опровергают его утверждения.

Лукреций.

Лукреций (99 или 98-55 гг. до н. э.), поэт, учитель и реформатор, смело заявил, что не было никакого Золотого века, из которого человек выродился, но что его прогресс постоянно медленно шел вверх от состояния чистой дикости:...

Оружие в древности было руками, ногтями и зубами, камнями и сучьями, отломанными в лесах, и пламенем и огнем, как только они стали известны. После этого была открыта сила железа и меди; и использование меди было известно раньше, чем железа, поскольку ее природа легче обрабатывать и она встречается в большем количестве. С помощью меди они обрабатывали почву земли, с помощью меди вздымали волны войны..... Затем медленными шагами железный меч овладел землей, а медный серп стал нарицательным; и железом стали пахать почву земли, и борьба колеблющихся войн стала равной.^[81]

81. Лукреций, *"О природе вещей"*. Перевод Х. А. Дж. Манро. Bohn's edition, 1908, p. 214.

Из его стихов видно, что Лукреций был острым наблюдателем и философом, обобщившим существующие эпикурейские знания; и мы вправе полагать, что эти конкретные обобщения были основаны на историях, рассказанных путешественниками в дальних странах, и на традиционных преданиях, которые, за исключением недавно полученных археологических данных, практически все, на что нам приходится полагаться. Поэт-философ осознал значение различных фактов, объединил их в последовательную теорию развития культуры и тем самым заслужил честь стать первым эволюционным антропологом.

Страбон.

Не стоит забывать и о разностороннем Страбоне (около 63 г. до н. э. - 21 г. н. э.), который интересовался многими вещами - от климата до ботаники, от спорта до друидизма и брахманизма. Александр фон Гумбольдт считал, что он превзошел всех других географических тружеников древности разнообразием предмета и грандиозностью композиции. Его *"География"* содержит много информации о ранней истории и традициях многочисленных народов, их характере, одежде, жилищах и образе жизни.

В трудах ранних путешественников (назовем лишь три имени) - Марко Поло в Китае (1254-1323), Ибн Батуты (1304-1377) в Азии; Жоао де Баррош (1496-1570), который считался величайшим авторитетом в области португальских, африканских и азиатских путешествий своего времени, и в записях о путешествиях, содержащихся в сборниках Хаклюйта (1552-1616), Перчасы (1577-1626), и Пинкертон (1758-1826), можно почерпнуть много этнологической информации среди чудесных историй. Иногда сами чудесные истории могут быть истолкованы с помощью этнологии, как, например, когда выясняется, что "хвостатые люди" Никобарса обязаны своим происхождением хвостовому способу ношения набедренной повязки.^[82] За ними последовали путешественники и исследователи XIX века, которые привезли из посещенных ими стран огромное количество новой информации, как физической, так и культурной. Среди них можно назвать имена адмирала Байрона, Джеймса Брюса, Л. А. Бугенвиля, сэра Джона Барроу, капитана Кука, де Лессепса и Палласа.

82. E. H. Man, *Journ. Anth. Inst.*, xv., p. 442.

Другими источниками информации были труды миссионеров-иезуитов XVI-XVIII веков, таких как Хосе д'Акоса (1539-1600), Ж. Ф. Лафитау (1670-1740), Ф. Х. де Шарлевуа (1682-1761), работавших среди канадских индейцев, и М. Добрижоффер (1717-1791).

Далее следуют миссионеры XIX века, такие как Уильям Эллис (1794-1872), работавший в Южной Африке и на Мадагаскаре, но наиболее известный своей работой в Полинезии; Джон Уильямс (1796-1839); Джордж Тернер (1818-1891); У. Уайатт Гилл (1828-1896) и другие,

которые также работали в Тихом океане. В Африке мы можем упомянуть епископа Каллауэя (1817-1890) и Дэвида Ливингстона (1813-1873). В то же время римско-католический миссионер Э. Р. Хук (1813-1860) работал в Китае и Тартарии, а аббат Дюбуа (1770-1848) кропотливо изучал нравы, обычаи и церемонии индусов.

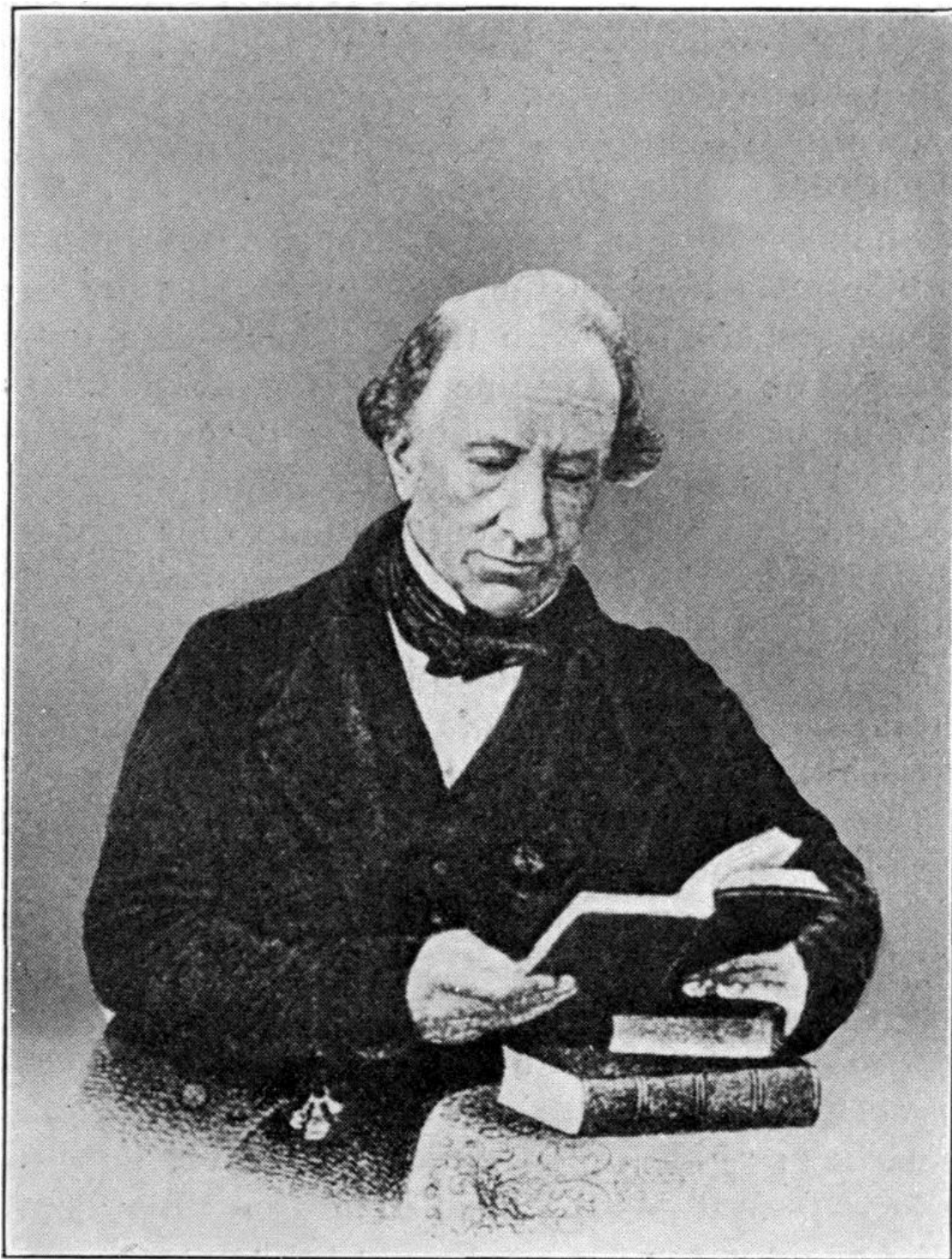
Помимо миссионеров, мы в глубоком долгу перед ранними исследователями и государственными служащими во всех частях света, которые сознательно или бессознательно предоставили огромное количество информации о народах, среди которых они путешествовали или которыми управляли. Научные экспедиции, даже до того, как они были предприняты в интересах антропологии, собрали дополнительный материал. И, наконец, различные антропологические экспедиции, состоящие из подготовленных работников, которые, помимо сбора новых фактов, проверяют, исправляют или дополняют работы предыдущих авторов.

На этих данных и должна была строиться наука этнология в ее ограниченном смысле. Первые этнологи использовали этот материал главным образом для выяснения этнических отношений и создания систематических классификаций различных рас человечества. Более поздние специалисты, такие как Ратцель и Реклю, составили систематические описания рас, народов и территорий. Третьим методом был метод Тайлора, главного выразителя сравнительной этнологии.

Систематические работы по этнологии.

Ранние попытки классификации рас основывались только на физических характеристиках и рассматриваются в другом разделе (гл. VI.). В течение восемнадцатого и начала девятнадцатого веков географические открытия привели к появлению массы новых фактов, особенно в области естественной истории; и ни в одной отрасли этой науки их влияние не было столь заметным, как в антропологии.

Осмысление огромного количества новых наблюдений и выводов требовало широкого ума, обширных знаний и проницательных рассуждений. Все это, вместе с основательной подготовкой в области анатомии, необычным знакомством с филологией и некоторыми выдающимися достижениями в области психологии, привело к созданию монументального труда Причарда.

Д. К. Причард.

Причард.

Джеймс Каулз Причард (1786-1848) еще в детстве проявил удивительную склонность к иностранным языкам. Его никогда не отдавали в школу, но он обучался у разных наставников, у которых выучил латынь, греческий, французский, итальянский и испанский. Его отец, торговец и член Общества друзей, некоторое время жил в Бристоле, и там мальчик начал практическое изучение антропологии, проводя время в доках, наблюдая за иностранными моряками и общаясь с ними на их родных языках. Позже он выбрал медицину в качестве своей профессии, не столько из-за особых симпатий к ней, сколько потому, что она давала ему возможность потакать своим антропологическим вкусам. Его первым

вкладом в науку стала диссертация на соискание степени доктора медицины в Эдинбургском университете под названием *De generis humani varietate*, опубликованная в 1813 году в расширенном виде под названием *Researches into the Physical History of Man*. Она была еще более расширена в 1826 году, а пятитомное издание вышло в период между 1836 и 1847 годами. В 1843 году появилась еще одна монументальная работа - "*Естественная история человека*", "включающая в себя исследования изменяющего влияния физических и моральных факторов на различные племена человеческого рода".

Говоря о Причарде на заседании Британской ассоциации в Бристоле в 1875 году, профессор Роллестон отметил: "Его работы остаются, массивные, впечатляющие, долговечные, подобно тому, как мысы вдоль нашего южного побережья выделяются вдали своими грандиозными очертаниями, в то время как для того, чтобы различить крепости и ямы, добавленные к ним - более того, выкопанные из их вещества в последнее время, - требуется внимательный и детальный осмотр". Заслуги Причарда в области антропологии часто сравнивают с заслугами его современника Блюменбаха, слава которого при жизни была заслонена; но, хотя последнему не было равных в области физической антропологии, несомненно, что Причард обладал более широким пониманием предмета, а его работы стали краеугольным камнем антропологии в Англии.

Другие обобщения.

Пока Причард расширял свою диссертацию, Антуан Десмулен писал свою "*Естественную историю человеческих рас*", которая вышла одновременно с пересмотренными "*Исследованиями*" Причарда в 1826 году. Он попытался выяснить происхождение и взаимоотношения народов северо-восточной Европы, северной и восточной Азии и Южной Африки на основе данных археологии, физиологии, анатомии и лингвистики.

Работа по систематизации массы антропологических данных и созданию упорядоченной схемы всегда должна рассматриваться как почти сверхчеловеческая задача, и те, кто попытался ее выполнить, заслуживают нашего признания.

Следующим англичанином после Причарда был Лэтэм, который опубликовал свою "*Естественную историю разновидностей человека*" в 1850 году (в том же году, что и "*Расы человека*" Нокса), а "*Описательную этнологию*" - в 1859 году. В этом же году появилась первая часть "*Антропологии природы*" Вайца, шесть томов которой были завершены в 1872 году - работа, которая во многом помогла заложить надежный фундамент для новой науки. В 1873 году Фридрих Мюллер опубликовал свою "*Всеобщую этнографию*" (*Allgemeine Ethnographie*). В следующем году была опубликована "*Фёлькеркунде*" Пешеля. Большой труд Ратцеля "*Фёлькеркунде*" появился в 1885-88 годах. В Америке "*Расы человека*" Пикеринга были опубликованы в 1848 году, а "*Коренные расы Земли*" Нотта и Глиддона - в 1857 году. Книга Поля Топинара "*Антропология*" (1876) упоминается в другом месте (стр. 38).

Более ранние из этих обобщений были написаны до принятия теории эволюции, в новом свете которой все биологические науки должны были начать заново, и все они были написаны до того, как массы нового материала, собранного этнологами и археологами, работающими в полевых условиях, привнесли столько свежих свидетельств в отношении всего географического и исторического аспекта человека, что было невозможно "увидеть дерево за деревьями". Таким образом, наступило время синтеза, а вместе с ним пришел и человек. В 1896 году появилась "*Этнология*" А. Х. Кина, за которой в 1899 году последовал его "*Человек, прошлое и настоящее*". Книга Дж. Деникера "*Расы и народы Земли*" вместе с английским переводом появилась в следующем году.

Этнология и классика.

Обобщая источники, из которых черпаются материалы для науки этнологии, необходимо сделать акцент на вкладе классических авторов. Ни один студент не может позволить себе пренебречь историями, летописями, поэмами и священными книгами древних, будь то африканцы, европейцы или азиаты. Профессор Дж. Л. Майрес (1908) указал, что антропологические исследования и спекуляции проводились уже в пятом веке до нашей эры и раньше, и изложил этнологические проблемы, касающиеся человека, его происхождения и взаимоотношений, а также вопросы, связанные с его социальной жизнью, которые интересовали и озадачивали древнегреческий мир. Не только Геродот, но и другие авторы показывают, что эти проблемы были хорошо знакомы грекам. Задолго до Геродота Гесиод ссылается на стандартную схему археологии, в которой золотой, серебряный и бронзовый века сменяют друг друга; первобытный человек описывается как житель леса, не выращивающий кукурузу, а питающийся желудями и буковыми косточками; Анаксимандр и Архелай предлагают разгадать тайну происхождения человека, причем Анаксимандр придерживается "почти дарвиновского взгляда"^[83] животного царства; Эсхил различает племена людей по культуре, отмечая различия в их одежде и снаряжении, религиозных обрядах и языке.

83. Это утверждение критикует Э. Э. Сайкс в *"Folk-Lore"*, хх., 1909, p. 424.

Главная ценность греков для этнолога заключается в том, что они были коллекционерами материала. Некоторые из их теорий были обоснованы, но они пришли к выводам путем дедукции, а не индукции.

Таким образом, во многих отношениях антропология глубоко обязана классикам. Только недавно этот долг начал возвращаться.

В течение последних двадцати или тридцати лет наблюдается растущее признание ценности антропологических исследований для понимания классики; и это здоровое движение в основном связано с именем профессора Уильяма Риджуэя из Кембриджа, который посвятил этой теме свою президентскую речь перед Королевским антропологическим институтом в 1909 году.

В 1887 году профессор Риджуэй начал применять сравнительный метод к греческим монетам и гирям в работе под названием "Гомеровский талант: его происхождение и родство".^[84] Он пытался показать, что происхождение монетных денег у лидийцев и их эволюция у греков и итальянцев полностью совпадает с эволюцией примитивных денег от использования таких предметов, как топоры, украшения, скот и так далее.

84. *Hellenic Journal*, VIII., p. 133; см. также *The Origin of Metallic Currency*, 1892.

Одна из связей этнологии с другими отраслями гуманитарных наук, которая до сих пор не получила должного признания, - это ее влияние на курс политических наук. Профессор Дж. Майрес недавно выступил с блестящей речью на эту тему в Виннипеге, в которой он указывает на то, как Боден (1530-1596), Эдвард Гримстоун (1615), Томас Гоббс (1588-1679), Джон Локк (1632-1704), Монтескье (1689-1755), Руссо (1712-1778), Вольтер (1694-1778), Гердер (1744-1803) и другие ссылались или использовали рассказы путешественников о туземцах для иллюстрации своих теорий государственного устройства.

Глава VIII.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Доисторический человек.

Доктор Джонсон не опередил свое время в вопросах антропологии. В то время как он поносил лорда Монбоддо за его веру в симианское родство человека, он также делал заявления на тему доисторической археологии, которые последующие открытия должны были вскоре опровергнуть. До его времени историки исходили из самых ранних письменных документов, дополняя их время от времени свидетельствами монет и надписей; а доктор Джонсон подвел итог современному мнению, заявив: "Все, что действительно известно о древнем состоянии Британии, содержится на нескольких страницах. Мы не можем знать больше того, что рассказали нам старые писатели".

Но вскоре было признано, что кроме свидетельств "старых писателей" существуют и другие доказательства, характер которых хорошо описал сэр У. Р. Уайльд: "Мы обладаем тем, что невозможно подделать.

Мы обладаем тем, что не может быть подделано писцом, и, хотя их называют доисторическими, они гораздо более правдивы с исторической точки зрения, чем письменность, которая, несомненно, была в значительной степени нарушена и которая, если она старая, теперь требует глоссы для ее интерпретации. Травянистый курган или круг, камни, сложенные в кромлех, большой могильный курган, урна для погребения, каменное оружие или инструмент, зернотерка для тритурации зерновой пищи, гарпун для протыкания рыбы, медные и бронзовые инструменты и оружие, золотые украшения самых ранних племен - все это сейчас, своем роде, гораздо более правдиво, чем все, что могло быть записано, даже если бы в те времена существовали буквы. Это литании в камне, догматы в металле и проповеди, произносимые с травянистого кургана.^[85]

85. Brit. Ass., Belfast, 1874.

Многое из этих свидетельств уже существовало, но даже при правильной интерпретации они долгое время игнорировались и подвергались насмешкам. В истории жизни научной истины было замечено: "Сначала люди говорят: "Это неправда", затем: "Это противоречит религии", и наконец: "Все знали это раньше"". Первое недоверие было в значительной степени оправдано сомнительным характером ранних находок, многие из которых последующие исследования вынуждены были отвергать или держать в подвешенном состоянии как "не доказанные". Второй этап был более серьезным, и долгое время новой науке мешало обвинение в иррелигиозности. Но "антропология", как заметил Хаксли, "не имеет ничего общего с истинностью или ложностью религии". *"Я натуралист, - говорил аббат Буржуа, - я не занимаюсь теологией"*.

Постепенно накопленные доказательства становились слишком настойчивыми, чтобы их можно было игнорировать. Работа различных археологов в Дании, исследования пещер и озерных жилищ в Британии и на континенте, терпеливые труды Буше де Пертеса в долине Соммы - все это давало доказательства существования доисторического человека, и наука доисторической археологии была создана.

Кремневые орудия.

Задолго до этого, еще в шестнадцатом веке, в разных частях света были обнаружены кремневые орудия, которые оказались такой же загадкой, как и окаменелости, ставившие в тупик и испытывавшие веру ранних геологов.

Некультурные люди Европы признавали, что обломанные наконечники стрел, которые иногда встречаются на поверхности земли, - это орудия чужого народа, о чем говорят названия "дротики эльфов" и "дротики фей". Сельские жители в более отсталых районах верят, что феи все еще существуют; но более информированные интеллигентные люди считают их чисто мифологическими, а студенты знают, что эти наконечники стрел были орудиями более раннего населения, которое в народной памяти объединяется под общим термином "феи".

Типичные неолитические орудия, такие как каменные наконечники топоров, привлекали внимание писателей Средневековья, таких как Геснер и Агрикола, которые, как сообщает нам сэр Джон Эванс^[86], считали их громовыми болтами - вера, которая до сих пор широко распространена не только в Европе, но и на большей части Старого Света. Но Меркати, врач Климента VIII в конце XVI века, кажется, был первым, кто утверждал, что то, что считалось молниями, было оружием первобытного народа, не знакомого с использованием бронзы или железа. Некоторые более поздние авторы, такие как де Боот (1636) и ла Пейрер (1655), также считали их делом рук человеческих. Бюффон в 1778 году тоже объявил "громовые камни" делом рук первобытного человека.

86. *Ancient Stone Implements*, 1872; 2-е изд. 1897, гл. iii.

В 1797 году Джон Фрере нашел многочисленные кремневые орудия на глубине около двенадцати футов в глиняных ямах в Хоксне, Саффолк, и отнес их к "очень отдаленному периоду, даже за пределами нынешнего мира, и к народу, который не использовал металлы".^[87]

87. *Archæologia*, xiii., p. 204.

Но это открытие, похоже, не вызвало интереса и не стало предметом обсуждения, и орудия из Хоксне пролежали незамеченными более полувека, пока Эванс, вернувшись из Амьена и Аббевиля в 1859 году, не признал важность коллекций и дальнейшими раскопками не доказал их древность.

Вера Средневековья в то, что все необъяснимое - дело рук дьявола, сменилась приписыванием всех предметов неизвестной древности друидам или римлянам; но ни к тем, ни к другим нельзя было отнести находки, которые в начале XIX века были сделаны в датских кухонных горницах и дольменах, в швейцарских озерных жилищах, в пещерах и галечниках Британии и Франции. Прошло еще много лет и много жарких дискуссий, прежде чем археология была признана союзником антропологии, а доисторический человек получил признание.

Дания.

В этой новой науке лидировала Дания. В 1806 году была назначена комиссия для научного исследования истории, естественной истории и геологии страны; среди первых проблем, с которыми пришлось столкнуться, были дольмены и раковинные курганы, изобилующие каменными орудиями, для которых не нашлось периода в датской истории, способного их вместить. Поиски в истории и сагах были тщетны. Тем временем обнаруживалось все больше

и больше этих доисторических орудий. Была назначена новая комиссия, и различные места были тщательно изучены. Коллекция профессора Р. Нейрупа в 1810 году стала ядром, которое в 1816 году превратилось в Королевский датский музей древностей в Копенгагене, ныне Национальный музей, разместившийся во дворце Принцессен. К. Й. Томсен занимал пост хранителя с 1816 по 1865 год. Он упорядочил, организовал и классифицировал коллекции, разделив предметы по эпохам их культуры и расположив их в хронологическом порядке, установив последовательность каменного, бронзового и железного веков. Это была первая попытка классифицировать археологическое содержимое музея на хронологической основе, и она была продолжена, уточнена и развита его преемником, профессором Дж. Дж. А. Ворсаэ, с 1865 по 1885 год.^[88]

88. Сама классификация не была новой; она уже была предложена многими авторами. См. Эванс, 1872, с. 3 и далее.

Пещеры.

Еще одним классом доказательств, имевших большое значение для определения предыстории человека, были данные, полученные из пещер. Начало исследования пещер описано профессором Бойдом Докинзом

Страх перед сверхъестественным, который оберегал европейские пещеры от нарушений, был разрушен в XVI и XVII веках поисками "ископаемого эбура", или рога единорога, который занимал важное место в медицинской практике тех дней как средство от многих болезней, и который в большом количестве добывали в пещерах Харца, а также в пещерах Венгрии и Франконии. По мере того как истинная природа лекарства постепенно раскрывалась, немецкие пещеры стали знамениты останками львов, гиен, ископаемых слонов и других диких животных, которые использовались в медицине.^[89]

89. *Пещерная охота*, стр. 11.

Эти пещеры исследовались в основном геологами или палеонтологами в поисках свидетельств о вымерших животных, которые раньше их населяли. Признаки присутствия человека оставались незамеченными, а если и обнаруживались, то игнорировались. Таким образом, большая часть свидетельств ранней истории человека, несомненно, была невольно уничтожена.

Франконские пещеры были исследованы в конце XVIII века и описаны Эспером (1774), Розенмюллером (1804) и доктором Гольдфуссом (1810). Самой известной из них стала пещера Гайленройт. Здесь впервые были проведены систематические исследования, находки были классифицированы, а поскольку они указывали на сосуществование человека и вымерших млекопитающих, теории об их значении и происхождении наполнили воздух.

В 1861 году Уильям Бакленд (1784-1856), профессор минералогии в Оксфорде (впоследствии декан Вестминстера), посетил пещеры и зажег тот интерес к исследованию пещер, который впоследствии привел к таким замечательным результатам в Англии.

Орестон.

В том же году в Орестоне, недалеко от Плимута, была обнаружена первая в стране систематически исследуемая костяная пещера, отложения которой доказали, что в этом регионе ранее обитал носорог.

Киркдейл.

Более известным стало исследование пещеры Киркдейл, близ Хелмсли, в Йоркшире, обнаруженной в 1821 году в известняковом карьере, которую исследовал и описал доктор Бакленд.^[90] Он нашел останки разбитых и обглоданных костей носорога, мамонта, оленя, бизона и т. д., которые были добычей гиен, населявших пещеру, и проследил их происхождение до всемирного потопа. Впоследствии он изучил останки из других пещер и обобщил свои выводы в книге *Reliquiæ Diluvianæ*, опубликованной в 1824 году. В дальнейшем доктор Бакленд стал признанным авторитетом в области костяных пещер и их содержимого, и его неверие в одновременное существование человека и пещерных животных во многом объясняется тем недоверием, с которым на протяжении более чем одного поколения принимались все свидетельства существования раннего человека в Британии.

90. *Фил. Trans. Roy. Soc.*, 1882.

До сих пор в пещерах было обнаружено очень мало следов пребывания человека, а если их и находили, то, как правило, объясняли это более поздними вторжениями, хотя человеческая деятельность была доказана во Франконии, во французских пещерах, исследованных ММ. Турнэ де Кристолю и Марсель де Серр на юге Франции в 1828 году, а затем открытия доктора Шмерлинга в пещерах Льежа около 1832 года.

Льеж.

В сорока исследованных пещерах доктор Шмерлинг нашел не только кости вымерших животных, но и несколько человеческих костей, а также большое количество костяных и кремневых орудий и отщепов, которые он отнес к изделиям человеческой работы. К сожалению, эти открытия были дискредитированы доктором Баклендом и сэром Чарльзом Лайеллом, но впоследствии были полностью подтверждены доктором Э. Дюпоном.^[91]

91. *Les Temps Antéhist. en Belgique*, 1871.

Пещера Кента.

Самой важной из всех пещер, исследованных в Англии, является пещера Кента в Торки. Эта пещера была известна с незапамятных времен, но первое зафиксированное исследование было сделано мистером Нортмором из Клива, Эксетер, который посетил ее в 1824 году в надежде найти доказательства поклонения Митре.

В следующем году он вернулся туда снова, сопровождаемый преподобным Дж. МакЭнери, римско-католическим священником в аббатстве Тор, чье имя всегда будет почетно связано с исследованиями пещеры. Он не был геологом или палеонтологом, но именно ему принадлежит честь открытия первого кремневого орудия, когда-либо найденного в безошибочной связи с останками вымерших животных. В другой раз он посетил пещеру вместе с мистером Нортмором и доктором Баклендом. "В тот день не было обнаружено ничего примечательного, кроме зуба носорога и кремневого лезвия. Это был первый случай, когда британские реликвии были замечены в этой или, как я полагаю, в любой другой пещере. Обе эти реликвии мне посчастливилось найти".

Впоследствии он нашел множество других кремневых орудий, но доктор Бакленд не был уверен, что они встречаются на нетронутой территории. Он полагал, что древние бритты выкопали в сталагмите печи, и через них кремневые орудия попали в пещерную землю. В 1846 году Торквейское общество естественной истории назначило комиссию по расследованию, в которую вошли Пенгелли и еще два человека, подтвердившие открытие МакЭнери о кремневых орудиях вместе с вымершими животными. Тем не менее, их

доказательства не были приняты. По словам Пенгелли: "Научный мир... сказал нам, что наши заявления невозможны, а мы просто ответили замечанием, что мы не говорили, что они возможны, а только то, что они верны".^[92]

92. *Пещера Кента*, 1876 год. Лекция, прочитанная в Глазго (1875).

Озерные жилища.

Прежде чем рассказать об окончательном триумфе исследователей пещер в 1859 году, мы можем кратко остановиться на другой серии исследований, которые проводились в то же время и которые также были направлены на то, чтобы пролить свет на теневую фигуру доисторического человека. Это были раскопки кранногов и озерных жилищ.

Ирландские кранноги.

В 1839 году сэр У. Р. Уайльд исследовал некоторые ирландские кранноги, или полуискусственные острова, обычно сложенные из камней, бревен, палок (так называемые фашинные жилища), покоящиеся на *клаунах* или островках в ирландских озерах. Первым исследованным кранногом был Лагор, известный в древности как Лох-Гобхейр, недалеко от Даншафлина, шт. Мит, и упоминается в "*Анналах четырех мастеров*" как разграбленный в девятом и десятом веках. Изначально он был обнаружен случайно. Несколько рабочих, расчищая ручей поблизости, наткнулись на множество костей, а также на огромную коллекцию предметов разного рода, военных и бытовых, сделанных из камня, кости, дерева, бронзы и железа, и несколько человеческих останков.

Следующим был обнаружен кранног на озере Роуган, недалеко от Данганнона; затем их становилось все больше и больше, пока в 1857 году не было зафиксировано сорок шесть.

Находки в кранногах и глубина отложений указывали на их большой возраст, и сэр Уильям Уайлд сразу же признал их значение для определения истории раннего обитания человека на острове. Эти доказательства были подкреплены открытиями, сделанными вскоре после этого в Швейцарии.

Швейцарские свайные жилища.

Они также частично стали результатом несчастного случая. Зима 1853-4 годов выдалась особенно холодной и засушливой, в результате чего участки берегов швейцарских озер, обычно покрытые водой, стояли голыми и сухими. Воспользовавшись этим, жители Обер-Майлена, расположенного неподалеку от Цюриха, огородили часть берега, построив стены и заполнив освободившееся пространство грязью. В ходе необходимых раскопок были обнаружены различные останки, обрубки свай, каменные и роговые орудия и т.д. Доктор Фердинанд Келлер, президент Антикварного общества в Цюрихе, узнав об этих находках, поспешил исследовать вновь открытую местность. Рыбаки уже давно сообщали о существовании затопленного леса, пни которого зацепили их рыболовные сети и испортили рыбалку на покатых берегах. В 1829 году во время раскопок было найдено несколько свай, но, приписав их римлянам, на них больше не обращали внимания. Доктор Келлер обнаружил, что "затопленный лес" на самом деле имеет человеческое происхождение и состоит из заостренных свай, вбитых в землю через равные промежутки времени, и признал здесь следы доисторической человеческой оккупации, соответствующие тем, которые недавно были доказаны для Дании. Впоследствии свайные жилища были обнаружены в озерах Биль, Земпах, Нойфхатель, Женева и Валленстад, хотя исследования проводились только в Биле и Цюрихе. В них были найдены останки животных, многочисленные каменные орудия, керамика, череп, части нескольких скелетов и один кусок бронзы.

Сначала эти свидетельства просто игнорировались, затем к ним прислушивались, но дискредитировали, или же придумывали различные хитроумные объяснения, чтобы объяснить их.

Но постепенно накопленные свидетельства стали слишком настойчивыми, чтобы их можно было игнорировать, и подкреплялись слишком громкими именами, чтобы ими можно было пренебречь. Пещеры Мендипса, исследованные Уильямсом и Бирдом, Северного и Южного Уэльса, исследованные Стэнли, Йоркшира и Девоншира, кранноги Ирландии и свайные жилища Швейцарии - все они рассказывали одну и ту же историю.

Бриксхем.

Переломный момент наступил в 1858 году. В том году во время раскопок под фундамент здания в Бриксхеме, на берегу Торбея, была обнаружена новая пещера. Мистер Пенгелли убедил владельца отказаться ему в аренде девственного участка, и тот подверг его самому тщательному исследованию. Тридцать шесть грубых кремневых орудий были обнаружены в ассоциации с останками гиен, пещерных, бурых и гризли медведей, шерстистого носорога и мамонта, в нетронутом красном суглинке под слоем сталагмита.

Это было убедительным доказательством. Доклад, прочитанный мистером Пенгелли на заседании Британской ассоциации в Лидсе в 1858 году и поддержанный такими авторитетами, как Чарльз Лайель, Рэмси, Прествич,^[93] Оуэн и другими, стал решающим аргументом, и современное существование человека с плейстоценовой фауной было твердо установлено.

93. "Только после того, как я сам стал свидетелем условий, в которых эти кремневые орудия были найдены в Бриксхеме, я полностью убедился в обоснованности сомнений, брошенных на ранее преобладавшие мнения в отношении подобных останков в пещерах" - Прествич, *Phil. Trans. Roy. Soc.*, 1860.

Прошло немного времени, прежде чем к такому же признанию древности человека пришли на континенте.

Буше де Пертес.

Буше де Пертес, сын выдающегося ботаника, рано увлекся исследованием пещер, и в 1805 и 1810 годах сделал находки костей животных и кремневых орудий, которые он признал делом рук человека. Позже, когда в Аббевиле велись обширные раскопки для строительства укреплений и железных дорог, он нашел орудия того же типа *in situ*, а в 1838 году представил некоторые из своих открытий и выводов в Общество подражания Аббевиле, президентом которого он являлся. В следующем году он привез те же доказательства в Париж и показал свои кремни нескольким членам Института. В 1847 году он опубликовал описание своих находок. В 1855 году Риголлот,^[94] своими находками в Амьене, подтвердил свидетельства, полученные Буше де Пертесом.

94. *Mémoire sur des Instruments en silex trouvés à St. Acheul près Amiens.*

В 1858 году Хью Фальконер, палеонтолог, посетил Аббевиль, чтобы ознакомиться с коллекцией орудий труда, созданной Буше де Пертесом, и "убедился, что существует множество справедливых предположительных доказательств в пользу многих его догадок относительно отдаленной древности этих промышленных объектов и их связи с животными, ныне вымершими".^[95] По предложению Фальконера в следующем году Аббевиль посетили многочисленные геологи, в том числе сэр Джозеф Прествич, сэр Джон Эванс и сэр Чарльз

Лайель; а Артуру Дж. Эвансу, тогда еще мальчику, сопровождавшему своего отца, посчастливилось найти один из сколов кремня *на месте*. Это позволило установить, что горизонт кремней не подлежит сомнению, хотя все еще оставались те, кто оспаривал человеческую работу. Английские археологи и геологи, однако, уже были убеждены свидетельствами девонширских пещер, и признание "палеолитического человека" на континенте датируется их визитом.

95. *Palæont. Mem.*, ii., p. 597.

Последующий прогресс археологии.

В дальнейшем археология больше продвигалась за границей, чем в Великобритании, в основном, возможно, из-за более многочисленных материалов для изучения.

Франция.

Чтобы показать, какой вклад Франция внесла и продолжает вносить в развитие доисторической антропологии, достаточно упомянуть работу Ё. Ларте с г-ном Генри Кристи по французским пещерам Ориньяк (1861) и Перигор (1864); А. Ж. Л. Бертрана и Г. Бонштеттена по дольменам (1864, 1865 и 1879); Ё. Ривьер о пещерах Ментоны (1873); многочисленные работы Э. Шантра, особенно по бассейну Роны. Эти и другие работы подготовили почву для классического труда Г. де Мортилье (1883), чье мастерское изложение и методичное рассмотрение предмета оказали большую услугу всем последующим работникам. Отмечая труды других исследователей, следует особо упомянуть судью Э. Пьетта (1827-1906), чьи раскопки в пещере Мас д'Азиль стали вехой в подобных исследованиях. Профессор Э. Карतालхак, доктор Капитан и аббат Х. Брейль оказали дальнейшую услугу своими исследованиями французских пещер; двое последних в своем прекрасном мемуаре о пещере Альтамира в Северной Испании еще больше продемонстрировали замечательное художественное чувство и технику пещерных жителей на поздних этапах палеолита.

В Великобритании мы можем отметить имена Дж. Барнарда Дэвиса, Дж. Тернама, Роллестона, сэра Чарльза Лайелла, сэра Джона Эванса, каноника Гринвелла и профессора Бойда Докинза, чьи стандартные работы в значительной степени помогли сформировать курс археологии в нашей собственной стране.

В Германии среди ранних авторов можно назвать К. Фюльротта, Л. Линденшмидта (1864-1881), Й. А. Эккера (1865-1870), А. Лиссауэра и, прежде всего, Рудольфа Вирхова, автора многочисленных и ценных работ.

В других местах Г. Николуччи изучал доисторического человека в Италии, а за последние тридцать лет исследования прославленного доктора Оскара Монтелиуса из Стокгольма были оценены всеми археологами.

Человек третичного периода.

Буше де Пертес был защитником четвертичного человека во Франции; аббат Буржуа выступает в качестве главного героя в защиту третичного человека.

Первое открытие следов существования человека в третичный период было сделано в песчано-гравийных карьерах в Сен-Престе, недалеко от Шартра, М. Деснойером в 1863 году. Он обнаружил различные надрезанные кости, свидетельствующие о работе человека, а также останки *Elephas meridionalis* и *Rhinoceros leptorhinus*. Однако сэр Чарльз Лайель,

изучив пласты, высказал мнение, что они скорее позднечетвертичные, чем настоящие третичные.

Этот вопрос горячо обсуждался на Втором конгрессе по археологии и доисторической антропологии в Париже в 1867 году, где аббат Буржуа (1819-1878), профессор философии в Блуа, представил свои знаменитые кремневые орудия из миоценовых слоев в Thenay, недалеко от Тура, Луар-и-Шер. Это были, несомненно, миоценовые слои, но оставалось открытым сомнение, что орудия имеют человеческое происхождение, и если да, то найдены ли они в ненарушенных местах. На *Международном конгрессе антропологии* в Брюсселе в 1872 году был сформирован комитет из пятнадцати человек для обсуждения этой проблемы, и мнения разделились. Девять авторитетов признали человеческую работу (один из них позже изменил свое мнение); четверо отрицали ее; один высказался положительно, но сдержанно; а один вообще не смог определиться. Де Мортилье считал, что они были сделаны не самим человеком, а его получеловеческим предшественником, которого он назвал *Homosimius Bourgeoisii*.

Другие находки третичного человека, относящиеся к верхнему миоцену, были сделаны К. Рибейро в Отте, в долине Тежу, в 1860 году; Тарди в том же году и Рамеса в 1877 году, в слоях того же горизонта в Пюи-Курни, Овернь; Капеллини в плиоценовых слоях Монте-Аперто, около Сиены, и Фрица Ноетлинга в нижних плиоценовых слоях в Бирме, 1894, ни одна из них не была принята без вопросов, и по-прежнему классифицируется большинством авторитетов, как и сэром Джоном Эвансом в 1870 году, и снова в 1897 году, как "Не доказано".

Эолиты.

С вопросом о третичном человеке тесно связан "бушующий вихрь споров об эолитах", как описывает его Соллас. Бенджамин Харрисон из Игтхэма, Кент, впервые обратил внимание на эти грубые сколотые кремни, которые он нашел на меловом плато, и утверждал, что они имеют доледниковый возраст и человеческое происхождение. Прествич принял эту точку зрения, Эванс отверг ее, и антропологи до сих пор разделены на противоположные лагеря по этому вопросу. С тех пор эолиты были обнаружены в разных частях света, и они лишь подтвердили соответствующие точки зрения приверженцев той или иной стороны.

Соллас, подытожив все доказательства, говорит: "Когда эксперты расходятся во мнениях, неспециалисту не остается ничего другого, как сохранять непредвзятость". Эти дискуссии о существовании четвертичного и третичного человека были бы решены раз и навсегда, если бы в любом из пластов были найдены настоящие несомненные человеческие кости, но это случалось редко, и спорщикам приходилось почти полностью полагаться на сомнительные артефакты.

Глава IX.

ТЕХНОЛОГИЯ

История той отрасли этнологии, которая занимается ремеслами человека, очень коротка. Образцы искусств и ремесел различных рас долгое время собирались в музеях, и до последних лет они были не более чем курьезами или трофеями; но благодаря вдохновению генерала Питт-Риверса они стали свидетельствами этапов эволюции человеческой мысли или ремесел, или звеньями в цепи научных аргументов, указывающих на миграции или контакты народов.

Питт-Риверс.

Огастус Х. Лейн-Фокс (1827-1900) служил в Крыму. В 1851 году он начал собирать образцы для иллюстрации своих взглядов. Это, напомним, было за восемь лет до публикации "*Происхождения видов*". Таким образом, Лейн-Фокс во всех смыслах и целях был эволюционистом до Дарвина. Мало у кого инстинкт коллекционирования был развит так сильно, но неизменно существовал какой-то принцип или теория, которую он собирал, чтобы проиллюстрировать. Результаты более чем двадцатилетнего интеллектуального коллекционирования были выставлены в 1874 году в музее Бетнал-Грин. Коллекция стала откровением для студентов и первым применением теории эволюции к предметам, сделанным человеком. В 1880 году полковник Лейн-Фокс получил в наследство обширные владения в Уилтшире и Дорсетшире и стал называться Питт-Риверс. В следующем году он начал серию раскопок в своем поместье, которые являются образцами научного "копания". Музей Питт-Риверса в Оксфорде и музей в Фарнхеме в Дорсетшире являются достойными памятниками его гению. Хранитель первого музея, мистер Х. Бальфур, умело продолжает методы Питт-Риверса и проводит ценные исследования эволюции музыкальных и других орудий труда.

Отис Т. Мейсон (1838-1908), сотрудник Национального музея США, уделял особое внимание орудиям труда и технологическим процессам отсталых народов, особенно аборигенов Северной Америки; его также интересовали более широкие аспекты промышленного развития человечества.

Питт-Риверс, безусловно, одним из первых продемонстрировал, что узоры и орнаменты можно изучать с точки зрения эволюции, но никаких подробных исследований в этом направлении он не проводил. Первым систематическим трудом в этой увлекательной области исследований стал труд д-ра Х. Колли Марча, который в книге "*Значение орнамента*" (1889)^[96] использовал некоторые взгляды, выдвинутые Готфридом Земпером в его ценной книге "*Штиль*" (1860-1863); но более десяти лет выдающийся шведский археолог и этнолог, д-р. Хьялмар Столпе (1841-1905) собирал данные, иллюстрирующие эволюцию и распространение орнамента, и в 1890 году опубликовал мемуары о полинезийском искусстве, за которыми в 1896 году последовал мемуар об американском искусстве. Д-р К. Х. Рид,^[97] г-н Х. Бальфур (1893),^[98] и другие работали по аналогичным направлениям, и много ценных исследований в этом направлении было также проведено американскими и немецкими этнологами.

96. *Trans. Lanc. and Cheshire Ant. Soc.*, 1889.

97. *Journ. Anth. Inst.*, xxi., 1891, p. 139.

98. *Эволюция дек. искусства*.

Глава X.

СОЦИОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ

Те отрасли культурной антропологии, которые занимаются сравнительной социологией и магико-религиозными данными, иногда обозначаются как "этнология". Часто случается, что студенты, пишущие на эти и близкие темы, в одной и той же книге рассматривают археологические, технические и лингвистические аспекты культурной антропологии или этнологии в более широком смысле. Поэтому невозможно придерживаться точной классификации предмета при его историческом рассмотрении.

Сравнительная этнология.

Главным камнем преткновения на пути сравнительной этнологии была трудность постановки исследования на прочную научную основу. "Человека нельзя изолировать от мешающих влияний и наблюдать за ним, как за материалами химического эксперимента в лаборатории."^[99] Этнологов обвиняли в том, что они основывают свои выводы на самых хрупких свидетельствах, собранных из самых ненадежных источников:- ...

99. Lang, 1898, p. 39.

Все, что вам угодно... вы можете найти среди ваших полезных дикарей..... Достаточно пролистать несколько книг о путешествиях с карандашом в руке, чтобы выбрать то, что подходит для вашего случая..... Ваши свидетельства часто исходят от наблюдателей, не знающих языка людей, о которых они говорят, или самих предвзято относящихся к той или иной теории или предубеждению. Как вы можете претендовать на создание науки на таких основаниях, тем более что дикари-информаторы хотят угодить или запутать дознавателей, либо отвечают наугад, либо намеренно скрывают свои самые священные институты, либо никогда не обращали внимания на предмет? (l.c., p. 41).

Снять этот упрек призван профессор Тайлор.

Эдвард Бернетт Тайлор.

Трудно выразить в адекватных терминах то, что профессор Э. Б. Тайлор сделал для этнологии. Он является основателем науки сравнительной этнологии, а две его великие работы, *"Ранняя история человечества"* (1865) и *"Первобытная культура"* (1871), хотя и изобилуют огромной эрудицией, но настолько убедительны и украшены таким очаровательным литературным стилем и спокойным юмором, что стали "классикой" и оказали глубокое влияние на современную мысль. С самого первого их появления стало ясно, что судьбами зарождающейся науки руководит некий мастер-разум. Некоторое представление о масштабах и разнообразии его работ можно получить из библиографии из 262 статей, опубликованных в период с 1861 по 1907 год, собранной мисс Фрейре-Марреко в книге *"Антропологические эссе, подаренные Эдварду Бернету Тайлору в честь его семьдесят первого дня рождения, 2 октября 1907 года"*. Оценка трудов профессора Тайлора дана Эндрю Лэнгом в этом томе. Истинное значение целей "Науки мистера Тайлора", как назвал ее Макс Мюллер, можно лучше всего понять из слов самого профессора Тайлора

За последние годы стало очевидно, что антропология нуждается в укреплении и систематизации своих методов. Мир не был несправедлив к растущей науке, отнюдь. Везде, где антропологи смогли продемонстрировать определенные доказательства и умозаключения, например, в серии развития искусств в музее Питт-Риверс в Оксфорде, не только специалисты, но и образованный мир в целом, готовы принять результаты и ассимилировать их в общественное мнение. Строгий метод, однако, пока внедрен лишь на части антропологического поля. Еще предстоит преодолеть некую недоброжелательную нерешительность людей, занимающихся точными операциями в математике, физике, химии, биологии, чтобы признать, что проблемы антропологии поддаются научному лечению. Моя цель - показать, что развитие институтов может быть исследовано на основе таблиц и классификации.

Таково начало блестящей работы "О методе исследования развития институтов; применительно к законам брака и происхождения".^[100]

100. J. A. I., xviii., 245, 1889.

Табличный метод неприменим к большей части огромной массы материала, с которым имел дело Тайлор; но точность и систематизация метода встречаются повсюду и оказали неоценимую услугу науке, особенно привлекательной для смутных спекулянтов и восторженных *дилетантов*.

Тайлор (1871) настаивал на необходимости просеивания и проверки всех доказательств, в значительной степени полагаясь на "тест на повторяемость", или на ненамеренное совпадение в показаниях; он говорит: "Чем более странное утверждение, тем меньше вероятность того, что несколько человек в нескольких местах сделали его неправильно. Исходя из этого, представляется разумным судить о том, что эти утверждения в основном достоверны, а их тесное и регулярное совпадение объясняется тем, что подобные факты встречаются в различных областях культуры. Теперь наиболее важные факты этнографии подтверждаются таким образом" (2-е изд., 1873, с. 10).

Эйвбери.

Дополнительным стимулом к изучению сравнительной этнологии в нашей стране стала публикация книги сэра Джона Лаббока (лорда Эйвбери) "*Происхождение цивилизации*" (1870), которая открыла широкой публике интерес к этнологии и ее ценность в пролитии света на ранние стадии культуры цивилизованных народов.

Социология.

Вопрос о влиянии окружающей среды на развитие социальной организации так же стар, как и древнейшие мыслители мира, и нашел свое выражение у Аристотеля и Платона, хотя социология как наука является продуктом прошлого века. Слово "социология" впервые употребил Огюст Конт (1798-1857), который показал, что ее целью является выявление природы, естественных причин и естественных законов общества. С развитием естествознания возникло стремление к натуралистической интерпретации социальных различий, продемонстрированное Гийо (1807-1884) и Дрейпером (1811-1882) и чрезмерно подчеркнутое Баклом (1821-1862).

Комте-Бакл.

Метод Комта заключался в дедуктивном построении и предписании. План Бакла состоял в том, чтобы развить социальную науку индуктивным путем через изучение истории, с

помощью экономики и статистики. Его *"История цивилизации"* отвечает на великий вопрос, который он ставит перед собой: "Управляются ли действия людей, а значит, и обществ, неизменными законами, или же они являются результатом случайности или сверхъестественного вмешательства?". Он попытался показать, как "климат, пища, почва и общие аспекты природы" оказывали доминирующее влияние на ранние общества, определяя запасы продовольствия, численность населения и экономическое состояние.

К сожалению, преследуя эту идею, Бакл был склонен упускать из виду влияние культурно-контактных и экономических факторов, чем в определенной степени заслужил порицание Джевонса: "Бакл относил характер нации к климату и почве ее обитания"^[101] В то же время Бакл должен считаться первым историческим социологом современного научного движения.

101. *Письма и дневник Стэнли Джевонса*, 1866, с. 454.

Герберт Спенсер.

Эволюционистское объяснение мира природы в применении к социологии нашло свое наиболее полное выражение в Герберте Спенсере (1820-1903), который изучал анатомию социальной структуры. Он выводил принципы социологии из принципов психологии и биологии и рассматривал социальное развитие как сверхорганическую эволюцию.

Но все эти ранние попытки открыть социальную науку были скорее умозрительными, чем практическими. Прочные основы индуктивной социологии были заложены Бахофеном, Морганом, Дж. Ф. Макленнаном и другими.

Бахофен, Морган, Макленнан и другие.

Бахофен (1861) первым изучил систему передачи наследства по материнской линии, или материнское право, которая была широко распространена у древних народов и до сих пор встречается во многих регионах в более или менее развитом состоянии. Макленнан откровенно заявляет, что "честь этого открытия, важность которого, как дающего новую отправную точку для всей истории, невозможно переоценить, должна, без ограничений и оговорок, быть приписана ему" (1876, р. 421). Однако независимо от него Дж. Ф. Макленнан (1827-1881) в своей книге *"Первобытный брак"* (1865) пришел к выводу, "что древнейшей системой, в которой воплотилась идея кровного родства, была система родства только по женской линии".^[102] Он не раз отмечает, что "мистер Мэн, похоже, не мог представить себе никакого общественного строя более примитивного, чем патриархальный".^[103] Эта книга была переиздана с дополнениями в 1876 году, а две другие его книги были опубликованы посмертно (1885, 1896). В этих и более беглых работах Макленнан был ярким спорщиком и с ненужной энергией и враждебностью нападал на Моргана, сэра Генри Мейна и доктора Хоутта. Отношение Макленнана можно отчасти объяснить тем, что он был юристом и теоретиком, но он обладал огромным энтузиазмом, которым заражал всех, кто с ним соприкасался, и его труды послужили прогрессу в изучении социологии.

102. Р. 124 изд. 1876 г.

103. Р. 181, *ibid*.

"Со времен Платона и до наших дней существовали теории человеческого общества, в которых семья, живущая под руководством отца, принималась за высшую социальную единицу. Эти теории принимали различные формы... С сэром Генри Мейном (*Древнее право*, 1861) теория становится теорией происхождения общества или, по крайней мере, самой

ранней его стадии, к которой сравнительная юриспруденция призвана проявить интерес"^[104].

104. Д. Макленнан, *Патриархальная теория*, 1885, стр. х.

Морган, несомненно, был величайшим социологом прошлого века и в своем монументальном труде (1871) заложил прочный фундамент для изучения семьи и систем родства; он сформулировал схему эволюции семьи, основанную на изучении классификационной системы отношений,^[105] первооткрывателем которой он был. Согласно этой схеме, человеческое общество путем постепенной эволюции прошло путь от состояния полной распущенности до состояния, характеризующегося моногамией. Доктор Риверс^[106] отмечает, что "в последние годы эта схема встретила много возражений..... Противники Моргана не делали попыток провести различие между различными частями его схемы, но, показав, что некоторые ее черты неудовлетворительны, они осудили ее целиком". Однако большая часть работы Моргана имеет непреходящую ценность. Морган основывал свои выводы на огромном количестве терминов родства, собранных им самим и другими людьми из всех доступных источников. Доктор Риверс представил^[107] новый метод сбора подобных данных путем записи исчерпывающих генеалогий на ограниченной территории. Таким образом, можно не только с точностью собрать сведения о родстве, но и получить большое количество других социологических данных с готовностью и точностью, которые до сих пор были невозможны. Действительно, не будет преувеличением сказать, что этот метод производит революцию в методике социологической работы на местах.

105. У. Х. Р. Риверс, "О происхождении классификационной системы отношений", *Антропологические эссе* (том Тайлора), 1907.

106. *Jour. Anth. Inst.*, xxx., 1900, p. 74; *Sociological Rev.*, 1910.

107. В классификационной системе большинство родственников в одном поколении объединяются под одним общим термином; *например*, все мужчины поколения деда называются одним термином - другой термин включает отца, братьев отца, мужских кузенов отца, мужей сестер матери, мужей женских кузенов матери и так далее.

В более поздней книге (1878) Морган обобщил свои предыдущие выводы и предложил классификацию культуры, состоящую из нижнего, среднего и верхнего статусов дикости, нижнего, среднего и верхнего статусов варварства и статуса цивилизации, основанного на определенных изобретениях и отраслях промышленности.

В это время различные студенты писали о браке и семье, среди которых самыми известными были Жиро Теулон (1867, 1874, 1884), Г. Пост (1875), Летурно (1888), фон Хеллвальд (1889) и другие. Выводы ранних авторов были подытожены профессором Э. Вестермарком в его великолепной *"Истории человеческого брака"* (1891); но с тех пор много было написано на эту тему, представляющую постоянный интерес.

Профессор Ф. Х. Гиддингс в своих *"Принципах социологии"* подводит итог тенденции современных авторов в области этнологической социологии в следующих словах:...

Профессор Людвиг Гумплович [1883] пытался доказать, что истинные элементарные социальные явления - это конфликты, слияния и ассимиляции разнородных этнических групп. М. Новиков [1893], обобщая, утверждает, что социальная эволюция - это, по сути, прогрессивная модификация конфликта союзом, в ходе которой сам конфликт превращается из физической в интеллектуальную борьбу. Профессор де Гриф [1886], рассматривая этот вопрос совершенно иначе, находит отличительный социальный факт в договоре и измеряет

социальный прогресс в соответствии с вытеснением принудительной власти сознательным аргументом. Г-н Габриэль Тарде [1890] в оригинальном и увлекательном исследовании, которое произвело неизгладимое впечатление как на психологическую, так и на социологическую мысль, утверждает, что первоосновой социального факта является подражание, явление, предшествующее всем видам взаимопомощи, разделению труда и договору. Профессор Эмиль Дюркгейм [1895], не соглашаясь с выводами М. Тарда, берется доказать, что характерно социальный процесс, а значит, и высшее социальное явление, - это принуждение каждого индивидуального ума внешними по отношению к нему способами действия, мысли и чувства (с. 14).

Согласно Гиддингсу, первоначальным и элементарным субъективным фактом в обществе является "сознание рода".

Социальная психология представляет собой обширное и плодородное поле, которое еще мало изучено, и необходимо было введение в предмет, которое должно было дать ту общую точку зрения, которая является отправной точкой для дальнейших исследований. Доктор В. Макдугалл попытался сделать это в недавно опубликованной небольшой книге.^[108] Его общий вывод заключается в том, что жизнь обществ - это не просто сумма действий индивидов, движимых просвещенным своекорыстием или разумным стремлением к удовольствию и отвращением к боли; но что истоки всех сложных действий, составляющих жизнь обществ, следует искать в инстинктах и других первичных тенденциях, общих для всех людей и глубоко укоренившихся в далеком происхождении расы. Профессор Э. А. Росс из Висконсина одновременно атаковал ту же тему, о проблемах которой он уже писал ранее.^[109]

Магия и религия.

Магия и религия, как правило, считаются не только отличными друг от друга, но и противоположными. Однако среди некоторых ныне живущих студентов существует тенденция рассматривать их как аналогичные явления: оба они являются выражением веры в некую силу или энергию, которую можно обозначить меланезийским термином "мана" или американским "оренда". Уже не раз отмечалось, что в некоторых случаях очень трудно - возможно, даже невозможно - определить, можно ли отнести определенные действия к магическим или религиозным, поскольку они, как представляется, относятся к обеим категориям. Как и в случае с религией с этнологической точки зрения, магия исследовалась в полевых условиях, и непосредственные ссылки на нее можно найти в этнологической литературе - сравнительное изучение магии в некоторой степени было предпринято Фрейзером, Джевонсом и другими; но один из наиболее важных вкладов в эту тему принадлежит Юберу и Моссу,^[110] которые рассматривают ее с социологической точки зрения.

108. *Введение в социальную психологию*, 1908.

109. *Congress of Arts and Sci., St. Louis*, 1904, v. (1906), p. 869.

110. H. Hubert et M. Mauss, "Esquisse d'une théorie générale de la magie", *L'Année sociologique*, vii., 1904. M. Mauss, "L'Origine des pouvoirs magiques dans les sociétés Australiennes", *École pratique des Hautes Études* (Sec. Relig.), 1904.

Антропология и религия.

Парсон Тваккум в "Томе Джонсе" говорит: "Когда я говорю о религии, я имею в виду христианскую религию; и не только христианскую, но и протестантскую; и не только протестантскую, но и Англиканскую церковь". Антропология, путем обратного процесса,

переходит "в большей симпатии от конкретных вероучений к причастию к универсальному духу, который каждое вероучение пытается воплотить."^[111] Интерес антропологии к религии был определен Хаксли.^[112] "Антропология не имеет никакого отношения к истинности или ложности религии - она абсолютно и полностью отстраняется от таких вопросов, - но естественная история религии, происхождение и рост религий, исповедуемых различными племенами человеческой расы, входят в ее надлежащую и законную компетенцию".

111. Clodd, *Animism*, 1905, p. 11.

112. Выступление в Департаменте антропологии Британской академии наук. Ass. Дублин, 1878.

Здесь не место пытаться дать определение религии - задача, которая привела к стольким неудачам. Мы должны довольствоваться утверждением, что чаще всего она предстает в аспектах ритуала, мифа и веры. Антропология до сих пор практически ограничивала свое внимание ритуалом и мифом, но слишком часто исключительно последним.

Как отмечает Эндрю Лэнг (1887)^[113], в VI веке до н. э. Ксенофан жаловался, что богам приписывают самые страшные преступления, а другие классические писатели были потрясены противоречиями между концепцией и ритуальным поклонением одному и тому же богу. В Древнем Египте жрецы стремились переложить бремя абсурда и святотатства со своих божеств. Благочестивым брахманам пришлось проявить изобретательность, чтобы объяснить мифы, в которых Индра был убит брахманом. Эвгемер (316 г. до н. э.) в своем философском романе "*Сакра историка*", рационализируя басни о богах, считался атеистом. Некоторые писатели, такие как Плутарх (60 г. н.э.) и Порфирий (270 г. н.э.), сделали древних богов типами своих собственных любимых доктрин, какими бы они ни были. У первых христиан были веские аргументы против язычников. Евсевий в "*Præparatio Evangelica*", предвосхищая самого Эндрю Лэнга, "с изрядной долей юмора высмеивал старые теории, которые превращали стольких мифических героев в солнце" (стр. 20). "Физические толкователи, - говорит Евсевий, - не согласны даже в своих физических толкованиях". Свет антропологического метода осенил Евсевия. Много веков спустя Спенсер, магистр колледжа Корпус-Кристи, Кембридж (1630-93), в своей эрудированной работе о еврейском ритуале^[114], который, по его мнению, был всего лишь изглаженной адаптацией языческих обычаев, не имел в виду никакой другой схемы. Фонтенель^[115] объяснял иррациональный элемент в мифе как унаследованный от дикости.

113. 1899 ed., pp. 6, 7.

114. *De Legibus Hebræorum Ritualibus*, 1732.

115. *De l'Origine des Fables: Œuvres*, Vol. III., 1758.

Возрождение образования позволило ученым познакомиться с религиями не только Греции и Рима, но и народов, с которыми греки и римляне вступали в контакт - египтян, семитов, персов и индийцев. Путешественники рассказывали о религиях, которые они находили в отдаленных уголках мира, а миссионеры сообщали о верованиях и обычаях многих народов. Именно из этих источников были составлены всеобъемлющие труды по религии, начиная с Александра Росса "*Взгляд на все религии мира и т. д.*", 1652, и заканчивая Дюпюи "*Происхождение всех культов или всеобщая религия*", 1794. Считалось, что все языческие религии основаны на поклонении солнцу и звездам.

Новые горизонты были открыты трудами де Бросса (1760), который исследовал верования диких рас и основал всю религию на "фетишизме".

Еще раз процитируем Ланга: "В начале [девятнадцатого] века Германия обратила свое внимание на мифологию. Фридрих Крейцер [1771-1858] в благочестивом духе пытался найти в мифах и мистериях Греции символы какой-то чистой, ранней и восточной теософии. Великий Лобек в своем *"Аглаофамусе"* (1829) вернул здравый смысл и сделал его проводником своей огромной, непревзойденной образованности. В более мягком и доброжелательном духе К. Оттфрид Мюллер (1797-1840) заложил основы подлинно научной и исторической мифологии. Ни один из этих авторов, как и Альфред Мори [1857], не обладал обширными знаниями о мифах и верованиях низших рас, но часто кажется, что они предвосхитили этнологический метод". (Л.с., р. 23.)

Фольклор.

Мифологический аспект темы был освещен исследованиями братьев Гримм (J. L. K., 1785-1863; W. K., 1786-1859), чьи сборники *Märchen* (1812-5) содержали тевтонские мифы, а их сходство с норвежской, греческой и ведической мифологией позволило предположить, что в немецком фольклоре присутствуют остатки общей индогерманской традиции. Эта стала началом разумного изучения фольклора. Маннхардт (1865) и другие исследовали народные, особенно крестьянские, обычаи и верования, связанные с сельским хозяйством и растительностью, и показали, что здесь, в том, что христианство свело к суеверию, можно найти пережитки религий, которые христианство вытеснило. После этого изучение фольклора и "низшей мифологии" верований, обычаев и суеверий постепенно превратилось в науку, которая сегодня признана ценным союзником антропологии. Тем временем из массы материалов, собранных со всего земного шара, вырисовывалось антропологическое значение религии. Антропология установила ее универсальность и предприняла множество попыток найти общий фактор, сначала в астральном поклонении, затем в эвемеризме (Баньер, 1738), фетишизме (де Бросс, 1709-1777), поклонении природе (Макс Мюллер и др.), поклонении предкам (Герберт Спенсер, Липперт [1866] и др.), а затем в тотемизме. Эти гипотезы были основаны на ошибочном предположении, что религия дикарей представляет собой примитивный образ мышления, из которого развились цивилизованные религии. Позже было осознано, что "австралийского негра или жителя Андаманских островов отделяет от зарождения религии столько же поколений, сколько и его наиболее развитых современников; и за эти десятки или сотни тысяч лет происходили постоянные изменения, рост и упадок, причем упадок не является простым возвращением к первобытному состоянию. Мы можем многому научиться у самых низких из существующих религий, но они не могут сказать нам, каково было начало религии, так же как история языка может сказать нам, какой была первая человеческая речь."^[116]

116. Г. Ф. Мур, "История религий в XIX веке", *Конгресс искусств и наук, Сент-Луис*, 1904, с. 440.

Сравнительная религия.

Изучение сравнительной религии, хотя и не было основано Максом Мюллером (1823-1900), во многом обязано его энергии. За его лекциями по сравнительной мифологии (1856) последовали лекции по науке о религии (1870) и по религиям мира (1873). Он открыл ежегодную серию Хиббертовских лекций исследованием происхождения и роста религии, проиллюстрированным религиями Индии, а в качестве Гиффордского лектора в Глазго (1888-1892), обсуждал естественную религию, физическую религию, антропологическую религию и теософию или психологическую религию. Его *"Вклад в науку о мифологии"* появился в 1897 году. Его метод исследования был почти полностью лингвистическим, основанным на

фонетических законах, которые более поздние исследования дискредитировали; а его теория "мифологии как болезни языка" больше не выдерживает критики.

Очарование трудов Макса Мюллера и интерес, который они пробудили в ведических исследованиях, придали новый импульс изучению истории религий. Гимны Риг-Веды отнюдь не являются продуктом простого общества, как он предполагал; по его мнению, гимны и мифы были отделены от ритуальной религии, а боги отождествлялись с природными объектами. Смертельный удар по этому методу изучения религии в нашей стране был нанесен острой критикой Эндрю Ланга (1884, 1887). Слишком узкая основа теорий Макса Мюллера была разрушена аргументами, полученными из сравнительной этнологии; "глупый, бессмысленный, и дикий элемент" (как он его называл) в классической мифологии оказался тем камнем преткновения, о который он разбился.

Более прочный фундамент для исследования был заложен Тайлором и Лаббоком. Хотя название "наука о религии" принадлежит Макс Мюллеру, именно Тайлор первым ввел в нее научный метод и тем самым заложил основы для будущих исследований.

Более поздние работники в этой области естественным образом делятся на две группы. Одни проводят интенсивные исследования отдельных форм религии, либо исторических, как Робертсон Смит (1846-1894), либо живых, как Кодрингтон в Меланезии, Дж. О. Дорси^[117] в Америке, Спенсер и Гиллен в Австралии и многие другие.

117. "Социология Омахи", *Ann. Rep. Bur. Am. Ethn. Rep.* iii., 1884; "Социология сиуанов", xv., 1897.

Другие исследователи пытаются, сопоставляя массу материала, выявить фундаментальные религиозные представления человека и проследить их последующее развитие. Среди них можно отметить Гранта Аллена, Кроули, Фрейзера, Хартленда, Джевонса, Эндрю Лэнга, Маретта и многих других.

Тем, кто знаком с современным изучением сравнительной религии в этой стране, нет необходимости указывать на влияние таких тружеников, как Маннхардт, Тайлор и Робертсон Смит, на последующих авторов; также нет необходимости привлекать внимание к огромной эрудиции и красноречивому письму профессора Дж. Г. Фрейзера, чей монументальный труд о *Золотой ветви* стал классикой, или к памятной *Легенде о Персее* Э. С. Хартленда.

Изучение мифов различных народов привлекает внимание многочисленных студентов, а в Германии некоторые этнологи, такие как Эренрайх, Фой,^[118] и Фробениус,^[119] находят богов солнца и луны в самых маловероятных местах. Однако существует серьезная опасность, что эта природная мифология заходит слишком далеко.

118. *Archiv für Religionswissenschaft*, x., 1907, и др.

119. "Die Weltanschauung der Naturvölker", *Beitr. z. Volks-und Völkerkunde*, vi., 1898; *Das Zeitalter des Sonnengottes*, i., 1904; *The Childhood of Man*, 1909.

Происхождение моральной идеи также обсуждалось с этнологической точки зрения, как это показали Хобхауз (1906) и Вестермарк (1906) в своих больших книгах.

Магия, религия и мораль, как мы видели, особенно в последние годы, почти полностью рассматривались с антропологической точки зрения. Но возникла новая школа французских ученых, которые утверждают, что это, по сути, социальные явления. Труды Дюркгейма,

Юбера и Мосса^[120] положили начало новому методу исследования, который обещает иметь далеко идущие результаты.

120. Работы этой школы в основном можно найти в "*L'Année sociologique*" (1898).

Глава XI.

ЛИНГВИСТИКА

Лингвистика как отдел антропологии может рассматриваться с разных точек зрения. Для эволюциониста язык является одним из критериев, отделяющих *Hominidæ* от других антропоидов; соматолог заинтересован в соотнесении фонетической системы со строением органов, связанных с механизмом речи; а этнолог изучает язык для доказательства этнического родства или социальных контактов, или как средство определения уровня культуры, которого достиг тот или иной народ, или, опять же, как отражение его характера или психологии. Лингвистические классификации Галлатина, Гумбольдта и Мюллера будут рассмотрены далее.

Арийские противоречия.

Связь между лингвистикой и антропологией приобрела наибольшее значение в середине девятнадцатого века, когда открытия и теории филологов были взяты на вооружение для объяснения проблем европейской этнологии, а арийский спор стал *очагом* возмущения на всем континенте. "Ни один другой научный вопрос, за исключением, пожалуй, доктрины эволюции, никогда не обсуждался с таким ожесточением и не был так адски запутан под руками шовинистических или иным образом предвзятых писателей"^{[[121]]}.

121. Ripley, 1899, p. 453.

В 1786 году сэр Уильям Джонс указал на связь между санскритом, греческим, латинским, германским и кельтским языками и предположил их общее происхождение, что было подтверждено Боппом в 1835 году. К сожалению, примитивное единство речи подразумевало примитивное единство расы.

Среди этнологических докладов, прочитанных на заседании Британской ассоциации в 1847 году, был один "О результатах недавних египетских исследований в отношении азиатской и африканской этнологии и классификации языков", в котором барон Бунзен пытался показать, что все человечество может быть классифицировано по языку. Фактически, в 1847 году считалось само собой разумеющимся, что изучение сравнительной филологии станет в будущем единственным надежным фундаментом для изучения антропологии.^[122]

Распространение этого заблуждения обычно приписывают Максиму Мюллеру, чье обаяние стиля и высокая репутация исследователя санскрита немало способствовали популяризации новой филологической науки. Он придумал термин "арийский", который сам по себе содержит два ошибочных предположения - одно лингвистическое, что индоиранская группа языков старше своих родственников, а другое географическое, что ее "колыбель" находилась в древней Ариане, в Центральной Азии. Более того, в своих лекциях он говорил

не только об арийском языке, но и об "арийской расе". Ему приписывают, что он "героически компенсировал" эти ошибки, написав позднее: "Для меня этнолог, говорящий об арийской расе, арийской крови, арийских глазах и волосах, - такой же великий грешник, как и лингвист, говорящий о долихоцефальном словаре или брахицефальной грамматике. Это хуже, чем вавилонское смешение языков - это откровенное воровство". Но, как отмечает^[123], сам он никогда не разделял того заблуждения, в котором его обвиняли. Он признает, что не совсем без вины виноват, поскольку иногда позволял себе вольности говорить об арийской или семитской расе, имея в виду людей, говорящих на арийских или семитских языках; но уже в 1853 году он протестовал против вторжения лингвистики в этнологию и

призывал если не к полному разводу, то, по крайней мере, к судебному разделению между филологией и этнологией..... Фонолог должен собирать свои доказательства, организовывать свои классы, разделять и объединять, как будто никакой Блюменбах никогда не рассматривал черепа, как будто никакой Кэмпер никогда не измерял углы лица, как будто никакой Оуэн никогда не исследовал основание черепа. Его доказательства - это свидетельства языка, и ничего больше; он должен следовать им, даже если в зубах у истории, физической или политической..... Между этнологической и фонологической наукой не должно быть компромисса. Истина может быть достигнута только путем констатации вопиющих противоречий между ними.^[124]

122. *Rep. Brit. Assoc. (Cardiff)*, 1891, p. 787.

123. *Rep. Brit. Assoc. (Cardiff)*, 1891, p. 787.

124. *Rep. Brit. Assoc. (Cardiff)*, 1891, p. 787.

Протест был напрасным. Вера в существование "арийской расы" стала общепризнанным фактом как в лингвистике, так и в этнологии, и ее влияние омрачает работу многих антропологов даже в наши дни.

Естественно, вопрос об идентичности арийской расы вскоре стал предметом острой дискуссии. Французская и немецкая школы сразу же заняли противоположные стороны: немцы утверждали, что арийцы были высокими, светлыми и длинноголовыми, предками современных тевтонов, а французы, опираясь в основном на культурные данные, утверждали, что язык и цивилизация пришли в Европу вместе с альпийской расой, которая составляет столь значительный элемент в современном французском населении.

Существует два способа, с помощью которых лингвистика может быть изучена как помощь антропологии: во-первых, структурный анализ, с помощью которого можно доказать языковое родство; во-вторых, то, что называется "лингвистической палеонтологией", или изучение корневых слов, с помощью которого можно установить первоначальную культуру народа. Филология зашла слишком далеко в применении обоих этих методов. Она претендовала на право с помощью структурного анализа связать расовые отношения европейских и азиатских народов, а с помощью лингвистической палеонтологии - определить культуру первоначальных "арийцев" и выявить их исконную родину. Именно из-за вопроса об "арийской колыбели" они были вынуждены отказаться от своих слишком амбициозных притязаний.

В начале XIX века было принято считать, что наши первые предки были созданы в 4004 году до н. э. и говорили на иврите, а происхождение европейских языков датируется переселением Иафета с равнин Шинара, около 2247 года. Азиатское происхождение расы и языка долгое время оставалось неоспоримым. Но в 1839 году Омалиус д'Халлой, а за ним в

1851 году Лэтэм начали сомневаться в азиатской "колыбели", отмечая, что азиатские языки не имеют права считаться более древними, чем европейские, и что во многих отношениях литовский и армянский являются самыми архаичными в этой семье. Еще более важной была работа Бенфея,^[125] которого можно считать родоначальником лингвистической палеонтологии, и который использовал ее доказательства, чтобы перенести первоначальное расселение из Азии в Европу. За ним последовали различные филологи, использовавшие разные методы для доказательства различных теорий; колыбель ариев находилась во многих частях Европы и Азии, от Памирского плато до Балтийских равнин. Макс Мюллер признался в 1888 году, что "доказательства настолько податливы, что можно составить более или менее правдоподобное обоснование" практически для любой части света.

125. Т. Бенфей, в предисловии к книге Фика *"Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen"*, 1868.

Язык и раса.

Слишком сильные притязания маятника привели к тому, что лингвистика оказалась в немилости у этнологов, и некоторое время на доказательства существования языка смотрели с подозрением. Даже филологов обвиняли в том, что они зашли слишком далеко в этом направлении.

Профессор Сайс^[126] говорит: "Идентичность или родство языка может доказать не более чем социальный контакт..... Язык - это помощь историку, а не этнологу". Но, как отмечает профессор Кин, есть много случаев, когда язык безошибочно доказывает существование этнических элементов, которые в противном случае не были бы заподозрены - например, в случае с басками в Европе. "Таким образом, язык, используемый с рассудительностью, является большим подспорьем для этнолога в определении расового родства и в решении многих антропологических проблем" (1896, стр. 205).

Хотя почти двадцать лет назад Макс Мюллер писал: "Я верю, что придет время, когда ни один антрополог не решится писать о чем-либо, касающемся внутренней жизни человека, не овладев языком, на котором эта внутренняя жизнь находит свое истинное выражение", мы вынуждены повторить его сетования: "Как мало книг, которым мы доверяем в отношении характеристик или особенностей диких рас, были написаны людьми... которые изучали их языки до тех пор, пока не могли говорить на них так же хорошо, как сами туземцы!"^[127]

126. *Наука о языке*, ii., p. 317.

127. *Rep. Brit. Assoc. (Cardiff)*, 1891, p. 792.

Глава XII.

КУЛЬТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И ВЛИЯНИЕ СРЕДЫ

Мы видели, что в начале своего существования наука о человеке была не более чем ветвью зоологии, и что его структурные особенности первыми привлекли внимание и стали

материалом для изучения; поэтому все ранние классификации были основаны на физических характеристиках. Галлатин был одним из первых, кто классифицировал человечество скорее по тому, что оно *делает*, чем по тому, чем оно *является*.

Галлатин.

Альберт Галлатин (1761-1849) родился в Женеве, эмигрировал в Америку в возрасте до двадцати лет и быстро поднялся до положения одного из самых выдающихся американских государственных деятелей, став министром Соединенных Штатов во Франции, а затем в Англии. Он отметил неудовлетворительность группировки по цвету кожи, росту, форме головы и т. д. в случае с расами Америки и сделал предварительную классификацию туземных племен на основе языка. Майор Дж. У. Пауэлл (1834-1902) и доктор Бринтон (1837-1899) разработали лингвистическую классификацию американских индейцев.

Вильгельм фон Гумбольдт.

Классификация по языковому признаку уже использовалась Вильгельмом фон Гумбольдтом (1767-1835) во введении к его большому труду о языке кави на Яве, озаглавленному *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, который был опубликован посмертно, 1836-40. Возникновение новой филологической науки дало новый импульс этому методу классификации, который был принят Ф. Мюллером (1834-1898), а в последнее время использовался Деникером и другими авторами.

Были предприняты и другие попытки классификации с помощью культурных различий. Среди них можно отметить основанные на мифологии и религии Макса Мюллера, на институтах и социальной организации Моргана и Ратцеля, а также на музыкальных системах Фетиса.

Гиппократ.

Гиппократ (ок. 460-377 гг.) в своем труде "*О воздухе, воде и местах*" впервые обсуждает влияние окружающей среды на человека, физическое, моральное и патологическое. Он разделил человечество на группы, наделенные однородными характерами под влиянием однородного окружения, показав, что горы, равнины, сырость, засушливость и т. д. порождают определенные и разнообразные типы.

Боден.

Боден, написавший в 1577 году "*Законы и обычаи общего богатства*" (английское издание 1605 года), содержит, как отмечает профессор Дж. Л. Майрес,^[128] "всю суть и ядро современной антропогеографии..... Его климатические контрасты основаны на птолемеевой географии... и он утверждает, будто мир оборвался на Сахаре..... На свою классификацию окружающей среды от арктического севера до тропического юга" он накладывает "перекрестное деление по уровням культуры от цивилизованного Востока до варварского Запада".

128. *Rept. Brit. Assoc.*, 1909 (1910), p. 593.

Бюффон.

Бюффон следовал Гиппократу. Человек, говорит Бюффон, состоит из одного вида. Индивидуальные вариации обусловлены тремя причинами - климатом, пищей и привычками. Эти влияния, действующие на больших территориях на большие группы людей, порождают

общие и постоянные разновидности. Этим разновидностям он дал название *расы*. Эта доктрина была главной опорой моногенистов.

Александр фон Гумбольдт, Риттер и Вайц.

1859 год знаменует собой кризис в этой области исследований, как и во многих других. Александр фон Гумбольдт (1769-1859), прусский натуралист и путешественник, провел последнюю часть своей жизни за написанием своего классического труда "*Космос*", краткого изложения законов и условий физической Вселенной. Карл Риттер (1779-1859), профессор географии Берлинского университета, с 1822 года до своей смерти опубликовал десять томов книги "*Эрдкунды в связи с природой и историей человечества*" (*Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen*). Эти работы стали основой, на которой развился немецкий взгляд на географию как на науку о взаимосвязи распределения. В 1859 году Вайц в своей "*Антропологии природы*" настаивал на взаимосвязи между физической организацией и психической жизнью человечества.

Бакл.

Между 1857 и 1861 годами появилась "*История цивилизации*" Бакла, в которой сильно подчеркивается влияние окружающей среды на человечество. "К одному из этих четырех классов (климат, пища, почва и общий аспект природы) можно отнести все внешние явления, которыми человек постоянно воздействовал на человека."^[129] Признание влияния окружающей среды уже давно было характерно для французской школы. Рипли (Ripley, 1900, р. 4) указывает, что, где бы ни стоял выбор между наследственностью и средой, французы почти всегда предпочитают последнюю в качестве объяснения феномена. Это видно со времен Бодена (1530-1596) и Монтескье (1689-1755), с их объективными объяснениями философии, и Кювье, который проследил тесную связь между философией и геологическими образованиями, до Туркана (1896), который нанес на карту награды Парижского салона, показав совпадение места рождения художников с плодородными речными бассейнами.

129. Л.с., гл. ii.

Ратцель. Реклю.

В Германии выразителями этих теорий были Котта и Коль, а позднее Пешель, Кирхгоф, Бастиан и Герланд; но наибольшее имя принадлежит Фридриху Ратцелю (1844-1904), который написал стандартный труд по *антропогеографии* (1882-91). Другой монументальной работой является труд Элизея Реклю (1820-1905) "*Новая всеобщая география*" (1879-1894).

Le Play.

Большой толчок к развитию этнологической социологии дала школа Ле Пле во Франции, конкретное применение теорий которой было разработано Демолином и другими и опубликовано в "*La Science Sociale*" и других работах. Последователи этой школы в своих исследованиях в области описательной социологии обязательно начинают с окружающей среды и прослеживают ее влияние на занятия людей, их социологию и так далее. Этот метод чрезвычайно нагляден и привел к множеству блестящих обобщений. Опасность заключается в теоретизировании на основе несовершенных данных, и существует тенденция приписывать определенные социальные условия непосредственно влиянию среды и занятий, в то время как более широкое знание этнологии показало бы, что эти или аналогичные социальные условия возникали в других местах, где они не были вызваны предполагаемыми причинами.

РЕТРОСПЕКТ

Если сделать краткий итоговый обзор истории антропологии, то можно заметить, что из-за тенденции студентов ограничивать свое внимание одним из разнообразных предметов, которые объединяются под термином "антропология", прогресс этой науки был очень неравномерным.

У физической антропологии было очень много приверженцев, которые подходили к предмету в основном с точки зрения небольших анатомических вариаций; но даже в настоящее время значение многих деталей не понято, и в отношении критериев расовой анатомии был достигнут очень незначительный прогресс. Нам еще предстоит выяснить, как адекватно описать или измерить существенные анатомические различия между расами и народами. Эта проблема осложняется тем, что мы не знаем, насколько стабильны физические характеристики и насколько быстро на них влияют изменения в окружающей среде. В настоящее время эффекты смещения и окружающей среды представляют собой плодотворное поле для исследований. Несовершенство геологической летописи объясняет относительно медленный прогресс, достигнутый в прослеживании эволюции человека как животного.

В то время как структурные особенности человека изучались квалифицированными учеными, история человека с точки зрения культуры исследовалась в основном литераторами, которые подходили к этому вопросу с разных сторон и, из-за отсутствия опыта в этой области или в силу естественной зависимости от документальных свидетельств, часто не были достаточно критичны в отношении своих авторитетов. Сравнительный метод дал очень ценные результаты, но он может привести неопытного человека к ошибкам. Если воспользоваться биологическими терминами, то аналогию можно принять за гомологию, поскольку обычаи или верования (которые, следует помнить, в подавляющем большинстве случаев записаны крайне несовершенно) могут иметь поверхностное сходство. Если бы все факты были известны, оказалось бы, что они имели совсем другое происхождение или значение. Сравнения, сделанные в пределах определенной области или между близкими народами, имеют большую ценность, чем сравнения, сделанные в разных частях света. В настоящее время больше всего необходимо интенсивное изучение ограниченных областей; уже проведенные исследования оказались весьма плодотворными. Хотя мы многое знаем о многих формах социальной организации, мы обнаруживаем, что в очень немногих случаях эти знания достаточно точны, чтобы объяснить их, из-за того, что данные не были собраны адекватно подготовленными наблюдателями. Другими словами, культурная антропология оказалась во многом во власти студентов, не получивших достаточно строгой подготовки.

Предметы, созданные человеком, только недавно стали подвергаться критическому изучению. В этом археологи опередили этнологов. Распределение предметов и его значение изучались в Германии больше, чем в других странах, и уже дают многообещающие результаты.

Антропология постепенно становится целостной и организованной наукой. Главная опасность, которой она подвержена, заключается в том, что ее очарование и популярность, затрагивающие все сферы человеческой мысли и деятельности, приводят к преждевременным обобщениям.

История антропологии, как и история большинства других наук, полна примеров противодействия со стороны предрассудков и фанатизма тех, кто больше полагается на традиции, чем на результаты исследований и логические выводы из них; но реакционерам всегда приходилось в конце концов уступать.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аллен, Грант. *The Evolution of the Idea of God*. 1897.

Bachofen. J. J. *Das Mutterrecht*. 1861.

Bastian, P. W. A. *Der Mensch in der Geschichte*. 1860.

Beddoe, J. *The Races of Britain*. 1885.- Антропологическая история Европы. 1893.- Многочисленные ссылки см. в "Библиографии Рипли".

Бендиш, Т. "История антропологии". *Memoirs of Anthropological Society*. I., 1865.

Brosses, de. *Du culte des dieux fétiches, ou parallèle de l'ancienne religion de l'Egypte avec la religion actuelle de Nigritie*. 1760.

Camper, P. *Dissertation physique de M. Pierre Camper sur les Différences réeles que présentent les traits de Visage chez les Hommes de différents pays et de différents Âges*. 1791.

Клодд, Э. *Том Tum Tom*. 1898. Анимизм, семя религии. 1905.

Дарвин, Ч. *Происхождение видов*. 1859.-*Descent of Man*. 1871.-Выражение эмоций у человека и животных. 1872.

Davis, Barnard, and Thurnam, J. *Crania Britannica*. 1865.

Dieserud, J. *The Scope and Content of the Science of Anthropology*. 1908.

Durkheim, E. *De la division du travail social*. 1893.-*Les règles de la méthode sociologique*. 1895.

Evans, J. *The Ancient Stone Implements, Weapons, and Ornaments of Great Britain*. 1872.- Древние бронзовые орудия и т. д. 1881.

Frazer, J. G. *Totemism*. 1887.-Тотемизм и экзогамия. 1910.

Gallatin, A. *Synopsis of the Indian Tribes*. 1836.- Заметки о полукцивилизованных народах Мексики, Юкатана и т. д. 1845.

Giddings, F. H. *The Principles of Sociology*. 1896.

Гомм, Г. Л. *Этнология в фольклоре*. 1892.- *Фольклор как историческая наука*. 1908.

Гомм, А. Б. *Традиционные игры Англии и др.* 1894-8.

Haddon, A. C. *The Decorative Art of British New Guinea*. 1894.-*Эволюция в искусстве*. 1895.-*Изучение человека*. 1898.-*Магия и фетишизм*. 1906.-*Расы человека и их распространение*. 1909.

Хартленд, Э. С. *Примитивное отцовство*. 1910.

Хобхаус, Л. Т. *Мораль в эволюции*. 1906.

Jevons, F. B. *Introduction to the History of Religion*. 1896.

Lafitau, J. F. *Moeurs des Sauvages comparées aux Moeurs des premiers Temps*. 1723.- *Hist. des Découvertes et des conquêtes des Portugais dans le Nouveau Monde*. 1733.

Ланг, А. *Обычай и миф*. 1884.-*Myth, Ritual, and Religion*. 1887.-*The Making of Religion*. 1898.-*Magic and Religion*. 1901.

Lartet, E. et Christy, H. *Reliquiæ Aquitanicae*. 1865-75.

Latham, R. G. *The Natural History of the Varieties of Man*. 1850.- Предисловие к "*Germania*" Тацита. 1851.- *Описательная этнология*. 1859.

Макричи, Д. *Свидетельство традиции*. 1890.- *Фианы, феи и пикты*. 1893.

Mannhardt, W. *Roggenwolf and Roggenhund*. 1865.-*Die Korndämonen*. 1868.-*Der Baumkultus der Germanen*. 1875.-*Antike Wald- und Feldkulte*. 1877.-*Mythologische Forschungen*. 1884.

Marett, R. R. *The Threshold of Religion*. 1909.

Mason, Otis T. *The Origins of Invention*. 1895.-*Woman's Share in Primitive Culture*. 1895.

Morgan, L. H. *Systems of Consanguinity, etc.: Smithsonian Contributions to Knowledge*, 218. 1871.-*Ancient Society*. 1878.

Mortillet, G. de. *Le Préhistorique Antiquité de l'homme*. 1883.

Myres, J. L. *Herodotus and Anthropology* (in *Anthropology and the Classics*). 1908.

Nott, J. C., and Gliddon, G. R. *Types of Mankind*. 1853.-*Indigenous Races of the Earth*. 1857.

Pitt-Rivers, A. Lane-Fox. Каталог антропологической коллекции и т.д., Музей Бетнал Грин. 1874.-*The Evolution of Culture, and other Essays* (Репринт работ, опубликованных в 1868-75 гг.). 1906.

Quatrefages de Bréau, A. de. Ссылки см. в "*Библиографии Рипли*" и "*L'Anth.*", III., p. 14. 1892.

Ratzel, F. *Anthropo-Geographie*. 1882-91.—*Völkerkunde*. 1887-8 (переведена на английский как *The History of Man*; 1896).-*Die Erde und das Leben*. 1901.

Ripley, W. Z. *The Races of Europe* (с обширной библиографией). 1900.

Smith, W. Robertson. *Kinship and Marriage in Early Arabia*. 1885.- *Религия семитов*. 1889.

Stolpe, H. *Utvecklingsföreteelser i Naturfolkens Ornamentik*. Ymer. 1890. (Переведено на англ. яз.) (*Trans. Rochdale Lit. and Scie. Soc.*; 1892.) - *Studier i Amerikansk Ornamentik*. 1896.

Villermé, L. R. "Sur la Population de la Grande-Bretagne," etc. *Ann. d'hygiène*, pub. xii., p. 217. 1834 г. - См. также xiii., p. 344 (1835); xxx., p. 28 (1843).

Вирхов, Р. Л. К. См. "Библиографию Рипли", с. 118-21.

Уоллес, А. Р. *Дарвинизм*. 1889.

White, C. *An Account of the Regular Gradation in Man*, etc. 1799.

Уайльд, У. Р. *Описательный каталог древностей в музее Ирландской королевской академии*. 1863.

Windle, B. C. A. *Essay Concerning the Pigmies of the Ancients*. 1894.

- Примечания транскриптора:
 - Сноски перенесены в конец ссылающегося абзаца, где это необходимо.
 - Боковые сноски перенесены в начало абзаца, в котором они находились.
 - Пропущенные или неясные знаки препинания были беззвучно исправлены.
 - Типографские ошибки были беззвучно исправлены.
 - Несогласованное написание и дефисное написание приведены в соответствие только в том случае, если в книге встречается преобладающая форма.